

Монархи открытого океана или приключения буканьеров. Том 2 (из 3)

Уолтер Торнбери

THE

MONARCHS OF THE MAIN;

OR,

ADVENTURES OF THE BUCCANEERS.

BY

GEORGE W. THORNBURY, ESQ.

"One foot on sea and one on shore,
To one thing constant never."

MUCH ADO ABOUT NOTHING.

IN THREE VOLUMES.

VOL. II.

LONDON:

HURST AND BLACKETT, PUBLISHERS,
SUCCESSORS TO HENRY COLBURN,

13, GREAT MARLBOROUGH STREET.

1855.

The Project Gutenberg eBook of The Monarchs of the Main; Or, Adventures of the Buccaneers. Том 2 (из 3)

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: The Monarchs of the Main; Or, Adventures of the Buccaneers. Том 2 (из 3)

Автор: Уолтер Торнбери

Дата выхода: 21 января 2012 [eBook #38632]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Адамом Бухбиндером, Рори Оконором и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии и щедро предоставленных Google Books Library Project (<http://books.google.com/>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MONARCHS OF THE MAIN; OR, ADVENTURES OF THE BUCCANEERS. ТОМ 2 (ИЗ 3) ***

Электронный текст подготовлен Адамом Бухбиндером, Рори Оконором, и командой онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии щедро предоставленных библиотечным проектом Google Books (<http://books.google.com/>)

Примечание:

У проекта "Гутенберг" есть два других тома этой работы.

Том I: см.

<http://www.gutenberg.org/files/38631/38631-h/38631-h.htm>

Том III: см.

<http://www.gutenberg.org/files/38633/38633-h/38633-h.htm>.

Изображения оригинальных страниц доступны в библиотечном проекте Google Books. См.

<http://books.google.com/books?vid=ASYCAAAA>

Монархи открытого океана или приключения буканьеров. Том 2 (из 3)

ДЖОРДЖ В. ТОРНБЕРИ, ЭСКВАЙР.

"Одна нога на море, другая на берегу,
К одному неизменен никогда".
Much Ado about Nothing.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ II.

ЛОНДОН: ХЕРСТ И БЛЭКЕТТ, ИЗДАТЕЛИ,
ПРЕЕМНИКИ ГЕНРИ КОЛБЕРНА,
13, GREAT MARLBOROUGH STREET.
1855.

ЛОНДОН: СЕРКОМБ И ДЖЕК, 16, ВЕЛИКАЯ ВИНДМИЛЛ-СТРИТ.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА. II.

ГЛАВА I. СЭР ГЕНРИ МОРГАН.

Сын валлийского фермера - бежит в море - становится буканьером - присоединяется к Мансвельту и захватывает остров Святой Екатерины - Мансвельт умирает - остров Св. Екатерина вновь захвачена испанцами - Морган берет Порт-о-Пренс - толпа французских и английских искателей приключений около мозговой косточки - берет Порто-Белло - захватывает французское судно "*Ле Серф Волант*" - оно взрывается - берет Маракайбо - город опустошен - пытается нищего-идиота - Ле Пикар, его проводник - берет Гибралтар - тоже пустынный - пытается горожан - с помощью пожарного корабля уничтожает испанский флот и

переходит бар - спасается из форта с помощью хитрости - экспедиция Ранчери - отплывает в Панаму - капитан Брэдли берет замок Чагрес - анекдот о раненом буканьере 1

ГЛАВА II. ЗАВОЕВАНИЕ ПАНАМЫ.

Марш из Чагреса через перешеек - Фамин - скопление индейцев - дикие быки, спускаемые на них - победа в Саванне - битва за форты - взятие города - сжигание его части - жестокости - жертвы - добродетель испанской пленницы и ее страдания - возвращение с пленными - выкуп - раздел добычи - доводы Моргана - ночной побег на Ямайку - рассеяние флота - дальнейшая судьба Моргана 125

ГЛАВА III.- СПОДВИЖНИКИ И ПРЕЕМНИКИ МОРГАНА.

Беседа Иксмелина со старым буканьером - приключения с индейцами - побег Эскемелинга - побег Д'Огерона от испанцев - сражение буканьеров на Тобаго с голландцами - капитан Кук захватывает испанское судно - капитаны Коксен и Шарп начинают свое плавание 189

ГЛАВА IV.- КРУИЗЫ КОКСЕНА И ШАРПА.

Посещение Южного моря - Буканьеры высаживаются в Дарьене - Марш на сушу - Взятие Санта-Мари - Отплытие в Панаму - Рингрос терпит крушение - Неудача экспедиции - Отбитый испанский флот - Частичная победа - Коксен обвинен в трусости - Шарп избран командующим, сместили - разграбление Хилло и захват Ла-Серены - взятие Арики - Шарп переизбран - возвращение с трудом - заговор пленных - высадка на Антигуа - возвращение в Англию - суд над Шарпом за пиратство - захват французского корабля в Даунсе - возвращение на Ямайку 215

ГЛАВА V.- ПУТЕШЕСТВИЯ ДАМПИРА.

Дампир покидает капитана Шарпа - сухопутный поход через перешеек - присоединяется к капитану Райту - крушение д'Эстре и французского флота - возвращение в Англию - второе плавание с капитаном Куком - Гвинейское побережье - посещение Хуана Фернандеса - взятие Амбаллы - затопление Паиты - схема работы на испанских рудниках - нападение на галеон Манилла - капитан Сван - смерть Дампира неизвестна - Ван Хорн, голландский моряк - захватывает галеоны - берет Веракрус - убит на дуэли с де Граффом - его платье 277

МОНАРХИ ОТКРЫТОГО ОКЕАНА

ГЛАВА I. СЭР ГЕНРИ МОРГАН.

Сын фермера - бежит в море - становится буканьером - присоединяется к Мансвельту и захватывает остров Святой Екатерины - Мансвельт умирает - остров Святой Екатерины вновь взят испанцами. Екатерина вновь захвачена испанцами - Взятие Порт-о-Пренса - Бойня французских и английских буканьеров около мозговой косточки - Взятие Порто-Белло - Захват *Le Cerf Volant*, французское судно - оно взрывается - берет Маракайбо - город опустошен - мучает идиота - Ле Пикар -

штурмует Гибралтар - тоже опустошен - мучает горожан - с помощью пожарного корабля уничтожает испанский флот и переходит Бар - спасается с помощью хитрости - экспедиция в Ранчерию - отплывает в Панаму - капитан Брэдли берет замок Чагрес - анекдот о раненом буканьере.

Кампании Моргана - одна из самых ярких глав истории буканьеров. Такой же смелый, но менее жестокий, чем Лолоннуа, менее фанатичный, чем Монбарс, и менее щедрый и честный, чем Де Люссан или Шарп, он, похоже, был единственным вождем вольных разбойников, получившим официальное признание от английского правительства. Из старого памфлета мы узнаем, что экспедиция в Панаму была предпринята по поручению и с полного одобрения английского губернатора Ямайки.

Сэр Генри Морган был сыном валлийского фермера, из простых обстоятельств, "как и большинство носителей этого имени в Уэльсе", - говорит Эскемелинг, его голландский историк. Рано невзлюбив однообразную, лишенную приключений жизнь отцовского дома, он сбежал из дома и, приехав на побережье, стал моряком и отправился в море.

Взойдя на борт судна, направлявшегося на Барбадос и стоявшего вместе с другими в порту, он, как обычно, отдался в услужение агенту плантатора, который сразу же по прибытии в Вест-Индию перепродал его на три года. Отслужив свой срок и получив с таким трудом заработанную свободу, он отправился на Ямайку, место, о котором по всему Мэну ходили дикие истории. Он решил попытать счастья в этом Эль-Дорадо и, прибыв туда, увидел два корабля буканьеров, которые как раз готовились к экспедиции. Находясь в поисках работы и не находя подходящей для своего смелого и неугомонного духа, он решил стать флибустьером. Джентльмены удачи оказались удачливыми, и не успели они выйти в море, как взяли ценный приз.

Этот ранний успех стал для Моргана таким же фатальным, как удача для молодого азартного игрока при его первом посещении ада. Он разжег его амбиции, укрепил надежды и побудил продолжить столь удачно начатую карьеру. Он последовал за вождями буканьеров и изучил их образ жизни. Всего за три или четыре плавания он так отличился, что приобрел репутацию хорошего солдата, отличающегося доблестью и удалью. Он был хорошим стрелком и славился своей бесстрашностью, хладнокровием и решительностью. Казалось, он предвидел все случайности и приступал к осуществлению своих планов с твердой уверенностью, которая гарантировала их успех.

Уже накопив немало денег и будучи удачливым как в плаваниях, так и в азартных играх, Морган договорился с несколькими богатыми товарищами о совместной покупке судна, командиром которого он был единогласно назначен. Так обычно начиналась карьера авантюриста. Отправившись с Ямайки, он вскоре стал примечателен количеством призов, которые он взял; его хорошо известные места были вокруг побережья Кампичи. С этими призами он с триумфом вернулся на Ямайку, его имя стало наводить ужас на испанцев и служить боевым кличем для англичан. Обнаружив в гавани старого буканьера Мансвелта, собиравшегося отправиться в грандиозную экспедицию на материк, он присоединился к нему и сразу же был избран вице-адмиралом небольшого флота из пятнадцати судов и 600 человек, частично английских и частично французских.

Сначала они отправились к острову Святой Екатерины, расположенному недалеко от континента Коста-Рика и удаленному от реки Чагрес примерно на тридцать пять градусов. Здесь они совершили свой первый спуск и обнаружили, что испанцы хорошо укрепились в фортах, построенных из тесаного камня, но, высадив большую часть своих людей, они вскоре заставили гарнизоны сдаться. Морган очень отличился в этой экспедиции, заставив

даже своих врагов превозносить его мастерство и доблесть. Теперь он разрушил все замки, кроме одного, в котором разместил 100 человек, а также рабов и пленных, и приступил к атаке на небольшой соседний остров. Через несколько дней они навели мост, соединяющий его с островом Святой Екатерины, и перевезли по нему все захваченные ими большие орудия, уничтожив огнем и мечом свое первое завоевание. Затем они снова отправились в плавание, предварительно высадив пленников на берег у Портобелло, намереваясь проплыть вдоль Коста-Рики до реки Колла, сжечь и разграбить все города вплоть до Наты. На самом деле они захватили остров только для того, чтобы найти проводника, который мог бы вести их по пути в Нату, зная, что испанцы использовали остров Святой Екатерины как депо для своих пленников всех наций. Первым шагом в экспедиции буканьеров было найти проводника. К их радости, они нашли мулата, который знал ната и обязался вести их на уничтожение народа, который он ненавидел. Вероятно, Мансвелт уже планировал основать колонию на острове Святой Екатерины, которая не зависела бы ни от французов, ни от англичан. Но их планы были сорваны, так как губернатор Панамы, узнав об их приближении и о прошлых успехах, вышел навстречу с людьми и вынудил их внезапно отступить, так как вся страна была встревожена и все их планы стали известны.

Однако Морган, видя, что остров Святой Екатерины хорошо укреплен, легко обороняется и имеет важное положение, поскольку гавань его хороша и находится недалеко от испанских поселений, решил удержать его, назначив губернатором француза Ле Сьера Симона, которого он оставил с гарнизоном в 100 человек. Сен-Симон хорошо вел себя в его отсутствие и привел остров в хорошее оборонительное состояние, укрепил четыре больших форта и превратил меньший остров в цитадель, тщательно охранял три доступных места, посадил овощи и расчистил плантации на меньшем острове, где в изобилии была пресная вода, обеспечив флот провиантом на два плавания.

Теперь оба командира решили вернуться на Ямайку, пообещав послать на Саймон рекрутов, опасаясь вторжения, а самих себя привести к скорой помощи, намереваясь сделать остров убежищем и пристанищем для братства обеих наций. Губернатор Ямайки отказался удовлетворить просьбы Мансвелта о солдатах, боясь ослабить силы острова без разрешения Англии. Мансвелт, измученный промедлением, поспешил на Тортугу и умер во время сбора добровольцев - его планы все еще находились в зачаточном состоянии. Если бы его план удался, и его энергично продвигали, буканьеры могли бы основать республику и в конечном итоге вытеснить испанцев из Индий.

Пока Саймон с нетерпением ожидал помощи с Ямайки и удивлялся неизбежному молчанию Мансвелта, испанцы готовились выкурить осиное гнездо, которое так опасно лежало рядом с их фруктовым садом. Новый губернатор Коста-Рики внес в их планы необычное решение. Опасаясь потерять Индию по частям, они решили сокрушить зло, пока оно не стало несокрушимым. Дон Хуан Перес де Гусман снарядил флот из четырех судов по пятьдесят-шестьдесят человек на каждом под командованием дона Хосефа Санчо Ксименеса, генерал-майора гарнизона Порто-Бельо. Дон Хуан в письме к Симону обещал ему вознаграждение, если он сдаст остров его католическому величеству, и угрожал наказанием в случае сопротивления. Симон, видя невозможность и бесполезность сопротивления, сдал его после нескольких выстрелов на тех же условиях, на которых Морган получил его от врага.

Испанцы очень радовались своей победе, опубликовав "правдивый отчет о победе, одержанной оружием его католического величества над английскими пиратами под руководством и благодаря доблести дона Хуана Переса де Гусмана, кавалера ордена Святого Иакова, губернатора и генерал-капитана Терра Фирмы и провинции Верагуас".

Далее описывается прибытие четырнадцати английских судов на побережье в 1665 году, их прибытие в Пуэрто-де-Наос и захват города Святой Екатерины губернатором доном Эстебаном дель Кампо, причем враг высадился незамеченным. После этого доблестный дон Хуан созвал военный совет, на котором заявил о больших успехах, достигнутых пиратами во владениях его католического величества, и заявил, "что совершенно необходимо отправить на остров Святой Екатерины некоторое количество войск, достаточное для того, чтобы отбить его у пиратов, поскольку честь и интересы его испанского величества здесь очень сильно затронуты, иначе пираты, совершив такие завоевания, со временем могут *легко* завладеть "всеми близлежащими странами". Те, кто был менее падок, или более миролюбив, гениально предложили оставить пиратов в покое, пока они не погибнут за неимением провизии, но дон Хуан, преодолев их робость, отправил запасы в ополчение Порто-Бельо и сам переправился туда, подвергая свою жизнь немалой опасности. В этом порту он нашел "*Сент-Винсент*", хороший корабль, принадлежащий негритянской компании, который он оснастил командой из 270 солдат, тридцати семи пленными, тридцати двух человек из испанского гарнизона, двадцати девяти мулатов из Панама, двенадцати индейских лучников, семи артиллеристов, двух лейтенантов, двух лоцманов, хирурга и францисканского капеллана. Перед отплытием дон Хуан (*который не пошел с ними*) призвал их сражаться против врагов их страны и их религии, "этих бесчеловечных пиратов, совершивших столько ужасных жестокостей над подданными его католического величества", пообещав щедрое вознаграждение всем, кто хорошо себя поведет на службе своему королю и стране. В Картахене они получили подкрепление в виде одного фрегата, одного галеона, лодки и 127 человек.

Прибыв на остров, пираты разрядили три пушки, отказались сдаваться и заявили, что предпочитают лишиться жизни. На следующий день трое негров-дезертиров, приплыв к адмиралу, сообщили ему, что на острове всего семьдесят два человека, а через два дня после дня Успения испанцы высадились и начали драку. Корабль "*Сент-Винсент*" атаковал батарею Консепшн, форты "*Сент-Питер*" и "*Сент-Джеймс*", причем пираты отбили многих врагов, зарядив свои пушки частью труб церковного органа, по три десятка труб за раз. Пираты потеряли шесть человек, прежде чем сдались, а испанцы - одного. На острове нашли 800 фунтов пороха и 250 фунтов пуль. Двое испанских дезертиров, обнаруженных среди пленников, были "застрелены" на следующий день. Пленных перевезли в Пуэрто-Вело, всех, кроме троих, которых по приказу губернатора держали в качестве трофея, как закованных Самсонов, для работы в замке Святого Иеронима в Панаме, крепости, построенной губернатором за свой счет.

Через день или два после этой неизбежной капитуляции в Сент-Катрин прибыло судно с подкреплением и провизией от губернатора Ямайки, который раскаялся в своем отказе от предложения Мансвельта, но еще не набрался смелости для дерзкого бесчестного поступка. Испанцы, подняв английский флаг, уговорили Саймона принять корабль и предать его в их руки. На борту находилось четырнадцать мужчин и две женщины, все они были взяты в плен.

После смерти Мансвельта Морган без сопротивления стал лидером всех искателей приключений на Ямайке. Он сразу же распространил информацию о своем намерении отправиться в грандиозную экспедицию и назвал Кубу в качестве места встречи, причем Сент-Кэтрин находился не так далеко. Морган не меньше Мансвельта стремился превратить этот остров в крепость и склад. Он писал купцам Вирджинии и Новой Англии, чтобы заключить с ними контракт на поставку боеприпасов и провианта; но эта надежда была разрушена испанским завоеванием, и он почувствовал себя свободным, чтобы приступить к

более широкому и амбициозному делу. Его планы на мгновение потерпели поражение, но его мужество и амбиции не были ни на йоту ущемлены.

Двух месяцев, проведенных в южных портах Кубы, ему хватило, чтобы собрать флот из двенадцати парусов с 700 бойцами, частью англичанами, частью французами, решившими следовать за ним до смерти. Чтобы предотвратить раздор, столь частый между двумя нациями, Морган включил в уставной договор пункт, дающий ему право приговаривать к немедленной смерти любого искателя приключений, убившего или ранившего другого. Затем был созван совет, чтобы решить, на какое место им следует обрушиться в первую очередь. Одни предлагали Сантьяго, который уже был разграблен, другие - наброситься на табак Гаванны или красивые леса Кампеачи. Многие высказывались за ночной штурм Гаванны, которую, по их мнению, можно взять до того, как замок будет готов к обороне. Выкуп духовенства, который они могли бы получить, стоил бы больше, чем разграбление меньшего города. Но некоторые буканьеры, побывавшие там в плену, заявили, что менее чем с 1500 человек ничего сделать нельзя, и от этого предложения отказались, доказав, что сначала нужно отправиться на остров де лос Пинос и высадиться на небольших лодках в Матамане, в четырнадцать лигах от города.

Наконец кто-то предложил посетить Порт-о-Пренс, город на Кубе, очень богатый за счет торговли шкурами, и который, находясь далеко в глубине острова и построенный на равнине, можно было легко врасплох. Оратор хорошо знал этот город и был уверен, что он никогда не подвергнется разграблению. Отчаявшись собрать достаточно сил для штурма Гаванны, они решили следовать плану испанца. Морган сразу же согласился с этим планом и, дав капитану сигнал бросить якорь, направился в Порт-Сент-Мэри, ближайшую к Порт-о-Пренсу гавань. В ночь их прибытия в бухту испанский пленник бросился в море и, выплыв на берег, отправился сообщить губернатору о планах буканьеров, который, обладая скудными знаниями английского языка, получил полное представление о намерениях Моргана, более глубокое, чем рассказывает история.

Губернатор немедленно послал в соседний город за подмогой и через несколько часов собрал отряд из 800 вооруженных свободных людей и рабов, занявших перевал, через который должны были пройти буканьеры. Он вырубил деревья, забаррикадировал подходы и спланировал восемь засад, укрепленных пушками, чтобы обстреливать их на марше. Затем он вышел в саванну, где мог видеть буканьеров на большом расстоянии.

Горожане тем временем готовились к худшему с обычной для богатых людей робостью, пряча свои богатства и увозя движимое имущество. Авантюристы, войдя в это место, обнаружили, что тропинки почти непроходимы из-за деревьев, но, полагая, что их обнаружили, укрылись в лесу и таким образом удачно избежали засады.

Губернатор, увидев, что враги, к его изумлению, вышли из-за деревьев на равнину, тут же приказал своей кавалерии окружить их, как он сделал бы это с отрядом волков, намереваясь сначала рассеять их своей конницей, а затем преследовать основным корпусом. Буканьеры, ничуть не обескураженные ни сверканьем копий, ни топотом всадников, смело пошли вперед, с барабанами и вывешенными знаменами. Они выстроились полукругом, чтобы принять атаку, и стремительно двинулись навстречу врагу, не ожидая нападения. Некоторое время испанцы горячо атаковали их, но, обнаружив, что их враги ловко владеют оружием, двигаются скорее вперед, чем назад, и, увидев, что их губернатор и многие их товарищи мертвы у их ног, бежали сломя голову в город; те, кто бежал к лесу, были убиты, прежде чем они смогли добраться до него. Буканьеры, у которых было мало убитых и раненых, наступая

фалангой, убивали без жалости всех, кого встречали, в течение четырех часов, пока длился бой. Беглецы из города заперлись в своих домах и вели огонь из окон и бойниц. Выстрелы с крыш и балконов не прекращались, хотя город был взят, и буканьеры пригрозили, что если стрельба не прекратится, то город будет охвачен пламенем, а женщины и дети будут изрублены на глазах у оставшихся в живых.

Подавив таким образом всякое сопротивление, Морган загнал всех пленников - мужчин, женщин, детей и рабов - в собор, где поставил караул. Затем он отдал город на разграбление в пользу своей акционерной компании, найдя много ценного, но мало денег - так искусно испанцы умели прятаться. Затем, как обычно, были посланы отряды, чтобы разграбить окрестности и привезти провизию и пленных для пыток.

Затем началось веселье, а пленников оставили голодать в церквях; старух и детей ежедневно пытали, чтобы заставить их рассказать, где спрятаны их деньги.

Монахи первыми бежали от английских еретиков, но их часто ловили в лесах и бросали, полумертвых от страха, на исповедь умирающим в тюрьмах. Когда грабежи и провизия стали скудными, а сами они начали ощущать лишения, которые причиняли другим, буканьеры решили отплыть после пятнадцати дней проживания, излюбленного братством времени.

Теперь они потребовали двойной выкуп за своих главных пленников: во-первых, за себя, под страхом отправки на Ямайку; во-вторых, за город, иначе он будет сожжен дотла. Для сбора пожертвований были выбраны четыре купца, и в их присутствии несколько испанцев были подвергнуты пыткам, чтобы усилить их рвение. Через несколько дней они вернулись с пустыми руками и потребовали отсрочки на пятнадцать дней, которую Морган предоставил. По их словам, они обыскали все леса и не нашли никого из своих соотечественников. Промедление становилось все более опасным: отряд фуражиров захватил негра с письмом от губернатора Сантьяго, в котором горожане просили не спешить с выкупом, а отложить пиратов с отговорками, пока он не придет им на помощь. Разгневанный вероломством, Морган поклялся, что больше не будет медлить, и на следующий день сожжет город, если выкуп не будет выплачен, но не упомянул о найденном письме и не выказал никаких опасений. Так и не сумев получить деньги, Морган согласился взять 500 быков, которых он настоял на том, чтобы испанцы поместили на борт его кораблей в Порт-о-Пренсе, вместе с солью, достаточной для того, чтобы "растереть их в порошок", а мякоть использовать для новой и более выгодной экспедиции.

В тот же день Морган покинул город, взяв с собой шестерых главных горожан в качестве заложников. На следующий день прибыл скот, но он потребовал, чтобы испанцы помогли ему убить и засолить его. Это было сделано в большой спешке, Морган ожидал, что в любой момент в поле зрения появятся корабли Сантьяго. Как только бойня была закончена, он отпустил заложников и отплыл, не желая сражаться, когда победа ничего не даст.

В этот момент тлеющая ревность двух народов, составлявших его экипажи, разгорелась в пламя. Обида, нанесенная в прошлом плавании, закрепились и переросла в глубокую и прочную вражду, которая в конечном итоге привела к объединению, фатальному для всякого увеличения силы братства побережья.

Пока пленники трудились над засолкой букашек, матросы пили и радовались успеху, готовили самые сочные куски, пока они были еще свежими, и всеми силами стремились заполучить горячие мозговые кости, любимое лакомство охотников Испаньолы. Француз, работавший одним из мясников, достал это лакомство и положил его рядом с собой в качестве *приятного букета*, когда его работа была закончена. Английский буканьер, скорее

голодный, чем вежливый, проходя мимо и не зная о сохранении собственности в такой республике, схватил вонючую кость и унес ее. Француз, преследуя его с гневными криками, вызвал его на бой, но не успели они дойти до места схватки, как нападавший ударил своего противника ножом в спину и уложил его замертво на месте. Французы, подняв оружие, объявили это национальной ссорой и потребовали возмещения ущерба. Морган, справедливый и беспристрастный по своей природе и политике, арестовал убийцу и приговорил его к немедленному расстрелу, заявив, что тот имел право бросить вызов своему противнику, но не наносить ему вероломных ударов. По словам Иксмелина, его отправили в цепях на Ямайку (там его судили и повесили), а Морган пообещал, что правосудие над ним свершится. Французы, однако, остались недовольны, оплакивали судьбу своего товарища и клялись отомстить.

Морган, не дожидаясь, пока губернатор Ямайки разделит с ним добычу, отплыл на небольшой остров, расположенный на некотором расстоянии, чтобы получить дивиденды. К всеобщему огорчению и отвращению, они обнаружили, что вся сумма составляет всего 60 000 крон, что недостаточно для уплаты долгов на Ямайке: сюда не входили шелковые ткани и другие товары, что давало жалкие гроши в 80 крон на каждого человека, как вознаграждение за столько опасностей и лишений.

Морган, как и остальные, не желая возвращаться в Порт-Ройал с пустыми руками, предложил новую экспедицию, в поисках большего приза. Но французы, не сумев договориться с англичанами, покинули флот, несмотря на все уговоры своего командира, но со всеми внешними признаками дружбы, до последнего умоляя восстановить справедливость по отношению к "*infame*".

Морган, всегда возлагавший большие надежды на храбрость французских авантюристов, не собиравшись отказываться от своей новой экспедиции из-за их дезертирства. Он вселил в своих людей отвагу и надежду на получение богатства, и все они решили последовать за ним на штурм места, название которого он пока не раскрывал, возбуждая их тайной, исключаящей возможность предательства.

Он вышел в море с восемью небольшими судами, но вскоре к нему присоединился авантюрист с Ямайки, только что вернувшийся из Кампичи; вместе с этим новым союзником у него было девять судов и 470 человек, среди которых еще оставалось много французов, и он прибыл в Коста-Рику со всем своим флотом в безопасности.

Как только они увидели сушу, он открыл свой замысел капитанам, а вскоре после этого и всем морякам. Он намеревался ночью взять штурмом Порто-Бельо и разграбить весь город: он был уверен в успехе, поскольку никто не знал о его секрете; хотя некоторые из его людей считали, что их силы слишком малы для такого предприятия. На это Морган ответил, что если их число и невелико, то храбрость их велика, и чем меньше их будет, тем больше добычи достанется каждому, а также больше шансов на объединение и сохранение тайны; и на этом все единодушно согласились с замыслом.

По счастливой случайности или по заранее обдуманной договоренности один из команды Моргана оказался англичанином, который совсем недавно был пленником в Порто-Белло, и его прошлые страдания теперь оказались основой его будущей удачи. Сбежав оттуда, он знал каждый дюйм побережья, которое так болезненно запечатлелось в его памяти, и Морган с полным доверием подчинился его руководству. По его совету они направились прямо в бухту Санта-Мария, специально прибыв туда в сумерках, и достигли места примерно в двенадцати лигах от города, не встретив ни одного судна. Затем они поплыли вверх по реке

до Пуэрто-Понтин, расположенного в четырех лигах от города, воспользовавшись попутным ветром, который поднялся ночью, прохладный и свежий.

Здесь они бросили якорь и погрузились в лодки, оставив несколько человек, чтобы те привели корабли. Тихонько гребя, они достигли около полуночи места под названием Эстера-де-Лонга-Лемос, где все высадились и пошли на аванпосты города.

Майкл Скотт описывает Порто-Белло как жалкую, грязную, сырую дыру, окруженную высокими холмами, покрытыми лесом, окутанную туманом, пропахшую грязью и лихорадкой. Вечные испарения заслоняют солнце и смешиваются с выдыхаемым паром болот свинцового цвета, закрытых землей бухт, которые образуют гавань.

Теперь они находились в пределах досягаемости самого сильного города испанской Вест-Индии, за исключением Гаванны и Картахены, порта Панама и великого рынка серебра и негров. Оставив, как обычно, отряд для охраны лодок, сопровождаемые своим проводником, они на полпути к городу стали готовить оружие. Подойдя к первому часовому, Морган послал вперед проводника и еще трех или четырех человек, чтобы застать его врасплох. Они сделали это хитро, прежде чем он успел выстрелить из мушкета, и привели его со связанными руками к Моргану, который, угрожая ему смертью, спросил его, как идут дела в городе и какими силами они располагают, при этом "тысячей угроз убить его, если он не скажет правду". Испуганный испанец сообщил им, что город хорошо укреплен, но жителей очень мало, купцы живут в нем только во время погрузки галеонов, и что он сможет взять его, несмотря на все крепости и 300 солдат. Тогда Морган двинулся к форту, неся перед собой связанного человека, и через четверть лиги достиг крепости, где расположилась его рота, плотно окружив ее, так что никто не мог ни войти, ни выйти. Пленник тщетно пытался обойти этот редут, на котором он служил пикетом, ободренный обещаниями Моргана о вознаграждении и заверениями, что он не выдаст его своим соотечественникам.

Испанцы, обнаружив, что дозорного нет, уже подняли тревогу о приближении буканьеров. Из-под стен Морган приказал дозорному призвать гарнизон немедленно сдаться на его усмотрение, иначе они будут изрублены на куски без четверти. Не вняв этим угрозам, испанцы тут же начали палить из пушек и мушкетов, чтобы встревожить город и получить подмогу. Но хотя они оказали достойное сопротивление, их вскоре одолели, и буканьеры, загнав их в одну комнату, подожгли порох, лежавший на полу, и взорвали башню и ее защитников вместе с воздухом; всех оставшихся в живых они предали мечу, чтобы навести ужас на город.

На рассвете они ворвались в город и застали жителей, одни из которых еще спали, а другие были напуганы и встревожены; многие не думали ни о чем, кроме как спрятать свои сокровища, и только профессиональные солдаты готовились к сопротивлению. Губернатор, не сумев собрать горожан, скрылся в цитадели и открыл огонь как по городу, так и по врагу. Перепуганное стадо, одуревшее от страха, бросало свои деньги и драгоценности в колодцы и цистерны, закапывало сокровища во дворах, подвалах, садах и часовнях. Авантюристы, воздержавшись от грабежа, отправили отряд в монастыри, чтобы взять в плен религиозных служителей, мужчин и женщин; другой отряд готовил лестницы, чтобы взобраться в форт, ни на минуту не ослабляя усилий ни при нападении, ни при обороне. Они тщетно пытались сжечь ворота крепости, которые оказались железными и не поддавались их усилиям, и поддерживали теплый огонь в амбразурах, целясь с такой ловкостью в устья пушек, что убивали канонира или двух каждый раз, когда орудия либо разряжались, либо заряжались.

Обстрел продолжался с рассвета до полудня, и даже тогда результат казался сомнительным, поскольку, когда искатели приключений подходили к стенам с гранатами, чтобы поджечь

двери, защитники обрушивали на них глиняные горшки, наполненные порохом и подожженные фитилем, а также ливни камней и других снарядов. Морган уже начал отчаиваться в успехе и не знал, как выбраться из этой передраги, когда над меньшим фортом поднялся английский флаг, и отряд людей с радостными криками выбежал вперед, чтобы провозгласить победу. Оставшийся замок, однако, представлял *собой пиесу сопротивления*, поскольку в нем хранилась церковная утварь и богатства богатых горожан, находившихся вместе с гарнизоном. Была предложена хитрость, апеллирующая к испанским суевериям, и, как оказалось, удачная. Было сделано десять или двенадцать лестниц, настолько широких и прочных, что по ним могли подняться три или четыре человека в ряд. На все угрозы губернатор ответил, что ни за что не сдастся живым, даже если религиозные деятели сами поднимутся по лестницам. Тогда монахов и монахинь потащили во главе роты и заставили установить лестницы, несмотря на горячий дождь огня и выстрелов; губернатор "прилагал все усилия, чтобы уничтожить всех, кто приближался к стенам, стреляя в рабов Божьих, хотя его родственники, и пленные, и принужденные к службе. Нежных женщин и пожилых мужчин под дулом меча гнали на этот ненавистный труд, осмеиваемые англичанами и не жалеемые их соотечественниками".

Все это время буканьеры вели непрерывный огонь по всей линии серых боевых укреплений в каждое отверстие, где сверкала головка пика или тлела зажженная спичка ; они много страдали в ответ, будучи безоружными, не защищенными ни стальной шапкой, ни кирасой, ни частоколом, ни земляными укреплениями. Несмотря на крики верующих, поднимавшихся по лестницам, их молитвы к святым и мольбы к гарнизону вспомнить об их общей крови и нации, многие священники были застрелены еще до того, как удалось взобраться на стены. Более суеверные испанцы были встревожены, услышав предсмертное проклятие освященных служителей Бога, пронзительно звучащее над грохотом битвы. Наконец лестницы были установлены, и под ливнем огненных горшков погибло почти столько же испанцев, сколько и англичан, а буканьеры бросились вперед со всей ловкостью моряков и решимостью берсеркеров; их лучшие стрелки сбили нескольких испанцев, ожидавших их прибытия на вершину. Их падающие тела сбивали нескольких буканьеров с лестниц. Каждый, кто поднимался наверх, имел при себе ручные гранаты, пистолеты и сабли, но мушкет был отложен в сторону, так как он сделал свое дело и был просто помехой в схватке более близкого боя. Англичане нахлынули в большом количестве и, достигнув вершины, зажгли фитили и обрушили свои горшки с огнем на тесные ряды противника, что произвело разрушительный эффект. Не успели они прийти в себя от ужаса, как с саблями в руках, словно на abordаж, набросились на гарнизон, который отгонял их пиками и дубинками мушкетеров, и, сомкнувшись с ними, сбрасывал многих с валов, или, пронзив их, падали, сжимаясь с врагом в отчаянии. Когда пушка была захвачена, испанцы бросили оружие и стали просить четверти, кроме губернатора и нескольких офицеров, которые решили умереть, сражаясь с разбойниками и еретиками, врагами Бога и Испании.

Буканьеры, увидев красный флаг, развевающийся над первым фортом, самым сильным и построенным на возвышенности, с которой виднелись башни внизу, уверенно двинулись на штурм оставшегося, до сих пор считавшегося неприступным, который защищал порт и препятствовал входу их судов, которые они хотели надежно укрыть в гавани, так как количество раненых требовало их длительного пребывания в захваченном месте. Губернатор, гордый и храбрый, все же отказался сдаться и открыл по ним огонь из своих пушек, который вскоре был заглушен превосходным огнем недавно взятого форта, прикрывавшего его позицию. Из этой последней крепости изможденные и отчаявшиеся защитники были быстро изгнаны.

Майор Кабельон, твердолобый губернатор, не пожелавший просить четверть у стаи моряков-еретиков, убил нескольких своих людей, не пожелавших встать к оружию и призвавших его спасти их жизни, и сразил многих охотников, пытавшихся взять его живым, не из великодушного сострадания, ибо жалость редко проникает в сердце буканьера, а для того, чтобы получить за него выкуп. Его ждало еще более жестокое испытание его мужества и долга перед своим королем: жена и дети пали перед ним на колени и с криками и слезами умоляли его сложить оружие и спасти им обоим жизнь. Но он упрямо и сурово отказался, ответив: "Лучше это, чем эшафот", предпочитая умереть как доблестный солдат на своем посту, чем быть повешенным как трус за дезертирство. Он умер смертью храбреца, отчаянно сражаясь, и был найден погребенным под телами своих мертвых врагов. Если его не убили свирепые враги, он оставил после себя имя, которое будут чтить все храбрецы, как достойное более рыцарского века и лучшего дела.

Близился закат, город принадлежал им, и искатели приключений заключили всех пленников в цитадель, отделив раненых и, не обращая внимания на их страдания, наняли женщин-рабынь, чтобы те ждали их. Уже почти наступила ночь, и они предались всем излишествам солдат в городе, взятом штурмом, разгоряченные воспоминаниями о прошлых опасностях и смерти друзей, обезумевшие от уверенности в настоящем удовольствии и возможности предаваться любому успеху. По словам Иксмелина, пятьдесят храбрых испанцев могли бы умертвить всех пирующих и вернуть себе место. Однако мы не слышим, чтобы хоть одна испанка Джаэль была найдена, чтобы отомстить этим современным сисерам.

На следующее утро Морган вызвал свои корабли в гавань и, собрав все свободные богатства города, перевез их в форт. Руководя ремонтом обгоревших и разрушенных валов, он установил пушки, чтобы быть готовым отразить любое нападение со стороны Панамы. Он собрал несколько пленников, которых уговорил сказать, что они самые богатые купцы в Порто-Бельо, и подверг пыткам всех, кто не признался бы. Одних он калечил, других убивал, но те молчали, потому что на самом деле были бедны и не прятали никаких сокровищ. Проведя пятнадцать дней в этих сменяющих друг друга жестокостях и разврате, Морган решил отступить. Еще ни один генерал буканьеров не брал города, который нельзя было бы очистить за четырнадцать дней. Голод и болезни стали неблагодарно выступать против испанцев, накормивших их столькими жертвами. Дикая пустошь заставляла их уже пожирать своих мулов и лошадей, чтобы не умереть от голода или не превратиться в каннибалов. В пригороды были посланы отряды охотников, чтобы выследить скот, плоть которого они затем пожирали, сохраняя мулов для пленников, которые от ран и голода были доведены до ужасного состояния.

Смерть, более страшная, чем от удара в бою, теперь появилась среди них. Многие уже умерли от избытка сил, и даже самые благоразумные погибли. Плохая пища, резкий переход от избытка к нужде и нечистоты испорченного воздуха породили мор. Климат Порто-Бельо, всегда нездоровый, что впоследствии испытала на себе эскадра Хозьера, был отравлен гниением мертвых тел, наспех похороненных и едва прикрытых землей. Раненые почти все заболели, и первыми умерли самые несдержанные.

Пленники, теснившиеся вместе и уже ослабленные душевно от уныния и физически от голода, вскоре подхватили лихорадку и умирали с ужасающей быстротой. Богатые купцы, привыкшие к любой роскоши, к самой разнообразной и вкусной пище, изнывали от голода, питаясь полусырой мякотью мулов и плохой, нефilterованной водой. Все говорило Моргану о том, что пора бросать якорь, ведь президент Панамы уже шел к городу во главе 1500 человек. Узнав об их приближении от раба, захваченного охотниками, Морган собрал совет, на котором было решено не отступать, пока не будет получен выкуп за город, превышающий

добычу, собранную в настоящее время; чтобы предотвратить неожиданность, он разместил корпус из 100 хорошо вооруженных людей в узком дефиле, где могли пройти в один конец всего несколько человек, и через которое должен был пройти президент. Они обнаружили, что у генерала меньше войск, чем было заявлено, и те обратились в бегство при первой же встрече, не пытаясь больше форсировать проход, а ожидая подкрепления. Президент, с обычной для испанца спесью, послал Моргану слово, что если он немедленно не покинет Порто-Бельо, то не получит четверти, когда он возьмет его и его спутников, как он надеется вскоре сделать.

На это Морган, зная, что у него есть верное средство спастись, сказал, что не уйдет, пока не получит 180 000 кусков восьмерика в качестве выкупа за город, а если он не сможет их получить, то убьет всех своих пленников, взорвет замок и сожжет город; для получения этих денег он послал к президенту двух человек.

Президент, видя, что ничто не может ни обмануть, ни запугать Моргана, отдал Порто-Белло на произвол судьбы, не позаботившись возвести серебряный мост для летящего врага. Напрасно он посылал в Картахену флот, чтобы заблокировать корабли в реке; напрасно он держал граждан в напряжении относительно денег, надеясь выиграть время. Он был глух и упрям ко всем уговорам горожан, которые присылали сообщить ему, что пираты - не люди, а дьяволы, и что они сражаются с такой яростью, что испанские офицеры в отчаянии резали себя ножом, видя, как неприступную крепость берет горстка людей, тогда как она должна была устоять против вдвое большего числа.

Дон Хуан Перес де Гусман, президент, человек "великого рода", достигший высокого положения в войне во Фландрии, откровенно выразил свое удивление подвигами 400 человек (не регулярных солдат), которые, не имея никакого другого оружия, кроме мушкетов, взяли город, который любой генерал в Европе считал бы необходимым блокировать в надлежащей форме. В то же время он предоставил жителям Порто-Белло возможность опасаться за свою безопасность, но не предложил им никакой помощи для ее обеспечения.

Сам Морган не мог удержаться от выражения удивления. Он восхищался своим успехом, не имея орудий для батарей, и против жителей этого места, которые имели репутацию хороших солдат и никогда не теряли мужества в своей защите. В то же время он просил прислать ему небольшой образец оружия, с помощью которого он с такой энергией взял столь великий город. Морган принял посланника с большой любезностью и вежливостью, польщенный комплиментом от врага и радуясь возможности выразить презрение к любым нападавшим. Он взял у одного из своих людей охотничий мушкет и отправил его вместе с горстью буканьерских пуль президенту, умоляя принять его в качестве небольшого образца оружия, с которым он взял Порто-Бельо, надеясь, что тот сохранит его на двенадцать месяцев или два, а в это время он надеется посетить Панаму и забрать его. Испанец, пораженный остроумием и вежливостью капитана, которого он считал простым жестоким морским разбойником, послал гонца вернуть подарок, поскольку не нуждался в оружии, но поблагодарил Моргана и похвалил его храбрость, отметив при этом, что жаль, что такой человек не может быть использован в справедливой войне и на службе у великого и доброго принца, и надеясь, в заключение, что он не станет утруждать себя поездкой к нему в Панаму, поскольку там ему будет не так хорошо, как в Порто-Бельо. Передав это послание, столь рыцарское по своему тону, гонец вручил Моргану красивое золотое кольцо с дорогим изумрудом на память о его хозяине доне Гусмане, который уже снабдил английского вождя свежей провизией.

Обеспечив себя всем необходимым и лишив несчастный город почти всего, кроме черепицы и брусчатки, сняв половину крепостных пушек и заколов остальные, он отплыл, взяв на

борт выкуп, который был исправно выплачен в виде серебряных слитков. На месте, где когда-то ступала его нога, редко росла кукуруза, и он оставил после себя голод, мор, нищету и смерть. Сироты и вдовы, изуродованные мужчины и изнасилованные женщины прыгали от радости, когда его флот скрылся вдаль.

Отплыв с огромной скоростью, он через восемь дней прибыл на Кубу, где была разделена добыча.

Они обнаружили, что золота и серебра, как в монетах, так и в слитках, а также драгоценностей, которые из-за поспешности и невежества редко оценивались в одну четвертую часть их стоимости, у них было 260 000 штук из восьми. Сюда не входили шелка и товары, на которые они не обращали внимания, оценивая только монету или слиток, а самый богатый приз без монеты считали едва ли стоящим того, чтобы его брать. Сделав этот раздел, к общему удовлетворению всех, кроме жителей Порто-Белло, которые теперь были достаточно бедны, чтобы бросить вызов всем ворам, они сразу же вернулись на Ямайку, где их великолепно приняли, как говорит Иксмелин, "*surtout des cabaretiers*". Все двери были открыты для них, и целую неделю все громко восхваляли их щедрость и мужество; к концу месяца все двери были закрыты перед их носом, все, кроме одной - тюрьмы за долги, и та закрылась за их спинами. "Они потратили за короткое время, - говорит один из их историков, - с безграничной расточительностью то, что было добыто безграничной опасностью и неустанным трудом". Жители Тортуги считали их простыми рабами, которые ныряли за жемчугом и не заботились о том, погибнут ли они от волны или от акулы, лишь бы жемчуг, который они собрали, был в первую очередь обеспечен.

"Вскоре после прибытия на Ямайку, - пишет Эсквемелинг, - когда прошло то короткое время, которое требовалось, чтобы растратить все свои богатства, они предприняли еще одно предприятие в поисках новых состояний: "Моряк быстро тратит свои деньги, как и разбойник - в них сочетались оба ремесла". Морган оставался на покое так же долго, как и большинство буканьеров, то есть до тех пор, пока не пропил половину своих денег, не нанизал драгоценности испанских матрон на шеи самых красивых куртизанок Ямайки и не разделялся с ними за игорным столом в надежде возместить вчерашние потери. По мере того как худел его кошелек, сердце становилось все крепче, а голод все сильнее, жажда крови тоже возрастала. Наконец он посмотрел в сторону моря, отвернулся от лотосовой страны и сирен и приготовился к выходу в море.

На этот раз местом встречи он выбрал небольшой остров на южной стороне острова Испаньола, чтобы пригласить к себе как французских охотников, так и моряков Тортуги. Этим знаком доверия Морган надеялся устранить все злобные предрассудки между французскими и английскими авантюристами и получить рекрутов из обеих наций. На этот раз он решил отправиться в экспедицию, которая позволила бы ему и его людям навсегда оставить морскую жизнь или, по крайней мере, подольше пожить в море.

Прибрежные буканьеры, видя, что он всегда добивается успеха и никогда не возвращается без добычи, менее жестокие и менее опрометчивые, чем Лолоннуа, и не только очень храбрые, но и очень удачливые, стекались к его флагу почти без призыва. Каждый приводил в порядок свой мушкет, отливал пули, покупал порох или снаряжал каноэ. Сразу же были отправлены отряды для охоты в саваннах и заготовки соленого мяса, достаточного для путешествия. Огромное количество французов и англичан толпилось на Коровьем острове.

В этот момент появился могущественный союзник в лице французского судна *Le Cerf Volant* из Сен-Мало, которое пришло в Индию, добродетельно намереваясь торговать с испанцами, но, обнаружив, что это трудно или невыгодно, менее добродетельно решило жить грабежом,

и теперь было укомплектовано французскими авантюристами с Тортуги, не друзьями Моргана, но жаждущими разделить его добычу. Судно, на корме которого находился баркас, незадолго до этого напало на генуэзский корабль, торговавший неграми, но тот, установив сорок восемь пушек, отогнал его и заставил капитана вернуться домой и переоборудоваться. Команда, похоже, не желала доверять англичанам и не хотела слушать никаких условий. Морган, к которому только что присоединился корабль из Новой Англии с тридцатью шестью пушками, жаждал пополнить свою коллекцию двадцатью четырьмя железными и двенадцатью латунными пушками *Ле Серф Воланта*. Несмотря на его желание объединить две нации, и закрыть зеленую и все еще болящую рану, искушение было слишком сильным для него. Его ангел-хранитель на мгновение задремал, а когда проснулся, на пике француза развевался английский флаг.

Дело было так: французский капитан отказался присоединиться к экспедиции Моргана, если тот не составит особый устав, противоречащий всем законам буканьеров, и, поссорившись из-за этого, поклялся *ventre St. Gris*, что вернется на Тортугу, перегрузит свой груз и вернется во Францию.

Удар должен был быть нанесен сейчас или никогда. Английская часть команды "Сен-Мало" уже дезертировала к Моргану. Некоторые из них предоставили ему возможность отомстить. Капитан торгового судна, не привыкший к расхлябанной дисциплине буканьеров, обращался с ними как с матросами, а не как с *мателотами* и братьями. Они рассказали Моргану, что, испытывая нехватку провианта, он недавно остановил английское судно и силой забрал провизию, заплатив командиру только векселями, которые можно было обналичить на Ямайке, и что он тайно носил с собой испанскую комиссию, дававшую ему право грабить англичан. Эти обвинения, хотя и были полны злобы, имели поддельную видимость правды. Капитан действительно остановил английское судно, но заплатил за все, что взял, честными векселями. Кроме того, у него было испанское поручение: он бросил якорь в порту Баракоа на северо-восточной стороне Кубы, где получил от губернатора письма с правом выкупа, чтобы скрыть свое настоящее поручение. Морган счел это достаточным предложением и опросил свою команду, чтобы выяснить, насколько они готовы помочь ему в трудную минуту. Именно в этот нерешительный момент к флоту присоединилось новоанглийское судно, которое позволило ему справиться с любым сопротивлением. На этом корабле, который Сѐхмелин называет *Haktswort* (Oxford?), находилась команда из 300 человек. Говорят, что он принадлежал королю Англии (Карлу II) и был одолжен им нынешнему капитану.

[Странная, неправдоподобная история, если только английское правительство действительно не решило поощрять движение буканьеров. На самом деле *Хактсворт* был послан губернатором Ямайки для участия в экспедиции].

Благодаря этой своевременной помощи Морган мгновенно принял решение. Он пригласил капитана "Сен-Мало" и всех его офицеров на обед на борт только что прибывшего судна и там сделал их пленниками, без всякого сопротивления, вдали от команды и с их кораблем, подвергшимся непреодолимому огню. Затем он, изображая гнев возмущенного правосудия, объявил их разбойниками, которые грабят англичан по заказу врага, и прибыли сюда как простые шпионы и предатели. К счастью для него, как раз в этот момент прибыло английское судно, остановленное командой из Сен-Мало, чтобы повторить и преувеличить обвинение. Теперь корабль принадлежал ему, и только Бог мог отнять его у него. И "Бог так и сделал", - говорит Эсквемелинг, который видит осуждение во всех несчастьях, постигших врага, но не в тех, что постигли его друзей.

Морган, победоносный и ликующий, созвал военный совет и пригласил всех своих капитанов на борт своего большого приза. Они хвалили судно, смеялись над обманутыми французами и обсуждали свои планы. Они подсчитали, сколько провизии у них есть в запасе и на что способны их силы. В качестве места встречи был выбран остров Савона, так как в этом восточном углу Испаньолы можно было затаиться и отсечь беглецов от вооруженной испанской флотилии, которая теперь ожидалась ежедневно. Закончив приготовления, они предались удовольствиям - настоящему занятию и делу жизни буканьера, который трудится только для того, чтобы добыть средства для удовольствий и время для их получения. Они начали пировать и пить за здоровье, офицеры внизу, а матросы на палубе. Молитвы за удачное плавание смешивались с пьяными песнями и нечленораздельными богохульствами. Капитан и повар были оба пьяны, а артиллеристы, которые стреляли из пушек, когда тосты были осушены, упали без чувств рядом со своими дымящимися пушками. Те, кто не мог двигаться, спали, а те, кто мог ходить, пили дальше. По какой-то случайности искра от дымящейся спички попала на порох, и в одно мгновение судно взорвалось. В совершенном равенстве все ряды были подняты к небу, в столбе пламени, чтобы затем снова упасть и погибнуть, обожженные и беспомощные, в море. Более 350 из 400 человек, составлявших экипаж, утонули. По удивительному стечению обстоятельств, офицеры почти все спаслись. У англичан порох хранился в носовой части судна, а не на корме, как у французов, поэтому погибли только матросы; офицеров и пленников из Сен-Мало, которые пили вместе с ними, просто снесло в воду, и они сильно ушиблись. Английские авантюристы, заявив, что французы подожгли порох, убили бы их на месте, но Морган, ничуть не огорченный разочарованием, отправил их всех в качестве пленников на Ямайку. Тридцать человек, сидевших в большой каюте на некотором расстоянии от основной массы пороха, спаслись, и многие другие могли бы спастись, будь они трезвыми.

Французские пленники тщетно пытались добиться справедливости на Ямайке, их долго держали в заточении и угрожали смертью, когда они требовали суда. Если бы Морган вернулся безрезультатно, к ним, возможно, прислушались бы.

Через восемь дней после этой потери Морган приказал своим людям собрать плавающие тела, которые теперь гниют, но не для того, чтобы похоронить их по-христиански, а чтобы спасти одежду и снять тяжелые золотые кольца, которые английские буканьеры носили на указательных пальцах, оставляя свои непригодные для продажи тела птицам и акулам.

Морган, неустрашимый этим происшествием, обнаружил, что его силы по-прежнему состоят из пятнадцати судов и 860 человек, но на его оружейном корабле, самом большом из всех, было только четырнадцать маленьких пушек. Теперь они направились в Савону, где все должны были отремонтироваться, а быстрые подождать медленных. Письма вскоре были помещены в бутылки и похоронены в месте, указанном условленным знаком. Причалив к Испаньоле, они были задержаны встречными ветрами и три недели тщетно пытались удвоить мыс Лобос. Провизия кончилась, но их выручило английское судно, направлявшееся на Ямайку, у которого были излишки для продажи.

Всегда стремящиеся к удовольствиям, но в чрезвычайных ситуациях способные на самые суровые самоотречения, шесть или семь человек из флота продолжали группироваться вокруг этого судна, чтобы купить бренди, так же охотно и бездумно, как бродяги вокруг вивандьера. Более вдумчивые и серьезные отправились с Морганом дальше и, достигнув бухты Окоа, ждали их там, а мужчины, как и договаривались ранее, с пользой проводили время, охотясь, добывая воду и провизию, убив несколько волов и лошадей. Задержавшись

здесь из-за продолжающейся непогоды, Морган поддерживал строгую дисциплину, заставляя каждого капитана ежедневно отправлять на берег по восемь человек с каждого корабля, что в общей сложности составляло шестьдесят четыре человека. Он также ввел конвой, или отряд вооруженных людей, который сопровождал охотников в качестве охраны, поскольку они находились вблизи Сен-Доминго, где было полно греческих солдат и испанских матадоров. Испанцы, которых было немного, не стали нападать на них, но, приняв фабианскую политику, которая отвечала их гордости и мокроте, послали 300 или 400 человек, чтобы перебить весь скот вокруг залива. Другая партия отогнала все стада далеко в глубь острова, желая уморить врага голодом, зная, что буканьеру, задавленному голодом, все равно, кого есть - лошадь, мула или осла, он прибегает к помощи обезьян и попугаев, а в качестве последнего средства - к акульей плоти или собственным ботинкам. Но когда буканьеры распространились дальше вглубь страны, на побережье был отправлен отряд солдат, чтобы отработать стратагему и устроить засаду.

Их план полностью удался, но, тем не менее, закончился полным разгромом испанцев. Отряд из пятидесяти буканьеров решил зайти в лес дальше, чем обычно, и отряду испанских погонщиков было приказано прогнать приманку - небольшое стадо скота - мимо берега, где они высадились, притворившись, что убегут, когда увидят своих врагов. Когда они приблизились к засаде, оттуда выслали двух испанцев с белым флагом перемирия. Буканьеры, прекратив преследование, выслали вперед двух человек для переговоров.

Вероломные испанцы умоляли их не убивать своих коров, предлагая продать им скот или снабдить их едой. Буканьеры, со всей добросовестностью моряков, ответили, что дадут по полторы кроны за каждого быка, а продавец может нажиться на шкурах и сале. В это время, которое было запланировано, чтобы дать время для операции, испанские войска разворачивали фланг противника и уже окружили маленький отряд со всех сторон. Они прервали беседу, вырвавшись из леса с выстрелами и криками "*Мата, мата*" - "Убей, убей", вообразив, что смогут без борьбы разбить на куски столь малочисленный отряд. Буканьеры, отличавшиеся от них своим мнением, скрепя сердце, выстроились в квадрат и медленно отступили к лесу, поддерживая огонь со всех четырех сторон своей храброй фаланги.

Испанцы, посчитав отступление верным доказательством отчаяния и страха, атаковали их с большим мужеством, но с большими потерями. Буканьеры, не потеряв ни одного человека, в то время как испанцы падали густо и быстро, кричали в неосторожной бравате, что они только пытались напугать их, и не вкладывали шаров в свои мушкеты. Эта шутка дорого им обошлась, ведь испанцы целились только в цель, желая убить их на месте и не брать в плен. Теперь они старались не только убивать, но и калечить, и вскоре ранили в ноги так много людей, что буканьеры были вынуждены отступить к куче деревьев, где они стояли на расстоянии, и оттуда испанцы не осмеливались их бить. Затем они стали готовиться к тому, чтобы унести своих мертвых и раненых на корабли, но, увидев, что небольшой отряд испанцев пронзает мечом одно из тел, открыли по ним огонь, напали на них и прогнали, прокладывая себе путь по трупам, а затем отступили, убив скот и с горестным триумфом унеся его на свои корабли. На следующий день, с первыми лучами солнца, Морган, желая отомстить испанцам за вероломство, высадился во главе 200 человек и вошел в лес, чтобы осмотреть место ночной стычки. Но испанцы уже давно скрылись, поняв, что, загоняя скот к берегу, чтобы приманить буканьера, они только навлекут на себя гибель и приблизить опасного врага к своим домам и сокровищам. Морган, обнаружив, что его поиски бесполезны, вернулся на свой корабль, предварительно сжег все покинутые хижины, которые смог найти: "Возвращаясь, - говорит Эсквемелинг, - он был несколько более доволен тем, что нанес значительный ущерб врагу, что всегда было его горячим желанием".

На следующий день, решив не предпринимать нападения на Бург-д'Ассо, Морган, нетерпеливый к задержке своих судов, решил отплыть без них и посетить Савону, надеясь встретить там своих задерживающихся товарищей. Встревожив жителей Сен-Доминго, он обогнул Испаньолу. Он решил прождать в Савоне восемь дней и, утомленный отдыхом и нехваткой провизии, послал несколько лодок со 150 людьми грабить города вокруг Сан-Доминго, но те, обнаружив, что испанцы бдительны и отчаянны, отказались от этого предприятия как от безнадежного и вернулись с пустыми руками, чтобы вынести проклятия и насмешки своего командира. Морган собрал военный совет, так как провизии было очень мало, а время шло. Восемь кораблей все не прибывали, и все решили, что с семью небольшими судами и 300 людьми еще можно занять какое-нибудь важное место. Морган решил до сих пор крейсировать по Каракасу и грабить города и деревни, но это было просто грабежом и подножным кормом по сравнению с предприятием, предложенным одним из его французских капитанов под бурные аплодисменты.

Этим капитаном был Пьер ле Пикар, *мателот* знаменитого Лолоннуа при взятии Маракайбо: именно он провел суда через бар, служил и лоцманом в море, и проводником на суше; он рифовал и сражался, умел обращаться с канатом не хуже, чем с мушкетом. Теперь он предложил повторить нападение на то же самое место и со всем грубым красноречием искренности доказывал возможность попытки и богатства, которые лежали в пределах их досягаемости. Поскольку он говорил на хорошем английском языке, понятном всем, и, кроме того, пользовался большим уважением Моргана, план новой кампании был сразу же восторженно одобрен. На совете он рассказал обо всех входах, переходах, силах и средствах. Был составлен устав-партнерство, содержащий пункт, что если остальной флот присоединится к ним до того, как они возьмут крепость, то им будет позволено делиться с остальными.

Оставив в Савоне письмо, похороненное обычным способом, буканьеры отплыли в Кюрасоа, остановившись через несколько дней плавания у острова Омба, чтобы взять воду и провизию. Это место находилось на расстоянии около двенадцати лиг от Маракайбо. Здесь они пробыли двадцать четыре часа, покупая у туземцев коз за мотки ниток и льна. Овцы, ягнята и дети были единственными продуктами острова, изобиловавшего пауками, укусы которых вызывал безумие, если только страдальца не связывали по рукам и ногам и не оставляли без пищи на ночь и день. Флот отплыл ночью, чтобы островитяне не узнали о цели их путешествия.

На следующее утро они подошли к небольшим островам, лежащим у входа в озеро Маракайбо, и бросили якорь вне поля зрения вигилийцев, надеясь избежать внимания, но были замечены дозорными, сигнал которых дал испанцам достаточно времени для обороны. Флот оставался в мареве, не имея возможности достичь бара до четырех часов дня. Каноз были немедленно укомплектованы, чтобы взять форт Бар, отстроенный со времени последнего визита Пикара. Его пушки обстреливали лодки, когда они выходили на сушу. Морган увещевал своих людей быть храбрыми и не сдаваться - он ожидал, что испанцы будут отчаянно защищаться, ведь их огонь был таким шквальным и непрерывным, что форт казался кратером небольшого вулкана, и теперь они могли видеть, что хижины вокруг стены были сожжены и убраны, чтобы не оставлять им никакой защиты или укрытия. "Спор продолжался очень жарко и велся с большим мужеством с утра до темной ночи".

То, что впоследствии бои свелись к случайным выстрелам, очевидно, поскольку в шесть часов, когда наступили сумерки, Морган провел рекогносцировку форта и обнаружил, что он опустел. Прекращение обстрела уже вызвало подозрения. Подозревая предательство, Морган обыскал место, чтобы проверить, не было ли рядом с порохом зажженных фитилей, и

поручил одному из подразделений войти туда раньше основного корпуса. В добровольцах для этой экспериментальной и "кошачьей лапы" работы недостатка не было. Морган полез первым. Как они и ожидали, они обнаружили зажженную спичку и темный шлейф пороха, соединяющийся с магазином. Еще немного, и вся группа погибла бы вместе. Морган сам выхватил спичку. Этот форт представлял собой редут высотой в пять тозов, длиной в шесть и круглой формы. В магазине нашли три тысячи фунтов пороха, который был бы потрачен впустую, если бы его взорвали; четырнадцать пушек калибром восемь, двенадцать и четырнадцать фунтов, множество горшков, ручных гранат и гильз; двадцать четыре мушкета и тридцать пик и бандольер были оставлены беглецами. В форт можно было попасть только по железной лестнице, которую можно было поднять в караульное помещение. Но храбрость не требует лестницы, она, как и любовь, всегда найдет выход. Осмотревшись, буканьеры разрушили парапет, утыкали пушки шипами, перебросили их через стены и сожгли орудийные повозки.

Испанцы напрасно ждали грохота разорвавшейся мины. Их собственный город качался под их ногами; более страшное бедствие, чем землетрясение или ураган, было у их дверей. На рассвете флот отплыл вверх по озеру, за ним дымился разрушенный форт. Очень спеша, они прибыли в Маракайбо на следующий день, предварительно разделив между собой оружие и боеприпасы форта. Вода была очень низкой, а мели многочисленными, и они высадились в свои лодки, прихватив несколько небольших пушек. По некоторым кавалерам, которых они могли видеть на стенах, они решили, что испанцы укрепляются. Поэтому буканьеры высадились на некотором расстоянии от города, бросили якорь и высадились под выстрелы своих пушек, намереваясь очистить берег от зарослей. Своих людей они разделили на две дивизии, чтобы смутить врага двойной атакой.

Но эти меры предосторожности оказались бесполезными. Робкие люди уже бежали в леса; в Маракайбо остались только нищие, которые не боялись грабителей, и больные, молившие о смерти. Храбрец бежал с трусом, монах с грешником, вор от вора, солдат от моряка, католик от страшного протестанта, испанец от врагов своего имени и рода. Больные ожидали смерти, и им было все равно, от чьей руки она придет - доктора или буканьера; нищие надеялись на помощь тех, кто не жаждал и мог пожалеть их лохмотья. "Несколько несчастных, которым нечего было терять, - говорит Эсквемелинг, - остались одни. На улицах лежали искалеченные рабы, которых не стоило вывозить; умирающие стонали без ухода в больнице. Дети бежали от родителей, а родители от детей; богатая старость оставалась умирать, несмотря на все побуждения скупости. Проститутка бежала, чтобы избежать бесчестья, а убийца - чтобы избежать кровопролития.

Дома были пусты, двери распахнуты настежь, в покоях отсутствовало все движимое, дорогое и ценное. Первой заботой захватчиков было обыскать каждый угол в поисках пленников, а затем, по мере прибытия, отбирать для своих казарм самые богатые дворцы. Дворцы были их притонами, церкви - тюрьмами; все они оскверняли и загрязняли, отвратительные вещи делали еще более ужасными, святые - в той или иной степени загрязняли. На море они были храбрыми, послушными, самоотверженными, религиозными в формуле (половина мира не идет дальше), решительными и непреодолимыми; на суше - жестокими, кровавыми, мятежными и свирепыми. На море они превосходили большинство людей в проявлении самых суровых добродетелей, на суше они были демонами гнева, дьяволами пьянства и похоти, наемниками и преступниками в своей манере поведения и поступках. Три предыдущих дня ужаса истощили мужество самых храбрых, а тревога и страх, как общая паника, побудили жителей прятать товары в лесах. У тех, кто бежал, в первой экспедиции были убиты и замучены отцы и дети. Друзья, все еще искалеченные дыбой, усиливали их

страх своими рассказами. Буканьеры казались Божьей карой, непреодолимой и непреодолимой. Желание защитить богатство, похоже, является более слабым принципом в человеческом разуме, чем желание его получить. Великие завоеватели, как правило, оказывались беднее покоренных ими народов.

В городе почти не осталось провизии. В порту не было ни одного судна или лодки, все они были вывезены в широкое озеро за его пределами. Небольшой демилуннский форт с четырьмя пушками, призванный охранять гавань, также был заброшен. Чем богаче был человек, тем дальше он убежал в глубь страны; нуждающиеся были в лесах, пьяные нищие в одиночестве веселились в городе, радуясь событию, которое хотя бы сделало их богатыми: "Злой ветер никого не обдувает".

В тот же день буканьеры отправили 100 человек прочесывать леса в поисках беженцев - любая попытка спрятать сокровища считалась тяжким преступлением в глазах Морган. Эти люди вернулись на следующий вечер с тридцатью пленниками, пятьюдесятью мулами и несколькими лошадьми, нагруженными багажом и богатыми товарами. Пленники - и мужчины, и женщины - выглядели бедными и никчемными. Их немедленно подвергли пыткам, чтобы склонить к тому, чтобы они рассказали, где спрятаны их более богатые и добродетельные сограждане. Морган, не найдя никого, кто мог бы оказать ему сопротивление, разместил своих людей в самых богатых домах, выбрав церковь в качестве центрального караульного помещения и места сбора, склада для грабежа, суда (слепого и с фальшивыми весами) и камеры пыток.

Некоторые из пленников предложили выступить в роли проводников к местам, где, по их сведениям, спрятаны деньги и драгоценности. Поскольку было названо несколько мест, в ту же ночь две партии отправились на эти захватывающие поиски. Одна из них вернулась на следующий день с большой добычей, а другая проблуждала два дня, будучи введена в заблуждение одним из заключенных, который, надеясь найти средства к бегству благодаря своему знанию страны, завел их в такие опасные и необитаемые места, которых им с тысячей трудностей удалось избежать. Взбешенные тем, что их проводник издевается над ними, они без всякого разговора повесили его на дереве. Однако, возвращаясь, они неожиданно наткнулись на рабов, которые ночью искали пищу, весь день прячась в лесу. Чтобы выяснить, где находятся хозяева, сразу же прибегли к пыткам, ведь рабы не могли находиться там одни. Более храбрый из них терпел самые ужасные муки, не произнося ни слова, и в конце концов был разрублен на куски, так и не признавшись; более слабый и, возможно, более молодой негр сначала переносил страдания с таким же упорством, хотя ему предлагали свободу и вознаграждение, если он заговорит. Но когда моряки выхватили свои сабли, еще красные от крови его товарища, и стали кромсать конечности его брата, все еще лежавшие на земле, его мужество упало, и он предложил привести их к своему хозяину. Вскоре испанец был захвачен с пластинами стоимостью 30 000 крон.

В течение восьми дней эти люди проявляли неслыханную жестокость по отношению к несчастным горожанам, которые уже голодали и нищенствовали, и единственным преступлением которых было то, что они поддались естественному порыву самосохранения. Они подвешивали их за бороды и волосы на голове, за руку или ногу; они стягивали их конечности веревками, а затем били раттанами по жесткой плоти; они помещали горящие спички между пальцами; они закручивали веревки вокруг их голов, усиливая натяжение рычагом пистолетных стволов, пока глаза не вырывались из глазниц. Смертельный удар не наносился из жалости, а был кульминацией и завершением мучений, когда палачи уставали

от своей жестокости. Напрасно измученные испанцы кричали, что все сокровища вывезены в Гибралтар, что они не богатые горожане, а очень бедные люди, монахи и слуги Иисуса, да поможет им Бог! Многие умерли, так и не дождавшись ослабления дыбы.

Капитан Пикар, ликуя от успеха своей экспедиции, теперь настоятельно требовал от Моргана наступления на Гибралтар до того, как туда прибудет помощь из Мерида, полагая, что она сдастся, как это случилось с Лолоннуа. Морган, имея под своей опекой около 100 главных семейств Маракайбо и всю доступную добычу, через восемь дней после высадки на берег отправился на и двинулся к Гибралтару, надеясь соперничать с Лолоннуа во всех достоинствах. С ним отправились пленники и добыча, и он решил рискнуть сразиться. Ожидая упорной обороны, каждый буканьер составил свое завещание, утешая себя мыслью о веселье на Ямайке, если ему одному из тех, кому посчастливится спастись. "Смерть, - говорит СЕхmelin, - никогда не занимала их мысли, особенно когда речь шла о добыче, ведь если бы была хоть какая-то надежда на грабеж, они дрались бы как львы". Перед отплытием флота в Гибралтар были отправлены двое пленных, чтобы предупредить губернатора, что капитан Морган не даст ему покоя, если он не сдастся.

Пикар, помнивший прежние опасные места, заставил своих людей высадиться в четверти лиги от города и пройти по лесу, надеясь зайти испанцам в тыл, если они снова укрепятся. Враг встретил их быстрыми выстрелами из пушек, но люди подбадривали друг друга, говоря: "Мы должны позавтракать этими горькими вещами, прежде чем пообедать сладостями Гибралтара". Высадившись рано утром, они встретили не больше трудностей, чем в Маракайбо. Испанцы, обманутые хитростью, ожидали, что они подойдут по дороге, а не по лесу. У них не было времени на создание укреплений, и только несколько баррикад, уставленных пушками, защищали их бегство. Они вспомнили о Лолоннуа; их сердца стали как вода, и они бежали, когда буканьеры мирно овладели городом. Испанцы забрали с собой свои богатства и все боеприпасы, чтобы использовать их в более подходящий момент. Морган, радуясь легкой победе, расставил своих людей на опорных пунктах города, а 100 человек под командованием Пикара отправились в погоню и привели пленных. Они обнаружили, что пушки утыканы шипами, а каждый дом разграблен его владельцем, многое испорчено, многое унесено, осталось только тяжелое и бесполезное.

Единственным жителем, оставшимся в городе, был бедный полубезумный испанец, который никак не мог понять, что ему делать. Он был так хорошо одет, что поначалу его, к его радости, приняли за знатного человека и спросили, что стало со всеми жителями Гибралтара. Он ответил, что "они уже день как уехали, но он не знает куда; он не спрашивал, но смеет сказать, что они скоро вернутся, а ему, Пепе, все равно". Когда они поинтересовались, где находятся сахарные заводы, он ответил, что никогда в жизни их не видел. Церковные деньги, как он знал, были спрятаны в ризнице большой церкви. Приведя их туда, он показал им большой сундук, в котором, как он притворялся, были спрятаны деньги. Они открыли его и обнаружили, что он пуст. На все остальные расспросы он отвечал: "Я ничего не знаю, я ничего не знаю". Некоторые из буканьеров, разгневанные разочарованием и досадой на хитрость испанцев, заявили, что этот парень скорее плут, чем дурак, и потащили его на пытку. Сначала его били strapоном, пока он не начал желать, чтобы люди вернулись; затем два часа подвешивали за ноги тяжелые камни, пока не вывихнули ему руки. Наконец он закричал: "Не меня больше, а пойдите со мной, и я покажу вам свое добро и богатство". Он привел их в жалкую лачугу, в которой было всего несколько глиняных горшков и три куса восьмерки, завернутые в выцветшую одежду и зарытые под очагом. Затем он сказал, что его зовут дон Себастьян Санчес, брат губернатора Маракайбо, что он стоит более 50 000 крон и что он напишет за них и отдаст их, если они перестанут его так вешать и мучить. Его снова

пытали, думая, что он переодетый вельможа, пока он не предложил, если его отпустят, показать им нефтеперерабатывающий завод. Не успели они отойти от хижины на расстояние мушкетного выстрела, как он упал на колени и выдал себя за преступника. "Иисус Мария!" - вскричал он, - "что вы сделаете со мной, англичане? Я нищий, живу на милостыню и сплю в больнице". Тогда они зажгли пальмовые листья и опалили его, и сожгли бы всю его одежду, если бы его не освободил один из буканьеров, который теперь видел, что он идиот. Бедняга умер в страшных мучениях примерно через полчаса, и прежде чем он остыл, его оттащили в лес и похоронили.

На следующий день Пикар привел старого крестьянина и двух его дочерей; старик, у которого были искалечены конечности, предложил послужить проводником и привести их к некоторым домам в пригороде. Полуослепший и испуганный, он сбился с пути, и буканьеры, решив, что ошибка была намеренной, заставили раба, который заявил, что намеренно ввел их в заблуждение, повесить его на дереве у дороги.

Рабство здесь принесло свое возмездие: тот же раб, желая отомстить за плохое обращение, предложил, получив свободу, провести их ко многим испанским убежищам. К вечеру десять или двенадцать семей со всем их богатством были доставлены в Гибралтар. Теперь выследить беглецов стало трудно, так как отцы отказывались доверять даже своих детей; никто не спал дважды на одном и том же месте, опасаясь, что кто-нибудь из знающих об отступлении будет схвачен и под пытками выдаст место, как правило, хижины в самых темных уголках леса, где хранилось их добро от непогоды. Однако эти изгнанники были вынуждены по ночам красться к своим деревенским домам, чтобы раздобыть еду, и тогда их перехватывали. От некоторых из этих купцов Морган узнал, что сейчас в реке лежит судно в 100 тонн и три баржи, груженные серебром и товарами, принадлежащими Маракайбо, на расстоянии около шести лиг, и 100 человек были отправлены на поиски приза.

Прочесывая леса с 200 человеческими ищейками, Морган наткнулся на большое скопление испанцев. Некоторых из них он заставил негра-проводника убить на глазах у остальных, чтобы обвинить его в глазах оставшихся в живых. После восьми дней поисков группа вернулась с 250 пленниками и длинным обозом багажных мулов, направлявшихся в Мериду. Каждый из пленников был отдельно допрошен на предмет того, где спрятаны сокровища. Тех, кто не хотел признаваться, и даже тех, кому не в чем было признаваться, пытали до смерти - сжигали, калечили или медленно выбивали из них жизнь.

Среди самых больших страдальцев в этом чистилище на земле был старый португалец почтенного вида, возможно, скупец или специально замаскированный. Этот кровожадный негр, ныне пользующийся большой популярностью у буканьеров и пытающийся соперничать с ними в жестокости, объявил его очень богатым. Бедный старик, рвя свои седые волосы, клялся Девой Марией и всеми святыми, что во всем мире у него есть только сто кусков восьмерки, да и те были украдены у него за несколько дней до этого, во время всеобщего хаоса, беглым рабом. В этом он поклялся на коленях со слезами и молитвами, которые были вдвойне искренними, когда исходили от человека, уже стоящего на краю могилы. А жестокий раб все еще с усмешкой смотрел на него и клялся, что он, как известно, самый богатый купец во всем Гибралтаре. Затем буканьеры растянули португальца веревками, пока обе его руки не сломались у плеча, после чего привязали его за руки и за ноги к четырем углам комнаты, положив ему на поясницу камень весом в пять фунтов, а четыре человека, смеясь над его криками, держали веревки, которыми он был связан, в вечном движении. Это бесчеловечное наказание они называли "плаванием по суше". Когда он все еще отказывался говорить, под ним развели огонь, пока он стонал, сожгли ему бороду и усы, а затем оставили висеть, пока страпонили другого. Следующего человека они бросили в канаву, пронзив его

множеством ударов мечом, ибо, похоже, они были столь же ненасытны в разнообразии жестокости, как и в самой жестокости. Они оставили его умирать, но он дополз до дома и в конце концов пришел в себя, хотя несколько лезвий мечей полностью прошли сквозь его тело.

Что касается старого португальца, то его страданиям не было конца; посадив его на мула, они привезли его в Гибралтар и заточили в церкви, привязав к столбу отдельно от остальных, снабжая его пищей, которой едва хватало на то, чтобы выдержать мучения. Прошло четыре или пять дней, и он попросил, чтобы к нему привели некоего товарища по заключению, которого он назвал. Выполнив эту просьбу, в качестве первого шага к получению выкупа, пока он еще оставался жив, он предложил им через этого агента сумму в 500 кусков восьмерки. Но буканьеры посмеялись над столь малой суммой и набросились на него с дубинками, крича: "500 000, старый ханкс, а не 500, иначе тебе не жить". После еще нескольких дней непрерывных мучений, в течение которых он непрестанно твердил, что он бедняк и держит небольшую таверну, скряга признался, что у него есть запас в 2000 восьмушек, зарытых в глиняной банке, и все это, как он ни был изранен и как ни любил деньги, он отдал за свою свободу и еще несколько дней жизни.

К остальным пленникам, не обращая внимания на возраст, пол или звание, они применяли пытки, слишком отвратительные и шокирующие, чтобы их упоминать. Страх, ненависть и алчность порождали преступления, пока узники не становились такими же мерзкими, как их гонители.

Один раб, с которым жестоко обращался его хозяин, уговорил буканьеров пытать его под предлогом того, что он очень богат, хотя на самом деле он был человеком небогатым. Остальные пленники, пробужденные от эгоизма самосохранения невольным состраданием, рассказали Моргану, что испанец был бедным человеком, а раб лжесвидетельствовал, чтобы отомстить. Морган сразу же освободил испанца, но тот уже был подвергнут пыткам. Раб был отдан своему хозяину, чтобы тот наказал его любой смертью по своему усмотрению. Переданный буканьерам, он был разрублен на куски в присутствии своего хозяина, все еще ликующего по поводу своей мести. "Это, - с холодной *наивностью* говорит СЕхmelin, - удовлетворило испанца, хотя с ним очень плохо обращались и чуть не лишили жизни" (это удовлетворило испанца, хотя с ним очень плохо обращались и чуть не лишили жизни). Некоторых пленников распяли, других сожгли, привязав спички между пальцами рук или ног, многим засунули ноги в костер, пока они не упали с ног черными и обугленными. Все, что выпало на долю индейцев, теперь было возмещено испанцам. Сами буканьеры считали это наказание местью Провидения. Единственная милость, которую когда-либо проявляли к испанцу, заключалась в прекращении его страданий смертью. Милостью было прекращение страданий стонущего несчастного, покрытого синяками и ожогами, лежащего под жарким солнцем, полумертвого, или с телом, уже парализованным четыре-пять дней назад. Когда все хозяева были подвергнуты пыткам, рабам досталось по straponу. Эти люди, более слабые по своей моральной природе и не имевшие никаких мотивов для сокрытия, кроме страха, рассказывали все. Однако многие из мест, где они прятались, были им неизвестны. Один из них во время лихорадки от ранения заявил, что знает, где спрятан губернатор города, многие дамы Гибралтара и большая часть сокровищ. Угрозы смерти раскрыли остальное, и он признался, что корабль и четыре лодки, нагруженные богатствами Маракайбо, лежат в одной из рек озера. Буканьеры мгновенно поднялись на ноги. Морган с 200 людьми и рабом-проводником отправился захватить губернатора, а 100 человек на двух больших лодках отправились за сокровищами и кораблями. Губернатора было нелегко

поймать, так как потребовался целый батальон воздушных шаров, чтобы застать его врасплох. Его первым убежищем стал форт, построенный в центре небольшого острова на реке, в двух днях пути. Услышав, что Морган идет с войсками, он отступил на вершину соседней горы, на которую был только один подъем, настолько прямой, узкий и опасный, что по нему можно было подняться только в одиночку.

Экспедиция потерпела полный крах, скала оказалась недоступной ни для кого, кроме орлов; "огромный дождь" намочил их багаж и боеприпасы; при переправе через реку, разбухшую от этого "огромного дождя", многие из пленных женщин были потеряны, и, что еще более ценно, несколько мулов, груженных пластинами, были снесены потоками воды. Многие женщины и дети тонули от усталости, а некоторые спасались бегством. Оказавшись в болотистой местности, по горло в воде, буканьеры были вынуждены пробираться вперед на протяжении многих миль. Несколько человек погибли, другие потеряли оружие (средство их спасения). По словам самого историка буканьеров, отряд из пятидесяти решительных людей мог бы уничтожить весь корпус. Но испанцы были уже настолько парализованы страхом, что бежали при малейшем шорохе листьев. Двенадцать дней ушло на эту опасную и бесполезную экспедицию. Через два дня после них прибыли их товарищи, которые были несколько успешнее. Испанцы разгрузили суда и начали сжигать их, когда они прибыли, но многие тюки были оставлены в спешке бегства, а лодки, полные добычи, были унесены на буксире.

Морган пробыл в Гибралтаре уже целых пять недель, практикуя все оскорбления, которые завоеватель когда-либо причиняет побежденным, мстя им за страдания, причиненные завоеванием, и попирая их ногами ради самого удовольствия уничтожения. Теперь, когда провизия закончилась, он решил отплыть; провизия Гибралтара, за исключением фруктов, полностью прибывших из Маракайбо, была задержана и перехвачена. Сначала он отправил несколько пленников в лес, чтобы собрать с беглецов выкуп под страхом повторного сожжения их недавно отстроенного города. Он потребовал 5 000 кусков восьмерки. Они пообещали заплатить их через восемь дней и дали в заложники четырех самых богатых горожан. Однако губернатор, которому самому ничего не угрожало, запретил им платить какой-либо выкуп, и они молили Моргана набраться терпения.

Отплыв с заложниками, он через три дня прибыл в Маракайбо, опасаясь, что за время его долгого отсутствия испанцы укрепились, и ему придется пробиваться через проходы. Перед отъездом он отпустил всех пленных, заплативших выкуп, но задержал рабов. Особенно он отказался выдать вероломного негра, так как знал, что его сожгут заживо.

Единственным обитателем всех богатых дворцов и широких площадей Маракайбо был бедный больной, который, к своему изумлению, сообщил ему (Моргану), что в Бар прибыли три испанских военных корабля, которые отремонтировали и гарнизонировали форт. Их командиром был дон Алонсо дель Кампо д'Эспиноса, вице-адмирал индийского флота, который был послан в эти моря для защиты испанских колонистов и предавал мечу всех авантюристов, которых мог встретить. Эта новость не встревожила тех, кто каждый день "ставил свою жизнь на карту", но разгневала людей, считавших себя в безопасности своей добычи, которую им теперь, возможно, придется бросить, чтобы облегчить себе путь к отступлению. Морган немедленно отправил свое самое быстрое судно на разведку. Люди вернулись на следующий день и заверили его, что история слишком правдива и им грозит неминуемая опасность. Они подошли так близко, что могли попасть под выстрел: на самом большом корабле было сорок пушек, на следующем - тридцать, на самом маленьком - двадцать, а на флагманском корабле Моргана - всего четырнадцать. Они видели, как на

редуте развевается флаг Кастилии. Ни по морю, ни по суше бежать было нельзя, и все были в отчаянии от такого расположения врагов.

Морган, неустрашимый и воодушевленный новым мужеством, был полон дерзости, как никогда. Он сразу же послал флаг перемирия на судно испанского адмирала "*Магдалина*", требуя 20 000 штук восьмерки, иначе он подожжет Маракайбо. Адмирал, забавляясь и удивляясь такой дерзости, написал в ответ, что, услышав, что они совершили военные действия во владениях его католического величества, его суверенного господина и повелителя, он пришел, чтобы оспорить их проход из озера, из того замка, который они взяли из рук кучки трусов, и он намерен следовать за ними и преследовать их повсюду, как это было его долгом. Письмо продолжалось: "Однако если вы смиренно сдадите все, что взяли, вместе с рабами и другими пленниками, я позволю вам свободно пройти без проблем и притеснений, при условии, что вы сейчас же удалитесь домой в свою страну. Но если вы окажете какое-либо сопротивление или противодействие тому, что я вам предлагаю, уверяю вас, я прикажу прислать лодки из Каракаса, где я размещу свои войска, и, придя в Маракайбо, предам вас всех на меч. Это мое последнее и абсолютное решение; поэтому будьте благоразумны и не злоупотребляйте моей щедростью с неблагодарностью. Со мной очень хорошие солдаты, которые не желают ничего более страстного, чем отомстить вам и вашему народу за все те жестокости и подлые бесчестные поступки, которые вы совершили против испанской нации в Америке."

Это пылкое письмо Морган зачитал вслух своим людям на широкой рыночной площади в Маракайбо, сначала на французском, а затем на английском, спрашивая их совета по поводу всего этого дела: сдадут ли они все ради свободы или будут сражаться и за свободу, и за добытые с таким трудом сокровища. Все единодушно ответили, что им плевать на испанские бахвальства, и они скорее будут сражаться до последней капли крови, чем сдадут добычу, полученную с таким риском. Один из мужчин, выйдя вперед, воскликнул: "Вы займитесь остальными, а я построю *брулот* и с двенадцатью людьми сожгу самого большого из трех испанцев".

Схема была принята, но, решив еще раз попробовать переговоры, теперь уже будучи готовым к худшему, Морган снова написал дону Алонсо, предлагая оставить Маракайбо невредимым, сдать всех пленных, половину рабов и отказаться от заложников. Дон, уповав на свою превосходящую силу и считая Моргана достаточно запуганным или, по крайней мере, полностью отданным на его милость, отказался выслушать любые условия, кроме тех, что он предложил, добавив, что через два дня он должен прийти и заставить его уступить. Морган решил бороться до конца и ничего не сдавать, а его люди, хотя и были обескуражены, все еще храбры и отчаянны. Все было готово к бою. Англичанин из команды Моргана как можно быстрее отправился в путь со своим *брулотом*, или огненным кораблем. Он взял небольшое судно, захваченное в Ривьер-дез-Эспине, и наполнил его пальмовыми листьями, смоченными в смоле, и смесью серы и пороха. Он положил по несколько фунтов пороха под каждую из десяти бутафорских пушек, которые были сделаны из негритянских барабанов. Затем перегородки в каютах были сломаны, чтобы пламя могло беспрепятственно распространяться. Экипаж представлял собой деревянные столбы, одетые в шпаги, мушкеты, бандольеры и шляпы или шапки-монтерки. На этом пожарном корабле были английские цвета, чтобы его можно было принять за судно Моргана; через восемь дней, когда все руки работали над ним, он был готов. Во время подготовки к работе над пленниками держали дополнительную охрану, так как один побег разрушил бы все их надежды на безопасность. Пленников-мужчин держали в одной лодке, а женщин, рабов,

тарелки и драгоценности - в другой. В других, охраняемых двенадцатью мужчинами каждая, везли товары. *Брулот* должен был идти первым и схватиться с кораблем адмирала.

Когда все было готово, Морган, с таким же радостным сердцем, как если бы он сражался за Бога и право, заставил своих людей принести обычную клятву буканьера, которая дается во всех случаях, когда возникает острая опасность, когда взаимное доверие особенно необходимо. Они поклялись сражаться до смерти, не сдаваться и не уходить в плен. Он обещал награду всем, кто отличится, возбуждая все самые сильные чувства их натуры - месть, жадность и самосохранение.

С этими отчаянными намерениями, полные надежд, поскольку привыкли считать его обещания победы несомненными пророчествами, они отплыли в 30-й день апреля 1669 года на поиски испанцев.

Они обнаружили, что испанский флот стоит на якоре посреди входа в озеро, словно тюремщики в своей просторной тюрьме. Уже поздно и почти стемнело, Морган отдал приказ встать на якорь в пределах досягаемости противника, решив сопротивляться в случае нападения, но дожидаться света. Они вели строгую вахту, а на рассвете снялись с якоря и отплыли, направляясь прямо на испанцев, которые, заметив их движение, двинулись навстречу.

Бедные рыбацкие суденышки буканьеров казались на фоне этих гордых плавучих замков; "но не всегда гонка достается быстрому, и не всегда битва - сильному". *Брулот* отплыл первым, протискиваясь к адмиральскому судну, которое величественно лежало между двумя своими товарищами, и ему позволили приблизиться на расстояние пушечного выстрела. Испанцы, полагая, что это судно Моргана и оно намеревается взять их на абордаж, ждали, пока оно подойдет ближе, чтобы разбить его широким боком. Они мало задумывались о том, что сражаются со стихией. Огненный корабль навалился на испанца и вцепился в его борта, как дикая кошка в слона. Поздно испанцы попытались оттолкнуть его, но пламя уже выскочило из своих укрытий: сначала запылали паруса, затем затрещали снасти, а вскоре вспыхнули и прочные бревна. Сначала сгорела корма, а носовая часть с шипением погрузилась в море. Несчастный экипаж, перелетая из одной стихии в другую, погибал - одни от огня, другие от воды; полуутонувшие цеплялись за горящие доски и засыхали в бликах; горящих матросов засасывал водоворот тонущего корабля. Дон Алонсо, видя опасность, тщетно взывал к ним, чтобы они срубили мачты, и, с трудом перебравшись на свой шлюп, выбрался на сушу. Матросы, отказавшись от четверти, были отпущены на верную гибель экипажами буканьерских лодок, которые поначалу предлагали спасти их. Возможно, воспоминание о клятве умерило их пыл.

Шлюпки тянули вокруг горящего судна в надежде спасти добычу, а не жизни. Второе судно было взято на абордаж буканьерами и захвачено в суматохе почти без сопротивления. Третье судно, оборвав тросы, дрейфовало в сторону форта и там выбросилось на берег, а команда подожгла его, чтобы предотвратить захват. Буканьеры, гордые своей победой, решили довести ее до крайности, высадившись и попытавшись штурмовать форт с барьера, без лестниц, полагаясь только на ручные гранаты, но их артиллерия была слишком мала, чтобы проделать хоть какой-то практический пролом. Форт оказался хорошо снабжен людьми, пушками и боеприпасами. Гарнизон не пострадал от потери флота, укомплектованного чужаками, и отбил все атаки. Не желая отступать, Морган весь день до сумерек вел огонь из мушкетов по всем защитникам, которые показывались над стенами, а в сумерках обстреливал их огненными шарами, но испанцы отчаянно сопротивлялись и стреляли так жаростно, что загнали их обратно на корабли, потеряв тридцать человек убитыми и столько же

ранеными - больше, чем при взятии Маракайбо и Гибралтара, а флот был уничтожен без потери одного человека. Гарнизон, ожидая новой атаки на рассвете, всю ночь трудился над укреплением своих позиций, выравнивая землю в сторону моря и возводя окопы с тех мест, которые выходили к замку.

На следующий день Морган, не собираясь возобновлять атаку, занялся спасением испанских моряков, которые все еще плавали на обугленных кусках затонувшего корабля; спас их не из милосердия, а для того, чтобы они помогли вернуть часть затонувших сокровищ. Они признались, что дон Алонсо заставил их перед боем, после того как они исповедовались капеллану, прийти и дать клятву не отдавать врагу ни пяди, и именно поэтому многие отказались спастись. На судне адмирала, *"Магдалине"*, было тридцать восемь пушек и двенадцать небольших латунных орудий, и на нем служило 350 матросов; на втором, *"Сент-Луисе"*, было тридцать четыре пушки и 200 человек; на третьем, *"Маркизе"*, - двадцать две пушки и 150 человек. *Маркиза* получила свое название от маркиза де Кокена, который оборудовал ее как капер. Два более крупных судна - *"Консепсьон"* и *"Ностра Синьора де ла Соледад"* - были отправлены обратно в Испанию из Картахены; четвертое, *"Ностра Синьора дель Кармен"* (так как испанцы обычно называли свои военные суда по имени дамы любви и мира), затонуло возле Кампеачи.

Лоцман меньшего судна, спасенный и обещавший сохранить ему жизнь, раскрыл все планы дона Алонсо. Он был послан, получив известие о потере Порто-Бельо, по указанию верховного государственного совета с приказом искоренить английских пиратов в этих краях и уничтожить всех, кого только можно, ибо ко двору Испании, к католическому королю, которому принадлежала забота о сохранении Нового Света, доносились горестные сетования об ущербе и враждебных действиях англичан, и он решил покарать эти действия и отомстить за своих подданных. Король Англии, получив жалобу, постоянно отвечал, что никогда не давал никаких грамот таким людям и таким кораблям. Отправив домой свои более громоздкие корабли, дон узнал в Сен-Доминго о флоте, отплывающем с Ямайки, а пленник, взятый в Альта-Греси, раскрыл план Моргана на Караккасе. Когда он прибыл туда, в Маракайбо уже во второй раз вспыхнул дикий пожар, и он прибыл сюда, чтобы потушить его. Негр-раб действительно сообщил адмиралу о пожарном корабле, но тот с недальновидной гордостью отмахнулся от этой идеи, заявив, что у англичан не хватило ни ума, ни инструментов, ни времени, чтобы его построить.

Лоцман, сделавший эти сведения, был вознагражден Морганом и, уступив его обещаниям, поступил к нему на службу. С обычным рвением дезертира он сообщил ему, что на затонувшем корабле находится пластина стоимостью 40 000 кусков восьмерки, так как он видел, как ее доставляли на борт в лодках. В итоге водолазы извлекли из воды пластину стоимостью 2000 фунтов стерлингов, часть из которых "в пластинах", а часть в пиастрах, которые расплавились в большие куски, а также множество серебряных рукоятей мечей и других ценностей.

Оставив судно для надзора за этим прибыльным промыслом, Морган поспешил вернуться в Маракайбо и, приспособив самый большой приз для себя, отдал свой корабль компаньону. Он также послал к губернатору, теперь уже несколько опустившемуся, повторно потребовать выкуп, угрожая еще более жестоко, чем раньше, сжечь город за восемь дней, если его не . Кроме того, он потребовал 500 коров в качестве провианта для своего флота. Они были доставлены в течение двух дней вместе с частью денег, и еще одиннадцать дней ушло на засолку мяса и подготовку к выходу в море. Затем, вернувшись в устье озера, он послал к

дону Алонсо требовать свободного прохода, предлагая отправить всех пленников на берег, как только он выйдет, а в противном случае привязать пленников к такелажу, подвергнув их выстрелам из форта, а затем убить и выбросить за борт тех, кто не будет поражен. Пленники также отправили прошение, в котором молили губернатора пощадить их жизни. Но дон, не дрогнув, сурово ответил заложникам, которые на коленях умоляли его спасти их от меча и веревки: "Если бы вы были так же верны своему королю, препятствуя входу этих пиратов, как я буду препятствовать их выходу, вы бы не причинили этих бед ни себе, ни всему нашему народу, который так много пострадал из-за вашего легкомыслия. Я не удовлетворю вашу просьбу, но постараюсь сохранить то уважение, которое причитается моему королю, согласно моему долгу".

Когда испуганные гонцы вернулись и сообщили Моргану, тот ответил: "Если Алонсо не даст мне проехать, я найду способ обойтись без него", решив применить либо силу, либо хитрость, а возможно, и то и другое.

Опасаясь, что буря может разлучить его флот или что кому-то не удастся спастись, Морган разделил добычу, прежде чем попытаться пройти через бар. Принеся всем обычную клятву, он обнаружил, что они собрали 250 000 штук восьмерки, включая деньги и драгоценности, а кроме того, огромное количество товаров и множество рабов. Восемь дней ушло на этот дележ, который проходил на глазах у измученного гарнизона форта.

Затем была применена следующая хитрость. Зная, что испанцы ожидают последней и отчаянной атаки за день до своего отплытия, буканьеры с большим размахом готовились к высадке и нападению на форт. Часть команды каждого корабля со своими цветами садилась в каноэ, которые тут же гребли к берегу. Здесь мужчины, укрывшись за ветвями на берегу, ложились плашмя в свои лодки, и только два или три матроса гребли обратно к своим судам. Эту притворную высадку они повторяли несколько раз в течение дня. Испанцы, уверенные в том, что их ждет эскалада, ночью спустили большие восемнадцатифунтовые корабельные пушки форта на сторону острова, обращенную к суше, и оставили берег моря почти беззащитным. С наступлением ночи Морган снялся с якоря и при свете луны, поставив парус, в начале прилива плавно спускался вниз по реке, пока суда не оказались почти рядом с замком. Затем, расправив паруса, он быстро, как по волшебству, пронесся мимо, твердо, но настороженно. Были приняты все меры предосторожности. Команда расположилась на полуострове, а некоторые из них - внизу, чтобы затыкать пробойны от выстрелов. Испанцы, пораженные их смелостью и разгневанные их побегом, бежали со всей скоростью и сместили свою батарею, стреляя поспешно, яростно и не очень уверенно; но это время поднялся благоприятный ветер, и буканьеры оказались почти вне досягаемости, мало кто был убит, а ущерб нанесен незначительный.

Так Морган вырвался из лап дона Алонсо, который считал себя уверенным в своей добыче. Можно легко представить себе ярость испанцев и дикую радость буканьеров, их шумное одобрение мастерства Моргана, ликование их триумфа и ужас пленников. Щедрый на успех Морган, оказавшись вне пределов досягаемости орудий, гремевших во время погони, отправил на берег каноэ с пленниками из Маракайбо, а гибралтарских пленников увез с собой, так как они еще не заплатили выкуп. Радость одного и горе другого, их расставание и слезы были мучительными. Когда он отплыл, а форт все еще маячил справа, Морган дал прощальный салют из восьми орудий, на который у опустившихся испанцев не хватило духу ответить хотя бы одним мушкетным выстрелом.

Но из Сциллы в Харибду - такова судьба буканьера: одна опасность сменялась другой, надежда - надеждой, отчаяние - отчаянием. В самый день побега над морскими

разбойниками, казалось, нависла кара небесная, как бы предупреждая их, что никакие уловки не могут победить Бога. Флот застала врасплох такая буря, что они были вынуждены бросить якорь на глубине пяти или шести сажений. Шторм усилился, они были вынуждены снова взвеситься и, чем бы то ни было, держаться подальше от суши. Казалось, единственным выбором для них была смерть от рук испанца, индейца или волны - все одинаково враждебны и глухи к милосердию.

Сехмелин рассказывает, что он находился на борту наименее мореходного судна из всей флотилии, что, потеряв якоря и грот, они с большим трудом держались на плаву и были вынуждены не только работать у насосов, но и сбрасывать тюки днем и ночью, среди оглушительного грома и горного моря, которое грозило утопить их, даже когда судно еще держалось на плаву. Если бы не канаты, удерживающие судно, оно бы мгновенно затонуло. Молния и волна спорили за свою добычу, но грубый арбитр, ветер, пришел и вырвал их у этих разрушителей. "В самом деле, - говорит Иксмелин, - хотя мы изнемогали усталости и труда, мы не могли решиться закрыть глаза на этот благословенный свет, который мы могли так скоро потерять из виду навсегда, ибо теперь не оставалось никакой надежды на безопасность". Шторм продолжался уже четыре дня, и не было никакой вероятности, что он закончится. С одной стороны мы видели скалы, на которые каждое мгновение грозило налететь наше судно, с другой - индейцев, которые не пощадили бы нас больше, чем испанцы, находившиеся позади нас; и какой-то злой судьбе ветер беспрестанно гнал нас к скалам и индейцам и прочь от того места, куда мы хотели попасть".

В разгар этих бедствий шесть вооруженных судов преследовали их во время шторма, когда они находились недалеко от бухты Венесуэлы. Это оказались корабли графа д'Эстре, французского адмирала, который великодушно оказал им помощь, и ветер утих, что позволило им достичь берега. Морган и некоторые другие отправились на Ямайку, а французы - в Сен-Доминго, - испанцы в форте, вероятно, считали, что они погибли во время шторма.

Корабельщикам флота Моргана, которые так и не присоединились к нему, повезло меньше, чем адмиралу, которого они покинули. В количестве 400 человек они высадились в Савоне, но не смогли найти зарытое письмо. Они решили атаковать город Комана на реке Каракка, выбрав своим командиром капитана Гензеля, отличившегося при Порто-Белло. Этот город находился в шестидесяти лигах от Тринидада. Высадившись на берег, они убили нескольких индейцев, ожидавших их на пляже, но испанцы, оживленно споря о вступлении в город, в конце концов оттеснили их к своим кораблям с большими потерями и смятением. По возвращении на Ямайку они подверглись насмешкам со стороны людей Моргана, которые говорили: "Посмотрим, что за деньги вы привезли из Команы, и так ли они хороши, как те, что мы выиграли в Маракайбо".

Морган, воодушевленный успехом, вскоре решил на новые предприятия. Прибыв на Ямайку, "он обнаружил, что многие из его офицеров и солдат уже доведены до прежней нищеты своими пороками и распутством. Поэтому они постоянно упрашивали его новых подвигов, чтобы таким образом получить хоть что-то, что можно было бы еще потратить на вино и дурман, поскольку они уже сделали то, что получили раньше. Капитан Морган, готовый следовать зову фортуны, затыкал рты многим жителям Ямайки, которые были кредиторами его людей на крупные суммы, с надеждами и обещаниями больших достижений, чем когда-либо, в новой экспедиции. Сделав это, он мог легко набрать людей

для любого предприятия: его имя было так знаменито на всех этих островах, что уже одно это могло бы легко привлечь к нему больше людей, чем он мог бы нанять".

Напустив на себя таинственность, привлекательную саму по себе и необходимую там, где могли находиться испанские шпионы, Морган назначил встречу в Порт-Куйоне, на южной стороне Испаньола, и сообщил о своих намерениях английским и французским авантюристам, находившимся на Тортуге или в Сан-Доминго. Он написал письма всем плантаторам и старым буканьерам на Испаньоле и потребовал их присутствия на общем совете. На многих охотничьих кострах читали это объявление, и сердце многих *обрученных* билось от радости, ведь Морган теперь был чемпионом и героем буканьеров Америки. Огромное количество людей стекалось в порт на кораблях и каноэ, другие преодолевали леса и добирались туда по суше, преодолевая тысячи опасностей. Прибывали такие толпы, что вскоре стало трудно получить место в экипажах. Суда и провизия - вот и все, что требовалось. Грабеж был несомненен, и оставалось только выбрать, на каком богатом побережье высадиться. Французские авантюристы, всегда веселые и готовые, первыми вышли в море. Сам Морган, пунктуальный и быстрый, последовал за ними на *"Летающем олене"*, судне из Сен-Мало, о котором мы уже упоминали, с сорока двумя пушками. Это судно было недавно конфисковано и продано губернатором Ямайки, а несчастный капитан спас свою жизнь, радуясь свободе, хотя и без гроша в кармане.

На встрече 24 октября 1670 года присутствовало 1600 человек, и двадцать четыре судна собрались на сбор, среди криков, стрельбы из пушек, развевания флагов, большой радости и надежды. Морган предложил напасть на какое-нибудь богатое место, которое было хорошо защищено - чем больше опасностей, тем больше добычи, ведь испанцы заботились о защите только богатых мест. Несколько предыдущих экспедиций потерпели неудачу из-за недостатка провизии, и необходимость нападать на небольшие места, чтобы добыть пищу, вызвала у испанцев тревогу и сорвала их планы. Поэтому они решили посетить Ла-Ранчерию, небольшое местечко на берегу реки де ла Аче, на материке, с четырьмя судами и 400 людьми. Сюда крестьяне привозили кукурузу и маис для снабжения соседнего города Картахены, и они надеялись захватить в порту несколько судов с жемчугом из этого места.

Тем временем Морган, не заботясь о меньшей добыче, занимался тем, что приводил в порядок, чистил, оснащал и готовил к выходу в море свои суда, чтобы все они были готовы бросить якорь в тот момент, когда экспедиция искателей вернется. Испанец с ужасом думал о том, что придется разграбить город или два, прежде чем флот буканьеров сможет отплыть.

Часть мужчин находилась в лесу, охотясь на кабанов, а другие солили мясо для путешествия. У каждой команды был определенный участок леса, отведенный ей под свой участок, настолько идеальной была дисциплина Моргана. Каждый отряд готовил соленую свинину для собственного употребления, в то время как на берегу дымились котлы со смолой, и всю ночь охотники слышали стук молотков корабельных мастеров. Англичане, которые не были столь искусны в охоте, как их галльские собратья (так говорит один французский писатель), обычно брали с собой французского охотника, которому давали 150 или 200 пиастров. Некоторые из этих людей имели обученные своры собак, которые за день убивали столько кабанов, что хватало на двадцать-тридцать человек.

Экспедиция Ранчерии прибыла через шесть дней в пределах видимости реки и, к сожалению, некоторое время стояла на мели в нескольких выстрелах от суши. Это дало испанцам время подготовиться к обороне и либо закопать свои товары, либо устроить окопы, поскольку неоднократные визиты буканьеров сделали их быстрыми в таких случаях. Наконец поднялся попутный ветер, дал возможность судну с кукурузой из Картахены, стоявшему в

реке, вынырнуть и попытаться спастись, но, будучи плохим моряком, оно вскоре было захвачено, к большому удовольствию англичан, ведь кукуруза была целью их визита. По удивительному совпадению, это оказалось то самое судно с какао, которое Лолоннуа продал губернатору Тортуги, а тот по возвращении из Франции продал его капитану Шампейну, французскому авантюристу, который, в свою очередь, продал его тому же капитану-купцу, который тогда командовал этим судном. Он рассказал буканьерам, что это уже двенадцатое судно, захваченное у него прибрежной братией всего за пять лет, и что, несмотря на все эти потери, он сумел сколотить состояние в 500 000 крон. "По этому можно судить, - говорит СЕхmelin, пожимая плечами, - что в Америке есть богатые люди".

Высадившись на рассвете, несмотря на косой огонь батареи и под защитой собственных пушек, они оттеснили испанцев к их сильно укрепленной деревне, которую сразу же атаковали. Здесь враг сплотился и отчаянно сражался, рукопашную, удары шпагой и пикой, с десяти утра до ночи, когда, понеся большие потери, бежал в укромные места в лесу. Буканьеры, понесшие не меньшие потери, сразу же устремились к городу, который они нашли пустынным, и на следующий день, преследуя испанцев, взяли много пленных и принялись пытаться их, подвергая страху и невинности всем ужасам мадридской инквизиции. За пятнадцать дней они захватили много пленных и много добычи, и, пригрозив разрушить город, получили 4000 ханегов, или бушелей маиса, которых хватило бы на весь флот. Они предпочли это деньгам и через три дня, когда все это количество было принесено людьми, с нетерпением ожидавшими их отплытия, сразу же отплыли.

Морган, встревоженный их пятинедельным отсутствием, начал отчаиваться в их возвращении, думая, что Ранчерия, должно быть, получила облегчение из Карфагены или Санта-Мари. Он также думал, что им, возможно, улыбнулась удача, и они покинули его, чтобы вернуться на Ямайку. Его радость была велика, когда он увидел, что они прибыли, нагруженные кукурузой, и их было больше, чем когда они отплывали. Военный совет как раз собирался, чтобы спланировать новую экспедицию, когда капитан Брэдли и его шесть кораблей появились в поле зрения. Кукуруза была поделена между флотом, но награда досталась капитану, рисковавшему жизнью ради общего блага.

Захваченное судно прибыло очень вовремя, и по общему согласию его тут же присудили Ле Гаскону, французскому авантюристу, который недавно потерял свое судно. Разделив мясо и кукурузу и лично осмотрев каждую кору, Морган отплыл к мысу Тибурон на западной оконечности острова Испаньола - месту, удобному для складирования дров и воды. Здесь к нему присоединились несколько кораблей из Новой Англии, переоборудованных на Ямайке. Теперь Морган оказался сюзереном флота из тридцати семи судов, больших и малых, с шестнадцатью, четырнадцатью, двенадцатью, десятью и даже четырехфунтовыми пушками. На них было 2200 матросов, хорошо вооруженных и готовых к бегству и грабежу. Флот был разделен на две эскадры, под началом его вице-адмирала и подчиненных ему офицеров. Капитанам он выдал грамоты, гарантирующие их от всех последствий испанской вражды, от "открытых и объявленных врагов короля, его господина" (Карла II).

После этого был подписан хартия-патия, которую мы приводим в другом месте, вознаграждение было выше, чем обычно, и в него было внесено множество изменений. На частном совете были предложены три богатых и доступных места - Панама, Картахена и Веракрус. В этих консультациях учитывалось только то, богат или беден город, а не то, хорошо или плохо он защищается.

"Жребий пал на Панаму, как на самый богатый из трех городов, хотя и наименее известный для них, так как находился дальше от северной части Тихого океана, чем кто-либо из

буканьеров еще не ходил. Панама была портом для галеонов и Эльдорадо из легенд искателей приключений. Будучи столь неизвестным местом, они решили сначала захватить Сент-Кэтрин, где в тюрьмах они могли бы получить много проводников, повидавших и северную, и южную части Тихого океана, поскольку из преступников получают лучшие проводники для преступников; и перед отплытием они договорились, что, если они захватят испанское судно, первый капитан, который возьмет его на борт, получит в награду десятую часть его груза.

Начав с разграбления города, чтобы снабдить свой флот провизией, они теперь предложили взять штурмом форт, чтобы получить проводника - батареи Святой Екатерины, если они будут решительно укомплектованы, способны отбить три таких флота.

Адмирал, как было решено, должен был получить долю с каждой сотни человек, а каждый капитан - восемь долей, если захваченное им судно было большим. Затем экипажи один за другим принесли клятву верности. 18 декабря 1670 года флот отплыл в Сент-Катаринс, чьи узники должны были радоваться их прибытию.

Одна эскадра несла королевский английский, а другая - белый флаг. Дивизион адмирала нес красное знамя с белым крестом, "le pavillon du parlement", а на носовом шприте - один из трех цветов: синий, белый и красный. Остальные дивизионы несли бело-красный флаг. Морган также назначил особые сигналы для всех чрезвычайных ситуаций.

На пути к Святой Екатерине они преследовали два голландских судна с Кубы, которые спаслись благодаря встречному ветру, сбившему с толку их преследователей. Через четыре дня флот прибыл на остров Святой Екатерины, и Морган отправил два небольших судна для охраны порта.

Этот остров славился огромными стаями перелетных голубей, его омывают четыре ручья, два из которых летом пересыхают. Земля, хотя и плодородная, не обрабатывалась.

На следующий день, еще до восхода солнца, они бросили якорь в бухте Агуада-Гранде, где испанцы установили батарею из четырех пушек. Морган во главе 100 человек высадился на берег и стал пробираться через лес, не имея проводников, кроме старых буканьеров, которые уже бывали здесь с Мансвелтом. Прибыв ночью к дому губернатора и платформенной батарее, они обнаружили, что испанцы отступили по мосту на меньший и почти неприступный остров, который они сделали достаточно сильным, чтобы отбить 10 000 человек. Морган был вынужден в ту ночь разбить лагерь в лесу или на открытой местности, что в хорошую погоду совсем не трудно для охотников или моряков. Между ними и врагами оставалась целая лига густого кустарника, который был одновременно их защитой и гибелью. На них обрушился ледяной ливень, который, вместо того чтобы прекратиться, как они надеялись, продолжался до полудня следующего дня. Они снесли две или три соломенные хижины и развели небольшие сырые костры, которые обжигали немногих, но не согревали никого. Они не могли укрыться и, что еще хуже, не могли сохранить сухими свое оружие и порох. Но еще больше они страдали от голода, не имея пищи в течение целого дня. Мужчины, в большинстве своем не имевшие никакой одежды, кроме матросской рубахи и штанов, без обуви и чулок, после палящего тропического полдня ужасно страдали от ледяного холода и дождя. Сотня человек, говорит Эсквемелинг, даже если бы они были хорошо вооружены, могла бы разорвать их всех на куски. На рассвете их пробудили от дрожи испанские барабаны, отбивавшие *диану*, или *ревель*. Дождь уже прекратился, и их мужество поднялось как никогда высоко. Но ответить на этот вызов они не могли, так как их собственные барабаны разболтались и промокли насквозь, и теперь им пришлось заняться тем, чтобы поскорее высушить свое оружие. Едва они успели это сделать, как налетела туча и

пошел дождь с еще большей яростью, как будто "небо таяло в воде", который ослепил их и не позволил снова перейти в атаку. Многие из них пали духом и заговорили о возвращении. Мужчины были слабы от недосыпания, изнемогали от холода и голода. Жаждающие добычи нашли в поле "старую лошадь, худую, всю в струпьях и пятнах, с израненной спиной и боками". Ее тут же убили, разделали на мелкие кусочки, кто сколько мог, и с жадностью съели без соли и хлеба немногие удачливые эпикуры - "съели, - говорит историк, - скорее, как едят хищные волки, чем люди".

Дождь все еще лил, а люди, измотанные душой и телом, становились все злее, недовольнее и шумнее, поэтому Моргану пришлось действовать быстро. Около полудня, к его великой радости, дождь прекратился, и выглянуло солнце. Воспользовавшись этим затишьем - ведь дождь мешал даже их отступлению, - Морган приказал спешно снарядить каноэ и отправил четырех человек с белым флагом к испанскому губернатору, заявив, что если они все не сдадутся, он без промедления предаст их мечу. Его дерзость, к счастью, увенчалась успехом. В противостоящих армиях часто встречаются взаимно напуганные люди, которые пытаются запугать друг друга. Губернатор был запуган. Он потребовал два часа для совещания со своими офицерами. По истечении этого времени, когда Морган предоставил заложников, для согласования условий были посланы два солдата с белыми флагами. Губернатор решил, что не сможет защитить остров от такой армады, но предложил некую военную хитрость (в духе Далгетти), чтобы спасти свою голову и сохранить репутацию своих офицеров в стране и за рубежом.

Морган должен был прийти ночью и штурмовать форт Святого Иеронима, стоявший у моста, соединявшего два острова, и в тот же момент его флот должен был атаковать замок Санта-Тереза по морю и высадить войска у батареи Святого Матвея. Эти люди должны были перехватить и взять в плен губернатора, когда тот будет направляться к батареям Святого Иеронима. Затем он должен был сразу же привести их в замок, как если бы они были его собственными людьми. С обеих сторон должна была вестись непрерывная стрельба, но только порохом, без пуль. Если форты будут взяты, остров, конечно, сдастся.

Это хорошо подготовленное представление прошло с большим *шиком*. Морган, соглашаясь на условия, настаивал на их строгом выполнении каждого пункта и, опасаясь засады, предупредил, что каждый отступающий испанец будет застрелен. Опасаясь такой хитрости, некоторые буканьеры зарядили свои мушкеты шарами и держали себя в готовности к любой опасности. С большим дымом и большим расходом пороха ничего не подозревающих испанцев загнали, как овец, в церковь, остров сдался, и благодаря этой бескровной хитрости испанская гордость осталась неповрежденной.

Но теперь началась жестокая резня. Буканьеры ничего не ели почти два дня. Они расправились со всей домашней птицей и скотом - самая старая корова была убита, самый крепкий петух задушен. Несколько дней остров был освещен огромными кострами, вокруг которых люди жарили мясо, веселились и развлекались. Когда дров стало не хватать, они снесли коттеджи, чтобы разжечь костры, и, не имея вина, очень мудро использовали воду.

На следующий день после капитуляции они пересчитали пленных и обнаружили, что набрали 450 душ - семьдесят человек из гарнизона, сорок три ребенка и тридцать один раб. Всех мужчин тщательно разоружили и отправили на плантации, чтобы принести провизию; женщин оставили в церкви молиться и плакать. Затем они осмотрели все десять батарей, удивляясь их силе и ликуя по поводу своей победы. В форте Святого Жерома было восемь больших пушек и шестьдесят мушкетов; в форте Святого Матфея - три пушки; в форте Санта-Тереза - двадцать пушек и 120 мушкетов. Крепость была очень сильной и обнесена рвом,

неприступной со стороны моря, а со стороны суши поднималась по узкой горной тропе, а пушки на ее вершине командовали портом. На форте Святого Августина стояло три пушки, на Платформе - две, на Сальвадоре и еще одном - две, на Санта-Крузе - три, а на Святом Иосифе - шесть и двенадцать мушкетов. В магазине нашли 30 000 фунтов пороха, который сразу же отправили вместе со всеми остальными боеприпасами. На батарее Сент-Джерома Морган оставил караул, но во всех остальных фортах орудия были заколочены, а лафеты сожжены.

Целью его визита по-прежнему были поиски. Осмотрев пленников, которых теперь теснили купцы и вельможи, он спросил, нет ли бандитов из Панамы, и ему навстречу вышли трое рабов, которые знали все пути и проходы в город. Этих людей он выбрал в качестве проводников, пообещав им полную долю добычи, если они приведут его безопасным путем в город, и, кроме того, свободу, когда они достигнут Ямайки. Эти добровольцы состояли из двух индейцев и мулата. Первый отрицал все свои знания об этом месте; второй - "негодяй, вор и убийца, заслуживающий скорее перелома колеса, чем простой гарнизонной службы" - с готовностью принял предложения Моргана и обещал верно служить ему. Он пользовался большим авторитетом у двух индейцев и распоряжался ими по своему усмотрению, не смея ослушаться полукровка, который уже был на пороге предпочтений.

Следующим шагом к Панаме было взятие Чагреса и его крепости, и Морган сразу же отправил пять судов, хорошо оснащенных, с 400 людьми на борту, чтобы предпринять эту экспедицию, оставаясь сам в Сент-Катерине, чтобы не встревожить жителей Панамы. Он должен был следовать за своим ван-гардом в течение восьми дней, ориентируясь на индейцев, которые знали Чагрес. Это время он и его люди благоразумно потратили на выдергивание корней маниока для маниоки и выкапывание картофеля для путешествия.

Экспедицию на Чагрес возглавлял тот же капитан Брэдли, который командовал в Ранчери. Ранее он служил у Мансвелта и прославился своими подвигами как среди буканьеров, так и среди испанцев. Через три дня он прибыл в Чагрес, напротив форта Святого Лаврентия, который был построен на горе, открывающей вход в реку. Как только испанцы увидели красный флаг, распустившийся на его судах, они вывесили королевские цвета Испании и отсалютовали ему залпом, слишком поспешным и злым, чтобы быть очень разрушительным. Буканьеры, следуя своей обычной хитрости, высадились в Нарангуи, расположенном в четверти лиги от замка, причем проводник вел их через густой лес, сквозь который им пришлось прорубать путь саблями. Когда они высадились, было раннее утро, и, затратив полдня на преодоление короткого расстояния, они добрались до холма, с которого открывается вид на замок, только к двум часам дня. Трясина и грязь на дороге в сочетании с темнотой удлинili их путь. Проводники служили им хорошо, но в одном месте они оказались так близко от замка, на таком открытом и голом месте, что потеряли много людей от выстрелов. В других местах лес был настолько густым, что они могли определить, что находятся рядом с замком, только по выстрелам из пушки. Холм, на который они взобрались, находился вне пределов досягаемости мушкетов, и лишились возможности использовать свое любимое оружие. Если бы им удалось протащить пушки так далеко, они могли бы занять это место, не потеряв ни одного человека.

Замок Чагрес был построен на высокой горе у входа в реку и окружен крепкими деревянными палисадами, обнесенными землей. Вершина горы была разделена на две части, между которыми проходил ров глубиной в тридцать футов; башня имела только один вход через разводной мост, со стороны суши она имела четыре бастиона, а со стороны моря еще два. Южная стена представляла собой неприступную скалу, а северная была ограждена широкой рекой. У подножия холма находился сильный форт с восемью орудиями, откуда открывался

вид на устье реки; чуть ниже располагались еще две батареи, каждая из шести орудий, все они были направлены в ту же сторону. С другой стороны находились два больших склада, полные товаров, привезенных из внутренних районов, а рядом с ними вырубленная в скале лестница вела к замку на вершине. С западной стороны находился небольшой порт глубиной не более семи-восьми саженей, с хорошей якорной стоянкой для небольших судов, а перед холмом из волн поднималась огромная скала, которая почти закрывала его при низкой воде.

Это место представлялось таким совершенным вулканом огня, таким угрожающим и опасным, что буканьеры, если бы не страх перед яростью и презрением Моргана, сразу же повернули бы назад. После долгих споров, сомнений и недоумений они решились на штурм и рискнули жизнью. Когда они спустились со своего холма на равнину, им пришлось броситься на лица, чтобы спастись от опустошающего ливня шаров; но их стрелки, совершенно неприкрытые и беззащитные, стреляли в испанских артиллеристов через петли частокола и убивали всех, кто показывался. Эта перестрелка продолжалась до вечера, когда буканьеры, потерявшие много людей, а их командир получил перелом ноги от пушечного выстрела, начали колебаться и подумывать об отступлении, тщетно пытаясь сжечь все вокруг своими огненными шарами, и подступили к самым стенам, на которые тщетно пытались взобраться с мечом в руках. Когда испанцы увидели, как те в беспорядке отступают сквозь сумерки, неся раненых и скрежеща зубами от ярости на темные линии обороны, они закричали: "Вперед, еретические псы; вперед, английские дьяволы: вы не получите Панаму в этой схватке, потому что мы будем служить вашим товарищам так же, как служили вам". Удивленные их криками, буканьеры впервые узнали, что в Панаме уже слышали об экспедиции Моргана.

Уже наступила ночь, а дождь из пуль, дробей и индейских стрел (более смертоносных, чем пули), метких и метких, продолжался так же жалобно, как и днем. Воспользовавшись мраком, другой отряд выдвинулся к палисадо; свет их горящих фитилей указывал испанцам цель.

Необычная военная случайность привела к тому, что место, которое так проворно защищалось, оказалось в руках нападавших. Группа французских мушкетеров беседовала между собой, разрабатывая план наступления, когда стремительная индейская стрела упала среди них и пронзила одного из ораторов в плечо (Эсквемелинг говорит - в спину и прямо через тело, другой автор - в глаз). Раненого осенила мысль, ибо рана подстегнула его воображение: Круто вынув острие из плеча, он сказал тем, кто был рядом: "Attendez, mes frères, je m'en vais faire périr tous les Espagnols-tous-avec cette sacré flèche" (подождите немного, мои товарищи, я убью всех испанцев - всех этой д... стрелой); Сказав это, он достал из кармана горсть дикого хлопка, который буканьеры держали в качестве ворса, чтобы затягивать раны, и намотал его на дротик; затем вложил его в свой заряженный мушкет, из которого извлек шарик, и выстрелил им в крышу замка. Шар угодил в сухую солому, которая через мгновение задымилась, а еще через секунду вспыхнула ярким пламенем, более заметным в темноте. Буканьеры закричали и бросились в атаку, а раненые забыли о своих ранах. Некоторые из мужчин, видя результат эксперимента, собрали индейские стрелы, которые лежали вокруг них, и пустили их по крышам. Вскоре многие дома были охвачены пламенем. Испанцы, занятые обороной, не заметили пожара, пока он не набрал силу, и, дотянувшись до посылки с порохом, раздули его, вызвав разрушения и переполох в форте. Если они покидали стены, то буканьеры укрепляли позиции, если они покидали огонь, то пламя распространялось еще страшнее, чем прежде; отсутствие достаточного количества воды усиливало смятение, и пока они пытались погасить пламя, буканьеры подожгли палисадо.

Схmelin, присутствовавший в качестве хирурга при этом нападении на Чагрес, рассказывает анекдот о мужестве, свидетелем которого он сам был, чтобы показать неукротимую ярость нападавших. Одному из его друзей индейская стрела пронзила глаз, и он пришел к нему, чтобы умолять вытащить ее, настолько сильной и невыносимой была боль. Хотя Схmelin был хирургом, у него не хватило духу подвергнуть друга такой пытке, пусть даже кратковременной, и он с жалостью отвернулся, на что выносливый моряк с проклятием вырвал стрелу и, перевязав рану, бросился вперед к стене. Те немногие буханьеры, которые отступили, увидев пламя, снова бросились в атаку. Испанцы уже не могли разглядеть врага, по которому стреляли, настолько темной и беззвездной была ночь, а буханьеры с безошибочной меткостью охотников сбивали испанцев, чьи тела выделялись темными и четкими очертаниями на ярком фоне пламени. За это время, прежде чем удалось погасить огонь на крышах, буханьеры пронесли по фоссе и, взобравшись друг другу на плечи, сожгли часть палисадо, как мы уже описывали, несмотря на ручные гранаты, которые бросали сверху и которые разрывались среди них. Огонь бежал вдоль стены, прыгая, как крылатая тварь, и пожирал все, что попадалось ему под руку, распространяясь с ужасающей быстротой.

Бой продолжался всю ночь, и когда спокойный дневной свет ворвался к измученным солдатам, буханьеры с блеском в глазах увидели, что габионы продымились насквозь, а земля большими кучами обвалилась в озеро. Проломы во многих местах были вполне проходимы. Доспехи по частям падали с их гигантского противника, и теперь он стоял перед ними голый, израненный и беззащитный. Подкравшись к стенам на расстояние мушкетного выстрела, буханьеры перестреляли канониров в проломах, куда по приказу губернатора ночью были перетащены пушки. Разделившись на две группы, один отряд вел постоянный огонь по пушкам, а другой следил за передвижениями противника. Около полудня они выдвинулись к месту, которое защищал сам губернатор, окруженный двадцатью пятью храбрыми испанцами, вооруженными пиками, алебардами, мечами и мушкетами. Они продвигались под страшным градом огня и свинца, защитники бросали вниз пылающие горшки, полные горючих веществ и "неприятных запахов", которые уничтожили многих англичан. Но мы не знаем, как запахи могли загнать назад людей, которые прошли бы через ад, если бы это был кратчайший путь в Панаму.

Ничто не могло сравниться с непоколебимым мужеством испанцев - они оспаривали каждый дюйм земли, они медленно сдавались, как раненые львы, когда охотники узко их круги. Они осыпали нападавших камнями и всеми доступными снарядами, желая убить буханьера, но чувствуя, что сопротивление безнадежно; некоторые, вместо того чтобы сдаться, бросались со скал в море, и лишь немногие выживали после падения. Когда буханьеры одержали победу в замке, испанцы отступили к корпусу, где закрепились с двумя пушками; губернатор до последнего отказывался от четверти и наконец упал, прострелив себе мозг. Те немногие, кто остался, сдались, когда пушки были взяты и обращены против них.

В форте нашли только четырнадцать человек, не пострадавших, и около девяти или десяти раненых, которые спрятались среди мертвых. Они сказали Моргану, что это все, что осталось от гарнизона из 314 солдат. Губернатор, видя, что его потеряли, отправил оставшихся в живых в Панаму, чтобы вызвать тревогу в городе, а сам остался умирать. В живых не осталось ни одного офицера; они первыми подали своим людям пример славной смерти. Оказалось, что в порт прибыл дезертир-буханьер, ирландец, которого Морган даже не поставил в известность о своем замысле, и сообщил о нападении на Ла-Ранчерию и планируемом движении на Панаму. Губернатор этого места немедленно отправил в Чагрес подкрепление из 164 человек с боеприпасами и провизией и расставил засады вдоль реки. По их словам, в

этот самый момент он ожидал их в саванне с 3600 человек: из них 2000 пехоты, 400 кавалерии и 600 индейцев. Кроме того, он нанял 200 погонщиков и охотников, чтобы собрать 1000 голов дикого скота и обрушить их на захватчиков.

"Взятие этого замка, - говорит Эсквемелинг, - обошлось пиратам очень дорого, по сравнению с тем, что они обычно теряли, а трудов и забот было больше, чем при завоевании острова Святой Екатерины". При подсчете поредевших рядов многие голоса умолкли при перекличке. Более ста человек были признаны погибшими, более семидесяти - тяжело ранеными. Шестьдесят человек не могли подняться, а многие в строю носили на руках полосы испанских цветов или обвязывали головы окровавленными тряпками. Пленных заставили оттащить своих мертвецов к краю скалы и бросить их среди разбитых тел на берегу, а затем похоронить их там, где море не смоет их из могил, а птицы не сожрут их. Замковую часовню они превратили в госпиталь для раненых, а для ухода за ними нанимали женщин-рабынь, поскольку хирурги в пылу сражения успевали лишь ампутировать конечность или перевязать артерию.

ГЛАВА II. ЗАВОЕВАНИЕ ПАНАМЫ.

Марш из Чагреса - Фамин - скопление индейцев - дикие быки, спускаемые на них - победа - битва за форты - взятие города - сжигание его части - жестокости - разврат - возвращение с пленными - добродетель испанской пленницы и ее страдания - выкуп - раздел добычи - доводы Моргана - побег ночью на Ямайку - рассеяние флота - дальнейшая судьба Моргана.

Тела их товарищей, погибших, чтобы оставшиеся в живых могли победить, были похоронены, не без слез даже этих грубых мужчин, в больших (чумных) могилах, вырытых пленниками. Женщины подверглись насилию в первой же ярости разграбления. Во время грабежа они обнаружили огромное количество провизии и боеприпасов, хранившихся для использования флотом. Следующим их действием было отремонтировать форт и сделать его пригодным для жизни.

Морган, мгновенно узнав о падении Чагреса, не стал задерживаться. Собрав сначала всю индейскую пшеницу и маниоку, которую он мог унести, он высадил пленных и провизию, взяв с собой дона Джозефа Рамиреса де Лейбу, губернатора, и главных офицеров. Пушки он забил шипами или бросил в море в местах, где мог их вернуть, намереваясь вернуться и укрепить это место в качестве опорного пункта, если его замысел относительно Панамы не удастся. Форты, церкви и дома он обстрелял, за исключением замка Санта-Тереза.

Когда он плыл в Чагрес, поднялся шторм, который разметал его корабли и заставил их провести много дней в море. Адмирал, всегда бдительный при опасности, позволил себе на мгновение уснуть в час благополучия. Когда он приблизился к устью реки и увидел английский флаг, развевающийся над почерневшими стенами, он не смог сдержать беспечной радости своей команды и, не дожидаясь лоцманского каноэ, которое выходило предупредить их об опасности, поехал на затонувшую скалу у подножия замкового холма.

Его собственное и три других судна затонули, но экипажи и грузы были спасены, и, если бы не сильный "северный ветер", сами корабли остались бы целы.

Приведенный в замок под аплодисменты и сердечные поздравления по поводу своего побега, Морган занял испанских пленников из Сент-Катрин ремонтом укрепления, тщательно уничтожив все соломенные навесы из страха перед пожаром. Затем он выбрал гарнизон по жребии и разделил запасы. Он с восторгом слушал подробности победы, оплакивал отсутствующих погибших и многих храбрецов, которые так часто разделяли его надежды и страхи. Следующим его шагом было захватить несколько *чаттен*, или небольших испанских судов, которые все еще находились в реке. Это были небольшие суда, которые курсировали между Чагресом и Порто-Бельо, или Никарагуа, или перевозили товары вверх и вниз по реке. На них было установлено шесть пушек, две железные и четыре небольшие медные, а управляли ими шесть человек. Он также взял четыре небольших фрегата с четырнадцатью и восемью пушками и все каноэ, которые смог захватить, требуясь для экспедиции. Он оставил позади себя 100 человек под командованием капитана Ле Мориса и 150 человек для охраны кораблей.

Для Панама Морган взял с собой 1300 самых хорошо вооруженных и выносливых из своей группы, пять лодок с артиллерией и тридцать два каноэ. Он неосмотрительно взял с собой мало провизии, рассчитывая получить ее в изобилии от испанцев, которых они убьют в засадах. Несмотря на недавнюю победу и уверенность Моргана в завоевании, многие из буканьеров были настроены менее оптимистично, чем во время прежних экспедиций. Испанские пленники сумели встревожить их слухами об опасностях и запутанности дороги, а также о засадах, которые готовились два месяца. Некоторые, более суеверные, чем остальные, считали, что крушение корабля Моргана и тяжелые потери в Чагресе - плохие предзнаменования для успеха в Панаме. Но остальные насмехались над ними, считая белыми, и Морган, разделив провизию между гарнизоном и пленниками "Святой Екатерины", осмотрел своих людей, оружие и боеприпасы. Он успокоил их страхи и сказал, что победа уже одержана. Он увещевал их проявить больше обычного мужества, чтобы как можно скорее вернуться на Ямайку богатыми и славными. С криками "Да здравствует король Англии, да здравствует Генри Морган" они начали свой поход к обреченному городу 18 января 1670 года.

В первый день они продвинулись всего на шесть лиг до Рио-де-лос-Брасос, где вышли из своих каноэ, чтобы переночевать на берегу, так как были искалечены теснотой в лодках. Они не взяли с собой никакой провизии, так как в тот день мало кто ел, кроме трубки с табаком, "чтобы заткнуть отверстие желудка". Они ничего не могли найти на опустевших плантациях, где даже недозрелые плоды были сорваны, а корни выдернуты до их прибытия. Мужчины жаждали сражаться, чтобы поесть. К полудню следующего дня они достигли Круз-де-Хуан-Гальего, где были вынуждены оставить свои каноэ; река была очень сухой и мелкой из-за отсутствия дождей, и сильно захламлена поваленными деревьями, но их надежды были возбуждены сообщением проводника, что примерно в двух лигах дальше дороги стали лучше. Здесь они оставили свои лодки со 160 людьми для их охраны на случай поражения, дав им строгий наказ не высаживаться на берег из опасения засад в соседнем лесу, который был настолько густым, что казался непроходимым. Обнаружив, что лес почти непроходим, Морган приказал переправить несколько каноэ, хотя и с огромным трудом, в место под названием Седро-Буэно, расположенное дальше по реке, взяв половину людей за раз и вернувшись за остальными, так что к ночи все люди снова были в сборе. Не обнаружив никаких засад, несмотря на все желания этих голодных солдат, можно было предположить, что испанские шпионы, желая избежать боя, напугали своих офицеров, преувеличив число

авантюристов. На третий день Морган послал вперед проводников, которые не смогли найти никакой дороги: местность была плоской, затопленной и болотистой. Люди, которые почти ничего не ели с момента отплытия, изнемогали от голода, и некоторые из них собирали листья с лесных деревьев. Ночью, прежде чем они смогли перейти реку, они заночевали на берегу, подвергаясь, полуодетые, тропическим ливням и холоду.

На четвертый день марша они разделились на группы: самая большая шла по суше, меньшая - на каноэ. Проводники всегда держались на расстоянии двух мушкетных выстрелов впереди, чтобы предупредить о засадах и в надежде поймать бродяг, которые могли бы дать сведения. Но у испанцев были и разведчики, очень бдительные и ловкие в оповещении обо всех происшествиях, которые часто приносили панамцам сведения о приближении буканьеров за шесть часов до появления врага. Около полудня армия достигла поста под названием Торна Кавальос, названного так, вероятно, из-за неровности дороги, и в этом месте проводник каноэ крикнул, что видит засаду. С безграничной радостью голодные люди, жаждущие крови, бросились к оружию, зная, что испанцы всегда идут с роскошным запасом продовольствия, и понимая, что мертвый испанец не может больше нуждаться в провизии. Как только они приблизились к укреплению, имевшему форму полумесяца, и к частоколу из целых деревьев, они издали страшный крик и, подгоняемые яростью и голодом, стали метаться, как голодные волки, высматривая, кто первым сможет скрестить мечи с врагом, которого, по их мнению, было около 400 человек. Но сердца их упали, когда они обнаружили, что место это - всего лишь заброшенный вал, а вся провизия, кроме нескольких крошек, разбросанных вокруг, либо сожжена, либо унесена. Несколько кожаных мешков валялись тут и там, как будто оставленные при поспешном отступлении. Разгневанные этим, они тут же снесли испанские хижины и, разрезав кожаные мешки, разорвали их на еду. Затем начались ссоры за самые большие кушанья, но не успели они закончить этот неаппетитный банкет, как раздался сигнал к походу. Около 500 испанцев, по-видимому, удерживали эти укрепления, и многие из них грозились сожрать первого попавшегося беглеца. Ближе к ночи они добрались до другой заброшенной засады, называемой Торна Мунни, столь же пустой еды, и остатки мешков теперь были съедены. Те, кому посчастливилось раздобыть полоску, сначала вымачивали кусочки в воде, затем отбивали их между двумя камнями, потом счищали шерсть охотничьими ножами и, поджарив на огне, не спеша ели маленькими кусочками. "Могу заверить читателя, - говорит СЕхmelin, - что человек может прожить на таком питании, но вряд ли он *сильно растолстеет*". Частые глотки воды (которая, к счастью, была у них под рукой) приправляли эту не слишком вкусную пищу людей, привыкших упиваться олениной и бренди. "Некоторые, кто никогда не выходил из кухни своих матерей, - говорит Эсквемелинг, - могут спросить, как эти пираты могли есть и переваривать эти куски кожи, такие жесткие и сухие, на что я отвечу, что если бы они однажды испытали, что такое голод, или, скорее, голод, они бы нашли путь, как это сделали пираты".

На пятый день в полдень они прибыли в местечко Барбакоа, где было еще больше заброшенных баррикад, а на соседних плантациях не было ни людей, ни животных, ни растений. Поиски велись со всем усердием и настойчивостью голодных людей, и наконец они нашли в полу пещеры, недавно вырубленной в скале, два мешка муки, два кувшина вина и несколько подорожников, и Морган щедро разделил их между самыми измученными из своих солдат, некоторые из которых уже почти умерли от голода. Муку они смешали с водой и, завернув тесто в банановые листья, испекли его на огне. Немного освежившись, они возобновили свой поход с еще большим мастерством и энергией. Отставших людей они усаживали в каноэ, пока ночью не достигли заброшенных плантаций, известных как Табернильяс, где и заночевали.

На шестой день они медленно двинулись в путь, немного отдохнув от настоящей слабости, а самых сильных отправили в лес срывать ягоды и вырывать корни, многие даже ели листья и траву. В тот же день в полдень они прибыли на плантацию. Охотно порывшись здесь, но не ожидая ничего найти, они свернули немного с дороги и наткнулись на сарай, полный кукурузы в шелухе. Выбив дверь, они навалились на него и пожирали его так же хищно, как стадо свиней, пока не свалились от сытости. Затем раздали каждому по порции, ибо голод не терпит готовки. Нагруженные этим зерном, они продолжали свой марш в приподнятом настроении около двух часов, когда внезапно натолкнулись примерно на 200 индейцев и вскоре миновали безлюдную засаду. Те, у кого еще оставался маис, выбросили его, решив, что испанцы и лучшая еда уже близко. Эти лучники находились на противоположном берегу реки. Буканьеры, открыв огонь, убили нескольких, а остальных преследовали до самого Санта-Круса. Самые ловкие спаслись вплавь, а двое или трое искателей приключений, которые плыли за ними, были пронзены стрелами у брода. Индейцы, когда они бежали, кричали: *"Ah perros Ingleses, à la savanah, à la savanah"*: *"Английские собаки, английские собаки, идите в саванну"*. Перейдя реку, они были вынуждены начать свой поход с противоположного берега. В ту ночь они почти не спали, но были очень удручены, и поднялся ропот против капитана Моргана и его поведения. Его обвиняли в том, что он не взял с собой провизии и не встретил испанцев; осуждали за непримиримые ошибки и поносили даже за прошлые успехи. Некоторые заявили, что вернутся домой, другие охотно сделали бы это, но боялись отступать; большая же партия заявила, что скорее умрет, чем отступит хоть на шаг. Один из проводников, возможно, подкупленный Морганом, пообещал, что скоро они встретятся с людьми, от которых получают немалую выгоду, и это их утешило. Суеверие могло бы вскоре превратить это в одно из тех пророчеств, которыми Кромвель и Кортес утешали своих унылых солдат.

На седьмое утро, ожидая врагов, все почистили оружие и разрядили свои мушкеты и пистолеты без шариков, чтобы испанцы узнали, что они идут, и что их боеприпасы не повреждены. Покинув Санта-Крус, где они отдыхали, они пересекли реку на своих каноэ и прибыли в город Круз.

На некотором расстоянии от Круса они увидели, к своей великой радости, сильный дым, поднимавшийся над крышами домов, который, как они думали, исходил из кухонных труб, и, ускорив шаг, начали смеяться, кричать и прыгать, подшучивая над испанской расточительностью и говоря: "Испанские повара жарят мясо для нашего ужина, когда мы овладеем их хозяевами"; но когда дым стал гуще, они начали думать, что враг сжигает некоторые дома, которые мешают огню окопов.

Через два часа после этого, прибыв запыхавшимися и разгоряченными в Круз, они обнаружили, что место это пустынно и разграблено, мяса нет, зато много костров, так как каждый испанец сжег свой дом, и остались только королевский склад и конюшни. Несколько потрескивающих развалин - все, что осталось от великого перевалочного пункта между Чагресом и Панамой, ведь здесь всегда выгружали товары из Чагреса и перевозили их в Панаму на спинах мулов, а от реки Чагреса их отделяло всего двадцать шесть испанских лиг, а от Панама - восемь. Разочарованные буканьеры провели остаток дня в Кресе в поисках пищи и отдыха. Вскоре все кошки и собаки были убиты и съедены, так как скот был весь перегнан. Морган, ставший более строгим в вопросах дисциплины, отдал приказ, чтобы из города не выходило менее 100 человек. Пять или шесть англичан, послушавшихся приказа, были убиты индейцами. В королевских конюшнях было найдено пятнадцать или шестнадцать кувшинов перуанского вина и кожаный мешок, полный бисквита. Морган, опасаясь, что его люди впадут в излишества, распространил сообщение, что испанцы отравили вино, и это

сообщение было подтверждено сильным недомоганием всех, кто его пил; хотя полуголодные люди, питавшиеся в течение недели растительными отбросами, пострадали бы от любого излишка. Однако вино пили охотно, и пили бы, если бы в каждой кубке не было смерти. Эта болезнь задержала их на день в Крузе. Каноз, ставшие бесполезными, были отправлены назад под охраной шестидесяти человек, чтобы присоединиться к остальным лодкам, одна из которых была спрятана в зарослях на случай непредвиденных обстоятельств или необходимости, и передавать сведения на суда. Он опасался, что, если оставить их на Крузе, они могут быть захвачены, а для этого, по крайней мере, потребуется дополнительная охрана.

На восьмой день утром Морган осмотрел свой отряд и обнаружил, что у него за спиной все еще 1100 способных и решительных людей. Он убедил их, что их товарищ, которого унесли индейцы, вернулся, только заблудился в лесу, опасаясь, что они могут быть обескуражены его исчезновением. Тогда он выбрал отряд лучших стрелков, как последнюю надежду, и "сотня этих людей", говорит СЕхmelin, "стоит шестисот из любого другого народа". Остальных он разделил на фургон и крылья, зная, что ему придется пройти много мест, где не более двух человек могут пройти в одну сторону.

После десяти часов марша они прибыли в место под названием *Кебрада Обскура* - темное лесистое ущелье, куда редко проникал солнечный свет. Здесь на них внезапно обрушился ливень из 300 или 400 стрел, убивших восемь или девять человек и ранивших десять. Эти стрелы прилетели из индейской засады, спрятавшейся на лесистой и скалистой горе, пронизанной естественной аркой, через которую мог пройти только один груженный зверь. Буканьеры, хотя и не видели ничего, кроме скал и деревьев, мгновенно открыли ответный огонь, и двое индейцев скатились на тропу. Один из них, похоже, вождь, поскольку на нем была корона из разноцветных перьев, попытался пронзить английского искателя приключений своим копьем, но его спутник, парировав удар саблей, убил индейца. Предполагается, что этот храбрец был лидером засады, так как дикари, увидев его падение, сразу же обратились в бегство и больше не выпускали ни одного копья. Когда они вошли в лес, остальные индейцы скрылись, чтобы занять ближайшую высоту, откуда они могли наблюдать за ними и преследовать их поход. Буканьеры сочли их слишком быстрыми, чтобы схватить, и преследовали их безрезультатно: не двое или трое из раненых беглецов были найдены мертвыми на дороге. Несколько вооруженных и дисциплинированных людей могли бы защитить этот проход от сотни, но индейцы были рассеяны и лишены вождя, они стреляли наугад и в спешке, через деревья и заросли, которые перехватывали их стрелы. Выйдя из этого дефиле, буканьеры вступили в широкую прерию, где отдохнули, пока им оказывали помощь раненым. На большом расстоянии перед собой они увидели индейцев на скалистой возвышенности, которая прикрывала дорогу, по которой они должны были пройти. Пятьдесят человек отправили их в тыл в надежде получить пленных, но все было напрасно, так как индейцы были не только проворнее, но и знали все проходы. Через два часа после этого их увидели на расстоянии двух выстрелов на той же возвышенности, с которой их только что согнали, в то время как буканьеры находились на противоположной высоте, а между ними лежал лес. Буканьеры предполагали, что здесь скрывается испанская засада, так как всякий раз, когда они приближались, индейцы кричали: "*À la savannah, à la savannah, cornudos perros Ingleses*". "В саванну, в саванну, рога носцы, английские псы". Морган послал 100 человек обыскать этот лес, и на это испанцы и индейцы спустились с горы, как будто для того, чтобы напасть на них, но больше не появлялись.

Ночью, когда пошел сильный дождь, буканьеры пошли быстрее, чтобы не намочить оружие, но не нашли ни одного дома, где можно было бы расположиться, так как индейцы сожгли их все и увели скот, надеясь уморить голодом тех, кого не смогли выгнать. После тщательных поисков они покинули главную дорогу и нашли несколько пастушьих хижин, но их было слишком мало, чтобы укрыть всю их компанию; поэтому они сложили оружие и выбрали небольшое число людей из каждой компании для охраны. Тем, кто спал под открытым небом, пришлось нелегко: дождь не прекращался всю ночь. Они сделали временные навесы, которые покрыли сучьями, чтобы спать под укрытием, пусть и несовершенным; поставили часовых, опасаясь индейцев, которые выбирали для нападений сырые ночи, когда огнестрельное оружие часто оказывалось бесполезным.

На следующее утро очень рано, уже девятого по счету, они возобновили свой поход, причем Морган велел всем разрядить ружья, а затем перезарядить их, опасаясь, что от сырости отсырел порох. Свежий утренний воздух, чистый после бури, все еще был вокруг них, и облака еще не успели уступить место тропическому солнцу, как они двинулись дальше по более трудному, чем прежде, пути. Примерно через два часа вдали показался отряд из двадцати испанцев, были видны и индейцы, но Морган не смог взять ни одного пленного, хотя и предложил награду в 300 крон за каждого приведенного испанца. Когда их преследовали, враги прятались в пещерах и ускользали от поисков.

Наконец, медленно поднимаясь на высокую гору, искатели приключений неожиданно увидели с вершины сверкающее вдали Южное море. Это вызвало у них такую же радость, как вид "Талатты" у солдат Ксенофонта. Они считали свою экспедицию завершенной, ведь победа была для них несомненной. На море они увидели невиданный ранее большой корабль и шесть маленьких лодок, направлявшихся из Панама к островам Тавога и Тавогилла, которые находились на расстоянии всего шести лиг. Удача улыбнулась им в этот день, потому что, спустившись с горы, они попали в долину травянистой прерии, полную всякого скота, за которым гнались конные испанцы, бежавшие при виде буканьеров. Люди Моргана бросились на этих животных с жадностью полуголодных охотников, нетерпением моряков, желающих раздобыть свежее мясо, и со всей поспешностью, которую проявляют храбрецы, чтобы настигнуть врага. Один застрелил лошадь, другой завалил корову, но большая часть зарезала мулов, которых было больше всего. Одни разжигали костры, другие собирали дрова, самые сильные охотились на скот, а инвалиды убивали, снимали шкуры и пластались. Вскоре вся равнина была охвачена сотней костров. Голодные люди отрезали куски плоти, обжигали их в пламени и ели полусырыми с невероятной поспешностью и свирепостью. "Они напоминали, - говорит Эсквемелинг, - скорее каннибалов, чем христиан: кровь стекала по их бородам до середины тела". Но ни голод, ни страх, ни страсть не выбили Моргана из колеи. Сам голодный и изможденный, сочувствуя голоду своих людей, он видел опасность этого безрассудного обжорства, которое порождало реакцию инертности, столь же опасную, как и опьянение. Опасаясь неожиданности, поскольку был окружен врагами, он объявил ложную тревогу, и, схватив оружие, его люди, устыдившись своего излишества, возобновили поход. Оставшееся мясо, полузажаренное или совсем сырое, они прикрепили к своим бандольерам. "Самого вида этих людей, - говорит Эсквемелинг, - было достаточно, чтобы испугать самого смелого, ведь известно, что в любви, как и на войне, глаза быстрее всего покоряются". Морган, обеспокоенный тем, что до сих пор не получил пленника в качестве проводника, снова выслал авангард из пятидесяти человек, которые около вечера увидели вдали 500 испанцев, кричавших им неизвестно что.

Вскоре после этого, почти в сумерках, взобравшись на небольшую возвышенность, они увидели зрелище, превосходящее даже Южное море, - высочайшие шпили Панама, ярко

сверкающие в лучах заката; при виде этого, подобно немецким солдатам при виде Рейна, буканьеры трижды закричали, чтобы показать свою чрезвычайную радость, прыгая и крича, и подбрасывая в воздух свои шляпы, как будто они уже одержали победу. В то же время барабаны били бурно и гордо, и каждый стрелял из своего орудия, а красный флаг был выставлен и развевался вопреки испанцам, и над всем этим звучала труба.

Лагерь был разбит на ночь людьми, которые с нетерпением ждали утра, чтобы вступить в бой; с такой же гордостью и отвагой 200 конных испанцев кричали в ответ, проносясь на расстоянии мушкетного выстрела: "Завтра, завтра, вы, собаки, мы встретимся в саванне"; и когда они закончили, их труба звучала чище, чем даже труба Моргана. Вскоре к этим всадникам присоединились несколько рот пехоты и несколько эскадронов кавалерии, которые объехали их на пушечный выстрел. Эти войска были отправлены в путь, когда звуки приближения буканьеров достигли ворот города. До рассвета оставалось еще два часа, но Морган решил не вступать в бой до раннего утра, когда он сможет свободно передвигаться по незнакомой стране и когда для сражения будет целый ясный, светлый день. С наступлением ночи все испанцы отошли в город, за исключением семи или восьми солдат, которые держались в стороне, чтобы следить за передвижениями противника и подавать сигнал тревоги, если предполагалось ночное нападение. Со своей стороны Морган выставил двойных дозорных и время от времени приказывал бить ложные тревоги, чтобы держать своих людей в боевой готовности. Те, у кого осталось хоть немного мяса, ели его сырым, как это часто бывало во время охоты. Костров разжигать не разрешалось, и люди, лежа на траве с оружием в руках, с нетерпением ждали рассвета. К испанским разведчикам снова присоединились 120 кавалеров, которые пытались держать строгую блокаду, а город всю ночь обстреливал лагерь из своих самых больших орудий, но, находясь на таком большом расстоянии, не причинял буканьерам особого вреда.

На рассвете десятого дня похода испанцы забили в *Диану*, и Морган, ответив им сердечным приветствием, стал с большим рвением продвигаться к городу, а испанцы с опаской обходили его с флангов. Один из проводников предостерег Моргана от высокой дороги, которая, как он знал, быть заблокирована и переполнена засадами, и армия отклонилась в лес справа, где проход был настолько трудным, что никто, кроме буканьеров, не смог бы проложить себе путь, "очень неудобный", говорит Эскемелинг. Испанцы, совершенно обескураженные и ошеломленные этой диверсией, в спешке покинули свои батареи и, не имея никакого четкого плана атаки, толпой вышли на равнину. После двухчасового марша буканьеры достигли вершины небольшого холма. С этой возвышенности они теперь могли видеть свою цель: перед ними лежала Панама со всеми крышами, скрывающими ее сокровища. Внизу, на равнине, они также могли разглядеть испанскую армию, выстроившуюся в баталию и ожидающую их спуска. Даже Эскемелинг признает, что войска казались многочисленными. "Там было два эскадрона кавалерии, четыре пеших полка и еще более страшный враг - огромное количество диких быков, ревущих и разбрасывающих свои рога, ведомых огромным количеством индейцев, а также несколькими неграми и конными матадорами". Историк, более правдивый в своих признаниях, чем в хвастовстве, говорит: "Они были удивлены страхом, сильно сомневаясь в удаче этого дня; да, мало кто из них желал оказаться дома или, по крайней мере, освободиться от обязательств этого договора, который так почти касался их жизни. Некоторое время они колебались в своих мыслях, но в конце концов пришли к выводу, в какое затруднительное положение они себя поставили и что теперь они должны либо решительно сражаться, либо умереть, ибо от врага, по отношению к которому они совершили столько жестокостей, нельзя было ожидать отпора. Тогда они ободряли друг друга, решив победить или потратить последнюю каплю своей крови".

Разделившись на три батальона, они послали вперед 200 буканьеров, очень ловких в обращении с оружием, которые, спустившись с холма, пошли прямо на испанцев, и битва завязалась. Испанская кавалерия издавала радостные крики, как будто собиралась на бой быков. Пехота кричала "Viva el rey!", и разноцветные шелка их дублетов блестели на солнце. Буканьеры, прокричав три раза "ура", бросились на врага. Потерявший надежду Морган бросился на кавалерию и быков. Кавалерия галопом помчалась вперед, но из-за болотистой местности не могла продвигаться вперед с большой скоростью и тонула один за другим под непрекращающимся огнем 200 буканьеров, которые падали на одно колено и давали полный залп дробью, а пешие и конные тщетно пытались прорваться сквозь эту горячую линию огня и смерти. Быки оказались столь же смертоносными для тех, кто их использовал, как слоны для Поруса. Загнанные в тыл буканьерам, они испугались шума битвы, несколько штук прорвались сквозь английские роты и растоптали ногами красные цветы, но вскоре были застрелены старыми охотниками; несколько убежали в саванну, а остальные рванули назад и устроили хаос в рядах испанцев.

Перестрелка продолжалась два часа; к концу этого времени кавалерия и пехота разделились, а кавалеристы обратились в бегство, причем удалось спастись лишь примерно пятидесяти из их числа. Пехота, обескураженная поражением и отчаявшись в успехе, сделала еще один залп, а затем бросила свое оружие; победа была одержана. Морган, не имея кавалерии, не мог преследовать, и вскоре гора скрыла беглецов от глаз буканьеров, которые не стали преследовать их, решив, что бегство - это всего лишь приманка, чтобы заманить их в засаду. Уставшие и потерявшие сознание буканьеры прилегли отдохнуть. Несколько испанцев, спрятавшихся в кустах на берегу моря, были сразу же убиты, а несколько кордельеров из армии, которых притащили к Моргану, несмотря на все их крики и уговоры, были заколоты. Испанский капитан кавалерии был взят в плен английскими мушкетерами, которые до сих пор не давали ему покоя, и признался, что губернатор Панамы вывел в то утро 2000 человек, 200 быков, 1450 лошадей, двадцать четыре пешие роты по 100 человек в каждой, шестьдесят индейцев и несколько негров. В городе, по его словам, было много окопов и батарей, а у входа - форт с пятьюдесятью людьми и восемью медными пушками. Всех женщин и богатство отправили в Тавогу, а 600 человек с двадцатью восемью пушками находились внутри города, защищенного валами из мешков с мукой. Засада пятнадцать дней простояла в саванне, ожидая Моргана.

При осмотре своих людей англичане обнаружили гораздо большее количество убитых и раненых, чем ожидали, признается Эсквемелинг, но не называет их число. Эскемелин считает, что потери составили всего два убитых и два раненых - невероятное заявление, хотя он обычно заслуживает доверия. Испанцы потеряли 600 человек.

"Пираты, ничуть не унывая, - говорит бывший историк, - видя, что их число так уменьшилось, а скорее преисполнившись гордости, понимая, какое огромное преимущество они получили против своих врагов, отдохнув некоторое время, приготовились смело идти к городу, поклявшись друг другу, что будут сражаться до тех пор, пока ни один человек не останется в живых. С таким мужеством они возобновили свой поход, чтобы либо завоевать, либо быть завоеванными, взяв с собой всех пленных".

Они избегали большой дороги из Вера-Круса, на которой испанцы разместили батарею из восьми пушек, и, выбрав дорогу из Порто-Бельо, продвигались к городу, пока люди не успели собраться, и пока преувеличенные слухи о поражении еще не были опровергнуты. Дрожащие беглецы заполнили улицы, и ужас был на каждом лице.

Испанцы сражались отчаянно, но без надежды. Несмотря на старания Моргана поддерживать строгую дисциплину, его люди стали недооценивать противника, наступать отрывисто и безрассудно. Испанцы, заметив это, открыли огонь на поражение, убив с первого выстрела двадцать пять или тридцать человек из авангарда и ранив почти столько же, но прежде чем они смогли перезарядиться, их одолели и убили у пушек, а буканьеры закололи всех, кого встретили.

Об этой атаке Эсквемелинг дает следующий наглядный, но бессвязный рассказ: "Они столкнулись с большими трудностями при подходе к городу, так как внутри города испанцы установили в нескольких кварталах множество больших пушек, одни из которых были заряжены мелкими железными осколками, а другие - мушкетными пулями. С помощью всех этих они салютовали пиратам при их приближении и давали им полные и частые залпы, непрерывно стреляя по ним, так что неизбежно на каждом шагу они перестреляли огромное количество людей. Но ни эта явная опасность для жизни, ни вид стольких павших, постоянно падавших на них, не могли удержать их от продвижения вперед и ежеминутного наступления на врага; и хотя испанцы не переставали стрелять и делать все возможное для своей защиты, они все же были вынуждены сдаться после трехчасового боя, и пираты, овладев собой, убивали и уничтожали всех, кто пытался хоть как-то противостоять им".

Теперь Морган был хозяином Панама, как и Сент-Кэтринса, Ла-Раншерии, Маракайбо и Гибралтара, но его бдительность еще не ослабла. Как только первый приступ ярости прошел, он собрал своих людей и приказал им под страхом наказания не пить и не пробовать никакого вина, так как пленник сообщил ему, что оно отравлено испанцами. Хотя многие богатства были спрятаны, огромные склады с товарами, с радостью обнаружили они, все еще были хорошо укомплектованы шелками, тканями и бельем. Морган опасался лишь того, что с таким малым числом людей, как у него, испанцы могут сплотиться, или его люди, опьяненные успехом и нацеленные на грабеж, будут перебиты без сопротивления. Расставив стражу на всех важных пунктах обороны внутри и снаружи города, он приказал двадцати пяти людям захватить лодку с товарами, которая из-за низкой воды в гавани не могла выйти в море. Командование этим судном он передал английскому капитану.

Дома в Панаме построены в основном из кедра, и лишь некоторые из камня.

К счастью, Майкл Скотт зарисовал для нас почти весь пейзаж похода Моргана. По его словам, одна сторона гавани Чагрес образована небольшим мысом, который вдается в море на 500 ярдов. Эта маленькая светлая бухта смотрит на противоположный берег, длинный и илистый, покрытый мангровыми зарослями до самой воды. На самом краю отвесной скалы возвышается узкий холм, на вершине которого возведен форт. С трех сторон скала обрывиста. Река Чагрес имеет около 100 ярдов в поперечнике и очень глубока. Она вяло течет по низкой, болотистой местности. До самой воды она покрыта густой осокой и подлеском, и там, где вода застаивается, заводятся москиты и лихорадки. Гигантские деревья растут близко к воде и переплетаются между собой черными, похожими на змей плетями. То тут, то там у берега откочевывают черные, склизкие грязевые отмели, на которых, как на бревнах гниющей коряги, валяются или спят чудовищные аллигаторы. На протяжении нескольких миль ниже Круса, где река перестает быть судоходной для каноэ, весла откладываются, а длинные шесты используются для того, чтобы переправлять лодки, как колотушки, через отмели. Панама находится на расстоянии около семи лиг от Круса. Дороги здесь проходимы только для мулов: в некоторых местах они вырублены в скале и идут зигзагами по склонам холмов, в некоторых местах едва ли можно пройти двум встречным.

"Пейзажи с каждой стороны очень красивы, поскольку дорога в основном протекает среди крутых склонов, заслоненных великолепными деревьями, среди которых постоянно мелькают птицы всех размеров, и с самым великолепным оперением, а над головой то тут, то там сидят, ухмыляясь и стрекоча, обезьяны. Небольшие открытые саванны постепенно становятся больше, а чистые пространства расширяются, пока лес, под которым вы путешествовали, не распадается на красивые купы деревьев, как в джентльменском парке, и повсюду видны чистые участки воды, раскинувшиеся полные пруды черепах и короткая трава, сверкающая в росе".

По мере приближения к городу открытые пространства становятся все более частыми, пока, наконец, вы не выберетесь на возвышенность примерно в трех милях от Панама, откуда открывается чарующий вид. Внизу лежит город, а за ним - широкая гладь Тихого океана, усеянная кораблями.

Бэзил Холл, точный, но менее поэтичный наблюдатель, зарисовывает Панамский залив, его пляж, окаймленный плантациями, затененными рощами апельсинов, инжира и лаймов, тамарины превосходят все, кроме пернатых верхушек деревьев какао-ореха; земля скрыта листвой, среди которой виднеются построенные из тростника хижины и вытасканные на берег каноэ. Такого он описывает как клубок деревьев и цветов. "Дома города, очень любопытные и великолепные, - говорит Эскеминг, - и богато украшены картинами и висюльками, из которых снята только часть". Все здания были величественными, а улицы широкими и хорошо обустроенными. В стенах города находилось восемь монастырей, собор и госпиталь, в котором проживали религиозные служители. Церкви и монастыри были богато украшены картинами, и в последующем пожаре, возможно, погибли некоторые из шедевров Тициана, Мурильо или Веласкеса. Золотые пластины и фурнитура этих зданий священники спрятали. Число богатых домов исчислялось 2000, а мелких лавок и т. д. - еще 5000. Самыми грандиозными зданиями в городе были генуэзские склады, связанные с работоторговлей; здесь же располагались длинные ряды конюшен, где содержались лошади и мулы, использовавшиеся для перевозки королевских тарелок с юга на север Тихого океана. Перед городом, как подношения перед троном, лежали богатые плантации и приятные сады.

Панама была городом, в который ежегодно привозили все сокровища Перу. Тарелочный флот, груженный слитками золота и серебра, прибывал сюда в определенные периоды, переполненный богатствами короны, а также частных купцов. Он возвращался с товарами из Панама и испанского материка, чтобы продать их в Перу и Чили, и еще чаще с толпами негров-рабов, которых генуэзцы привозили с побережья Гвинеи, чтобы те трудились и умирали на перуанских рудниках. Этот золотой город был настолько богат, что для перевозки золота и серебра из него в Порто-Бельо, где загружались галеоны, использовалось более 2 000 мулов. Купцы Панама, по преданию, были самыми богатыми во всей испанской Вест-Индии. Губернатор Панама был сюзереном Порто-Бельо, Наты, Круса, Верагуа и т. д., а епископ Панама - примасом Терра Фирмы и суфраганом архиепископа Перу. Район Панама был самым плодородным и здоровым из всех испанских колоний, богатым рудниками и настолько хорошо покрытым лесом, что его корабельная древесина заполняла суда как северных, так и южных морей; его земля давала обильные урожаи, а широкие саванны пасли бесчисленные стада дикого скота.

Добыча в полуразрушенном городе превзошла все их ожидания, несмотря на то, что все было разрушено, зарыто или вывезено. Склады были еще полны богатств, которые купцы за месяц тревоги не успели перевезти на свои перегруженные суда. Некоторые помещения

были завалены кукурузой, другие - железом, инструментами, лемехами и т. д. для Перу. Во многих был найден "металл попривлекательнее" в виде вина, оливкового масла и пряностей, а шелка, сукна и льна лежали вокруг дорогими грудками.

Морган, все еще опасаясь неожиданности, прибег к безрассудному плану, чтобы отвести опасность. В ту же ночь, когда он вошел в Панаму, он поджег несколько главных зданий, и к утру большая часть города была охвачена пламенем, хотя первый пожар был обнаружен в предместьях. Никто не знал его мотивов, и мало кто верил, что это сделал не враг. Он старательно распространял среди пленных и своих людей информацию о том, что испанцы сами были виновниками пожара. Горожане и даже англичане пытались погасить пламя, взрывая порохом одни дома и снося другие, но, будучи деревянными, огонь быстро распространялся с крыши на крышу. Менее чем за полчаса была уничтожена целая улица. Генуэзские склады и многие рабы были сожжены, и только одна церковь осталась стоять; 200 зданий магазинов были разрушены. Похоже, что СЕхmelin оплакивает в основном рабов и товары и почти не сожалеет о величественном городе. Развалины продолжали дымиться и тлеть в течение месяца, и на рассвете следующего после их прибытия утра от великого города, который они недавно видели прекрасным в лучах заката, осталось лишь дом президента, где поселились Морган и его подчиненные, небольшая кучка домиков мукомолов и два монастыря - Святого Иосифа и Братьев Искупителей. Опасаясь неожиданности, искатели приключений расположились лагерем за стенами в поле, желая избежать неразберихи и чтобы держаться вместе в случае нападения превосходящих сил. Раненых положили в единственную церковь, уцелевшую от огня.

На следующий день Морган отправил 160 человек в Чагрес, чтобы сообщить о своей победе и убедиться, что его гарнизон ни в чем не нуждается. Они встретили целые отряды испанцев, бегущих туда-сюда по саванне, но, несмотря на их ожидания, так и не собрались. Во второй половине дня буканьеры снова вошли в город и выбрали дома из тех немногих, что остались, чтобы расположиться в них. Затем они притащили все пушки, которые смогли найти, и расположили их вокруг церкви Отцов Троицы, которую укрепили. В ней они разместили в отдельных местах раненых и пленных. Вечер они провели, обыскивая руины в поисках золота, переплавленного или спрятанного, и нашли много трофеев, особенно в колодцах и цистернах.

Через несколько часов после этого корабли Моргана вернулись с тремя призами, нагруженными пластинами и другой добычей, взятой в Южном море. В день отплытия, прибыв к одному из небольших островов-убежищ близ Панамы, они захватили шлюп с командой из семи человек, принадлежавший королевскому испанскому судну в 400 тонн, нагруженному церковной утварью и драгоценностями, вывезенными самыми богатыми купцами Панамы; на борту также находились все верующие женщины женского монастыря с ценными украшениями их церкви, и он был так глубоко нагружен, что не требовал балласта. На корабле было всего семь пушек и дюжина мушкетов, парусов было не больше, чем "верхняя часть мизена", не хватало боеприпасов и продовольствия, и даже воды. Буканьеры получили эти сведения от индейцев, которые разговаривали с моряками галеона, когда те приплыли на лодке за водой. Если бы они пустились в погоню, то могли бы без труда захватить его, но капитан Кларк упустил золотую возможность. Полагая, что он уверен в своем призе, поскольку ему достался шлюп, его люди провели ночь, распивая богатые вина, которые они нашли на шлюпе, и упиваясь объятиями своих испанских любовниц, еще более прекрасных от их слез и отчаяния. Во время этих распутств галеон проскользнул мимо, и больше его не было видно, так они потеряли приз, более ценный, чем все сокровища, найденные в Панаме. Утром, устав от веселья, они собрали все паруса и отправили хорошо

вооруженную лодку в погоню за калекой, убедившись, что испанский корабль плохо ходит и не способен оказать сопротивление. На островах Тавога и Тавогилла они захватили несколько лодок, груженных товарами. Получив от пленника информацию о вероятной стоянке галеона, Морган, разгневанный его побегом, отправил в погоню за ним все суда в Панаме, приказав им искать, пока не найдут. Они восемь дней крейсировали из порта в бухту. Вернувшись к островам, они обнаружили здесь большой корабль, недавно пришедший из Пайты, нагруженный тканями, мылом, сахаром, бисквитом и 20 000 штук восьмерок; неподалеку находилось еще одно небольшое судно, также нагруженное разделенным товаром. С этими яркими впечатлениями от богатства лодки вернулись в Панаму, несколько утешившись потерей своего большого приза. Корабли буканьеров стали вызывать удивление испанцев, ведь они были первыми англичанами со времен Дрейка, которые появились в качестве врагов в этих морях.

Во время этой экспедиции Морган использовал остальных своих людей для того, чтобы прочесывать страну ежедневными компаниями по 200 человек, одна партия сменяла другую и постоянно приводила стада бледных и истекающих кровью пленников или мулов, нагруженных сокровищами. Одни пытали пленников, другие исследовали рудники, а остальные сжигали сверкающие груды золотых и серебряных вещей, просто чтобы получить металл, ожидая, что им придется с боем возвращаться на свои корабли в Чагесе, и не желая обременять себя громоздкими связками в этом утомительном и опасном походе. Морган, много жаловавшийся на бесплодные труды своих фуражиров, в конце концов поставил себя во главе 350 человек и отправился в страну, чтобы пытать всех богатых испанцев, которых он мог встретить.

Следующий анекдот представляет нам настолько полную картину деморализации паники, что напоминает описание Фукидидом Афин во время чумы или Боккаччо о Флоренции во время разгула моровой язвы. Однажды люди Моргана встретили бедного испанца, который во время всеобщего смятения забрел в дом одного богача и переоделся в костюм знатного купца. Он только что снял с себя лохмотья и, предварительно побаловавшись сменой дорогого голландского белья, надел бриджи из тонкой красной тафты и, подобрав серебряный ключ от какого-то сундука, привязал его к одному из своих очков. Эсквемелинг представил этого человека как бедного хозяина дома. Он еще по-детски удивлялся своему неожиданному убранству, когда в дом ворвались буканьеры и схватили его в качестве приза. Обнаружив его богато одетым и в прекрасном доме, они сразу же поверили, что он хозяин. Его рассказ они расценили как хитроумную выдумку. Напрасно он указывал на сброшенные с себя черные лохмотья, напрасно уверял всех святых, что живет на милостыню, а забрел в дом и надел одежду по чистой случайности и без всякого мотива, кроме воровства. Увидев у него на поясе маленький ключик, они убедились, что он лжет, и спросили, где он спрятал свой шкаф. Сначала они смеялись над его хитроумной историей, а теперь пришли в ярость от его отрицания богатства. Они растянули его на дыбе и вывихнули ему руки, они закрутили веревку вокруг его морщинистого лба, "пока его глаза не стали большими, как яйца, и готовы были выпасть", и поскольку он все еще отказывался отвечать, они повесили его и нагрузили его полосами. Затем они отрезали ему нос и уши, посыпали лицо горячей соломой, пока он не смог даже стонать или кричать, и наконец, отчаявшись добиться признания, отдали его сопровождавшей их группе негров, чтобы те забили его до смерти своими копьями. "Подобные жестокости - обычная забава и развлечение пиратов, - говорит Эсквемелинг.

Они не щадили ни пола, ни возраста, ни состояния; священник или монахиня, крестьянин или дворянин, старик, дева и ребенок - все они лежали на одном и том же ложе пыток. Они не давали покоя никому, кто не мог заплатить выкуп или не хотел платить его быстро. Самые

красивые из пленниц становились их любовницами, а с добродетельными обращались сурово и жестоко. Капитан Морган сам соблазнял самых красивых, чередуя подарки и угрозы. Находились женщины достаточно низкие, чтобы оставить свою религию и дом и стать блудницами пирата и убийцы. Но любовь нашла путь к его железному сердцу и овладела разумом человека, которого ничто не могло смягчить.

После десяти дней, проведенных в стране за стенами, Морган вернулся в Панаму и обнаружил там только что прибывший корабль с испанскими пленниками. Среди них была женщина изысканной красоты, жена испанского купца, в то время отсутствовавшего по делам в Перу. Он оставил ее на попечение родственников, с которыми она и попала в плен. Эсквемелинг говорит: "Ее годы были невелики, а красота столь велика, что, пожалуй, я сомневаюсь, можно ли во всем христианстве найти человека, который превзошел бы ее совершенствами, как в красоте, так и в честности". Более искусный наблюдатель, который видел ее, будучи участником экспедиции, описывает ее чернильно-черные волосы и ослепительно чистый цвет лица. Ее глаза были пронзительными, а испанская гордость, обычно столь холодная и отталкивающая, служила в ней лишь фолом для ее непревзойденной красоты и вызывала уважение. Самые грубые моряки и самые грубые охотники становились красноречивыми, когда восхваляли ее. Простые люди охотно схватились бы за мечи ради такой награды. Но их командир уже был рабом той, кого он захватил. Поведение его изменилось: он перестал быть жестоким и грубым, стал общительным и более внимательным к богатству своего наряда, ведь влюбленные становятся либо более беспечными, либо более внимательными к своему одеянию.

Взгляд буканьера изменился. Он отделил даму от других пленниц и отнесся к ней с заметным уважением. Пожилая негритянка, которая присматривала за ней, служила одновременно и прислугой, и шпионом. Ей велели заверить хозяйку, что буканьеры - джентльмены, а не воры, и люди, знающие толк в вежливости и галантности не хуже других. Дама плакала и умоляла поместить ее к другим пленникам, так как слышала, что ее родственники опасаются заговора против ее доброй славы.

Ей, как и другим испанским женщинам, священники и мужья говорили, что буканьеры похожи на зверей, а не на людей. Более умные говорили, что это разбойники, убийцы и еретики; люди, которые клянутся Святой Троицей и не верят в Иисуса Христа. *"Клятвы Моргана"*, - говорит Эсквемелинг с достойной похвалы серьезностью, - *вскоре убедили ее в том, что он слышал о Боге*". Рассказывали, что одна панамская женщина, давно мечтавшая увидеть пирата, при первом же въезде в город воскликнула: "Иисус Мария, разбойники все-таки люди, как и испанцы!" А некоторые добровольцы, выходя навстречу армии Моргана, обещали принести домой пиратскую голову в качестве диковинки.

Морган, отказавшись вернуть красавицу друзьям, отнесся к ней с еще более лестным вниманием, чем прежде. В ее распоряжении были гобелены, мантии, драгоценности и духи. Такая доброта, в конце концов, была дешевой щедростью, и часть этих сокровищ могла даже принадлежать ее мужу. В своей невинности она стала лучше думать о буканьерах. Может быть, они и были ворами, но, как она убедилась, не атеистами и не очень жестокими, ведь капитан Морган присылал ей блюда со своего собственного стола. Поначалу она принимала его визиты с благодарностью и удовольствием, удивляясь грубой, откровенной доброте моряка, и громко обличала его клеветников, которые так жестоко пытались отравить ее разум против него, ее опекуна и защитника. Силки были хорошо расставлены, и птица уже порхала в них. Но Небеса хранили ее, и она прошла через печь невредимой. Вскоре Морган

сбросил с себя маскировку и предложил ей все сокровища Индии, если она станет его любовницей. Она отказалась от золотых и жемчужных подарков и сопротивлялась всем его ухищрениям. Тщетно он пробовал попеременно то доброту, то суровость. Он угрожал ей тысячью жестокостей, а она отвечала, что жизнь ее в его руках, но тело ее должно оставаться чистым, хотя душа от него оторвана. Когда он приблизился и пригрозил насилием, она достала пиньяр и зарубила бы его или себя, если бы он не оставил ее невредимой. Разгневанный ее гордостью, как он ошибочно называл ее добродетель, решил сломить ее дух страданиями. С нее сняли самые богатые одежды и бросили в темный подвал, где было мало еды, достаточной для поддержания жизни, а вождь потребовал 30 000 пиастров в качестве выкупа, чтобы ее не продали в рабство на Ямайку. В этих тяжких условиях леди, как вторая Уна, ежедневно молила Бога о постоянстве и терпении. Морган, убедившись в ее чистоте и опасаясь, что его люди, которые уже начали открыто выражать свое сочувствие ее страданиям, отчитаются за его жестокость, обвинил ее перед своим советом в том, что она злоупотребила его добротой, переписываясь с испанцами, и заявил, что перехватил письмо, написанное ее собственной рукой. "Я сам, - говорит Эсквемелинг, - был очевидцем страданий этой дамы и никогда бы не подумал, что в мире можно найти такое постоянство и целомудрие, если бы мои собственные глаза и уши не уверили меня в этом". Среди крови, пыли и дыма добродетель этой несравненной леди сияла, как бледная вечерняя звезда, видная над всем мутным багрянцем осеннего заката.

Теперь Моргану грозила новая опасность: моряки начали роптать, говоря, что любовь к этой прекрасной испанке заставила их задержаться в Панаме и дала испанцам время собрать силы и застать их врасплох по возвращении. Но Морган, пробыв здесь три недели и не оставив больше ничего для грабежа, отдал приказ собрать достаточное количество мулов, чтобы доставить добычу в Круз, где ее можно было бы переправить в Чагрес и таким образом отправить на родину.

Нет сомнений, что различные причины в течение некоторого времени подрывали давнюю привязанность между Морганом и его людьми. Он показал себя рабом страстей, сковавших их разум, а богатство, возможно, сделало их независимыми, а значит, мятежными. Именно во время сбора мулов он узнал о том, что шахта, на которой он стоял, была загружена. Был раскрыт заговор, в котором участвовало 100 заговорщиков. Они решили захватить два судна, захваченных в Южном море, и с их помощью овладеть островом, который они могли бы укрепить в качестве опорного пункта. Затем они оснастят первое попавшееся большое испанское судно, с хорошим лоцманом и смелым капитаном начнут каперство за свой счет и вернутся домой Магеллановыми проливами. Поскольку добыча еще не была поделена, вполне вероятно, что все эти люди нарушили клятву буканьера и утаили часть награбленного. Они уже спрятали в укромных местах пушки, мушкеты, провизию и боеприпасы. Они уже собирались поднять якорь, когда один из них выдал их замысел, и Морган тут же приказал разобрать судно и сжечь такелаж. Он приказал уничтожить и другие суда, но пощадил их благодаря заступничеству друга, которого назначил их капитаном. С этого момента между Морганом и его людьми, похоже, исчезло всякое доверие. Многие короли становились тиранами после раскрытия заговора. Люди боялись его мести, и он их вероломства. С этого часа он, похоже, решил обогатить себя и своих ближайших друзей любым путем, оставив французов на произвол судьбы. Не исключено, что к этой ссоре имела отношение старая вражда Франции и Англии. Во время войны она прекратилась, но в мирное время разгорелась с новой силой. Французы, похоже, были его главными врагами, а англичане - дружелюбными или равнодушными. Это различие заметно даже у историков: Эсквемелинг отзывается о нем с простым недоверием, а Exmelin - с лютой ненавистью.

Через несколько дней мулы были готовы, а золото упаковано в удобные тюки, ибо испанское или английское золото было для мулов все едино. Дорогую церковную утварь разбивали на тяжелые бесформенные куски, а более тяжелое имущество оставляли или уничтожали. Лучше сжечь их, думали они, чем оставить проклятому испанцу, ведь мы всегда ненавидим тех, кого обидели. Артиллерия города была тщательно зашпиlena, и все были готовы к отплытию, Морган сообщил своим пленникам, что собирается в поход, и что должен забрать с собой всех, кто не может или не хочет сразу принести выкуп. Зрелище было душераздирающим, а паника - всеобщей. При его словах, говорит историк, никто не дрогнул, никто не поспешил написать отцу, брату или друзьям, моля о немедленном освобождении, иначе будет слишком поздно. За рабов также назначили цену, а для сбора денег отправили заложников. Пока все это происходило, в Чагрес был отправлен отряд из 150 человек, чтобы привести лодки и следить за засадами, поскольку поступило сообщение, что дон Хуан Перес де Гусман, беглый президент Панама, прочно укрепился в Крусе и намерен оспаривать проход. Некоторые пленные признались, что президент действительно намеревался это сделать, но не смог найти ни одного солдата, готового сражаться, хотя посылал за людьми вплоть до Карфагены; разрозненные отряды бежали при виде даже своих друзей вдали.

Прождав четыре дня в ожидании выкупа, Морган наконец отправился в обратный путь 24 февраля 1671 года. Он взял с собой большое количество багажа, 175 бременных животных, нагруженных золотом, серебром и драгоценностями, и около 600 пленных, мужчин, женщин, детей и рабов, предварительно заложив шипами все пушки и сжег оружейные повозки. Он шел в хорошем порядке, опасаясь нападения, с фургоном и арьергардом, а пленные охранялись между двумя дивизиями.

Отплытие было впечатляющим зрелищем, что признают даже два историка, которые сами были буканьерами и очевидцами. Причитания, плач, крики и тоскливые вздохи женщин и детей наполняли воздух. Мужчины тихо плакали или бормотали угрозы между зубами, чтобы избежать ударов своих немилосердных погонщиков. Жажда и голод усугубляли их страдания. Многие женщины бросились на колени к ногам Моргана и умоляли его разрешить им вернуться в Панаму, чтобы жить там с мужьями и детьми в хижинах, пока город не будет отстроен. Но он яростно ответил, что приехал туда не слушать причитания, а искать деньги, и если их не найдет, где бы они ни были спрятаны, то они непременно должны последовать за ним на Ямайку. Теперь на поверхность вышли все эгоизм и вся доброта каждой натуры. Эгоисты впали в бесчувственное и замкнутое отчаяние, а добрые забыли о своих собственных страданиях, пытаясь облегчить страдания других.

Одни молча и безнадежно смотрели друг на друга; другие плакали и рыдали, некоторые проклинали и бушевали. Один оплакивал брата, другой - жену. Многие верили, что больше никогда не увидят друг друга, а будут проданы в рабство на Ямайке. В первый вечер армия разбила лагерь посреди зеленой саванны на берегу прохладной и приятной реки. Это было большим облегчением для несчастных пленников, которых весь день тащили по жаре южноамериканского полудня сами нечувствительные к климату люди, подгоняемые стволами мушкетов и ударами прикладов пик. Некоторые женщины со слезами на глазах умоляли буканьеров дать им хоть каплю воды, чтобы они могли смочить немного муки для своих детей, которые плакали у их иссохших грудей. На следующий день, когда они возобновили поход, вопли и причитания были еще ужаснее, чем прежде. "Они вызвали бы сострадание в самом жестоком сердце", - говорит Эсквемелинг, - "но капитан Морган, как человек, мало склонный к милосердию, не был ничуть тронут". Отстающих испанцев подгоняли ударами, пока некоторые женщины не падали в обморок от сильного жара и не

оставались лежать на обочине дороги как мертвые. Те, у кого были мужья, отдали им детей, чтобы те несли их. Молодым и красивым досталось больше всего. Прекрасную испанку вели между двумя буканьерами, по-прежнему отдельно от остальных. Она плакала, рассказывая, что доверила двум священникам, на которых полагалась, достать из потайного места деньги на выкуп, 30 000 пиастров, и они использовали их для выкупа своих друзей. Раб принес госпоже письмо и рассказал о предательстве. Ее жалоба была передана Моргану, он расследовал ее и выяснил, что это правда. Религиозные люди признались своим преступлении, но заявили, что лишь одолжили деньги, намереваясь вернуть их через неделю или около того. Поэтому он сразу же отпустил даму, а монахов задержал вместо нее, доставив их в Чагрес и отправив двух человек за выкупом.

По прибытии в Круз мулов разгрузили, готовясь к высадке. Буканьеры расположились лагерем вокруг королевского склада, где хранился груз. На сбор выкупа было отведено три дня. Испанцы, медлившие или не желавшие собирать деньги, принесли их на следующий день. Здесь же было собрано огромное количество кукурузы, риса и маиса для снабжения кораблей. Морган взял на борт 150 рабов, а также несколько бедных и упрямых испанцев, которые еще не заплатили выкуп. Монахи были выкуплены и счастливо сбежали. Часть буканьеров отправилась в поход по суше. Много слез радости и печали было пролито при прощании с пленниками и освобожденными.

По достижении Барбакоа начался раздел добычи. Собрав своих людей, Морган заставил их поклясться, что они не утаили ничего, даже самых незначительных ценностей, и, что было еще более необычно, приказал обыскать их всех с ног до головы, вплоть до подошв обуви. Этот обыск был подозрительным и оскорбительным. Французы, горячие и мятежные, открыто сопротивлялись бы, если бы не были в меньшинстве. Морган позволил обыскать себя первым, чтобы уменьшить всеобщее недовольство, и по одному человеку в каждой роте было назначено в качестве обыскивающего. Не было пренебрежено ни одной меры предосторожности, которую мог бы подсказать долгий опыт грабежей.

Эта необычная бдительность была лишь прикрытием для бесчестности самого Моргана. Теперь каждый мужчина был вынужден разрядить свой мушкет перед обыскивающими, чтобы они могли убедиться, что в стволе не спрятаны драгоценные камни. Этими досмотрщиками, как правило, были лейтенанты каждого экипажа, и все они давали дополнительную клятву верно исполнять свой долг. Ропот против Моргана достиг такой высоты и с каждым часом усиливался, что многие французы угрожали лишить его жизни еще до того, как они достигнут Ямайки. Более умеренные контролировали более молодых и порывистых, и группа достигла Чагреса без всякого бунта. Они обнаружили, что гарнизону не хватает провизии, и были рады получить облегчение, но раненые почти все умерли от ран.

Из Чагреса Морган отправил в Порто-Белло большое судно со всеми пленниками Святой Екатерины и потребовал выкуп за спасение замка Чагрес. Жители Порто-Белло ответили, что не дадут ни фаринга, и он может сжечь его по своему усмотрению.

На следующий день после их прибытия Морган разделил добычу. Она составила всего 443 000 фунтов стерлингов по цене десять пиастров за фунт. Драгоценности были проданы нечестно: адмирал и его приближенные купили большую часть очень дешево, считая, что все лучшее из добычи уже осталось у них. Каждый ожидал получить не менее 1000 штук, и был разочарован и возмущен, получив лишь около 200. Теперь всякому сотрудничеству между английскими и французскими авантюристами был положен конец, а надеждам на республику Буканьеров был положен конец навсегда. Ропот снова поднялся неудержимо, и некоторые предложили схватить Моргана и принудить его к честному разделу.

Подозрительный адмирал, тщетно пытаясь утихомирить их и обнаружив, что не может получить цену за Чагрес, разделил провизию форта между судами, вывез пушки и боеприпасы, затем разрушил укрепления и сжег здания. Внезапно встревожившись или, скорее всего, следуя заранее обдуманному плану, Морган вышел из гавани без всякого сигнала или уведомления и поспешил на Ямайку, за ним последовали четыре английских судна, капитаны которых были его доверенными лицами.

В первом пароксизме своей ярости французские авантюристы преследовали Моргана и напали на его судно, но он сбежал, пока они еще колебались. В конце концов он поселился на Ямайке и женился на дочери главного человека острова, что, по словам возмущенного и философски настроенного СЕхmelin, служит верным доказательством того, что любой человек уважаем в этом мире, если у него есть деньги.

Тот же писатель дает живое представление о ярости экипажа в связи с вероломным бегством Моргана. Они кричали, клялись, ругались, сжимали кулаки, скрежетали зубами и рвали на себе волосы, палили из пистолетов в воздух и размахивали оружием, произнося громкие и глубокие проклятия. Они жаждали вернуть утраченную добычу и еще сильнее жаждали отомстить. Теперь они никогда не упоминали имя валлийцев иначе как с презрением. Странная аномалия человеческого разума - люди, живущие грабежом, должны удивляться мелкой краже, совершенной товарищем! В первом приступе досады они выхватили свои сабли и стали колоть и колоть своего воображаемого врага. Они обнажали оружие и показывали друг другу на полузажившие раны.

Подтверждения вероломства адмирала сыпались на них со всех сторон.

Они помнили, что в последнее время Морган был необычайно сдержан и необщителен, замкнувшись в кругу нескольких английских доверенных лиц, с которыми его видели шепчущимся даже во время публичных конференций. Как теперь выяснилось, он молчал во время всех обсуждений, и особенно когда речь заходила о добыче.

Хирург Иксмелин также упоминает, что однажды, когда он навещал раненого буканьера, Морган подошел к гамаку и сказал по-английски, думая, что его не подслушают: "Мужайся, поправляйся скорее, ты помог мне победить, и ты должен помочь мне извлечь пользу из этого завоевания". В другой день, когда СЕхmelin искал у реки лечебную траву, он внезапно обернулся и увидел Моргана, который что-то прятал в углу каноэ и часто оглядывался через плечо, чтобы убедиться, что его заметили. Когда он заметил СЕхmelin, то выглядел обеспокоенным и, подойдя, спросил его, что он там делает, на что хирург ничего не ответил, но, опустившись, сорвал растение, которое искал, и стал рассказывать о его свойствах. Морган свернул с темы, начав беседовать на безразличные темы, и, хотя был гордым человеком, настоял на том, чтобы проводить его домой. После этого СЕхmelin постарался найти возможность порыться в каноэ, но ничего не нашел; однако он всегда замечал, что Морган очень заботился об этом каноэ и никогда не позволял грести вне его поля зрения. Но эти истории никто не осмеливался рассказывать, так как со времени Панамской победы адмирал, всегда гордый, чувственный и жестокий, с каждым днем становился все суровее и внушал страх своей суровостью.

Авантюристы долго искали способ отомстить Моргану за его успешное вероломство. Наконец они узнали, что он решил завладеть островом Святой Екатерины, опасаясь губернатора Ямайки. В этом месте он решил укрепиться, возобновить свое буканьерство и бросить вызов как открытым врагам, так и вероломным друзьям. Буканьеры договорились подстеречь его во время плавания и увезти с женой, детьми и награбленными сокровищами. Затем они планировали либо убить его, либо заставить дать отчет о панамских трофеях. Но

неожиданная случайность спасла Моргана и разрушила их план мести. В самый кризисный момент в Порт-Ройал прибыл новый губернатор, лорд Г. Воган, и привез королевский приказ об отправке Моргана в Англию для ответа на жалобы короля Испании и его подданных. О суде над ним ничего не слышно, но вскоре после этого Карл II посвятил преступника в рыцари и назначил комиссаром Адмиралтейства на Ямайке. Король, который резвился с Рочестером и улыбался дерзкому злодейству Блада, не побрезговал опозорить рыцарство таким добавлением.

Осенью 1680 года граф Карлайл, бывший в то время губернатором Ямайки, обнаружив, что его конституция подорвана климатом, вернулся в Англию, оставив Моргана своим заместителем.

Теперь ему представилась возможность отомстить, и он вспомнил о своих старых опасностях, связанных с разорениями и убийствами. Многие из буканьеров были повешены по его приказу, а некоторые из них были переданы губернатору Карфагена. Прибывший новый губернатор положил конец его жестокости и правосудию, вызванному личной ненавистью. Он все еще оставался комиссаром. В следующее царствование его бросили в тюрьму, где он пробыл три года. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

ГЛАВА III. СПОДВИЖНИКИ И ПРЕЕМНИКИ МОРГАНА.

Рассеяние флота - беседа Иксмелина со старым буканьером - приключения с индейцами - побег Эсквемелинга - 1673 год. Бегство д'Ожерона от испанцев - 1676 год. Бой буканьеров на Тобаго с голландцами-1678. Капитан Кук захватывает испанское судно-1679. Капитаны Коксен и Шарп начинают свое плавание.

После отплытия Моргана буканьеры, оставшись без еды и лидеров, претерпели множество страданий и не знали, что делать.

Рабыня сообщила СЕхмелин и нескольким его французским друзьям, что поблизости живет старый буканьер, и они решили отправиться к нему и обменяться товарами, так как им сказали, что, хотя они и испанцы, таков его обычай. Следуя за рабом с большим нетерпением, они достигли форта ветерана примерно через шесть часов марша. Башни-"пилы" буканьеров были разбросаны по всей Вест-Индии, и Уотертон упоминает, что видел руины одной из них возле Демерары. Этот форт защищало озеро огромной глубины и массивные стены необычайной толщины, с каждого угла которых возвышался бастион, хорошо укрепленный пушками. Французы вывесили свои знамена и били в барабаны в знак приветствия, но никто не появлялся и никто не отвечал; но по истечении четверти часа они увидели свет на одном из бастионов и заметили человека, собиравшегося выстрелить из пушки. С профессиональной ловкостью они бросились на лица, и выстрел пролетел над их головами, после чего они поднялись и отступили за пределы досягаемости. Полагая, что их предали, так как многие опасности заставляли их быть подозрительными, они уже собирались разрубить своего проводника на куски, как вдруг, отбежав от них, она окликнула канонира: "Почему ваш хозяин лжет своему слову? Разве он не обещал принять этих джентльменов?" "Это правда, - ответил солдат, - но он передумал, и если вы и ваши люди не

уйдете, я вышибу вам мозги". Буканьеры, разгневанные дерзостью этой угрозы и капризной переменной намерений, уже собирались предпринять попытку штурма, когда четверо испанцев вышли вперед и потребовали перемирия от имени своего хозяина. "Мы были встревожены вашей численностью и опасались нечестной игры или предательства", - объяснили они. Теперь старый авантюрист был готов принять их, если они отправят четырех человек из своей группы в качестве послов и заложников. Одним из четверых был выбран СЕхmelin. Они нашли старика, седого и почтенного, сидящим между двумя другими. Он был так стар и немощен, что не мог говорить, но, когда они вошли, он улыбнулся, пошевелил губами и погладил свою длинную белую бороду, и они заметили, что он был рад снова увидеть хорошо запомнившуюся одежду моряков-буканьеров. Его величественная осанка впечатляла. Хотя он не мог подняться, чтобы поприветствовать их, он склонил голову в ответ на их приветствия и пригласил одного из своих сопровождающих говорить за него. По его приказу их сразу же отвели в его кладовые, где они выменяли свои товары и получили все, что им требовалось. Сначала они охотно выбрали бренди, и СЕхmelin не уставал повторять: "ses gens l'aiment avec passion". Когда они вместе с проводником возвращались к кораблям, обрадованные успехом, испанцы, которые несли купленные товары, рассказали им историю своего хозяина. Оказалось, что он не был ни авантюристом, ни кастильцем, а португальцем, который долго жил и с авантюристами, и с испанцами. Испанское судно подобрало его в дрейфующем каноэ, когда он был еще совсем мальчишкой, и он был нанят среди рабов на плантации какао, где вскоре стал успешным управляющим и очень любим своим хозяином. Его покровитель каждый год отправлял на плантацию судно, чтобы загрузить его какао. Однажды, когда стюард находился на борту и наблюдал за погрузкой, налетел внезапный шквал, оборвал трос и унес их в море. Будучи хорошим лоцманом и привыкшим к навигации, он попытался вернуться на сушу, как только шторм утихнет, но рабы в один голос заявили, что не вернутся и что он не должен их брать, так как знают, что их хозяин узнает и жестоко накажет их. В те времена малейший проступок раба карался смертью. Управляющий стал их уговаривать, но рабы решили быть свободными, хотя и не знали, куда плыть. В этот момент барк преследовало судно буканьеров, и шторм на некоторое время освободил их, но в конце концов они были настигнуты и захвачены.

Капитан буканьеров доставил пленников в крепость, которую они только что посетили. Здесь он снова стал верным управляющим, а после смерти своего хозяина унаследовал это место и продолжил торговлю с буканьерами, как и его предшественник. Крепость изначально была построена для отпора испанцам, которых несколько раз отбивали с потерями.

Очень редко удастся проследить за буканьером до последней сцены: он мелькает на нашей сцене из тьмы в тьму, и больше мы о нем не слышим. В данном случае СЕхmelin позволяет нам заполнить вакуум и дорассказать историю. В одном из последующих плаваний он вернулся на старое место, ставшее местом действия часто рассказываемой истории. На опустошителя обрушилось опустошение, крепость была полностью разрушена, не осталось ни одного жилища. От испанцев он узнал, что старик умер и оставил свои богатства двум сыновьям, которые, нетерпеливо ожидая праздного богатства и с юности возбуждая воображение рассказами о приключениях буканьеров, наконец-то стали флибустьерами. До смерти отца они часто выражали желание покорить страну свирепых индейцев браво, но он всегда отговаривал их от опасной и невыгодной экспедиции, опасаясь нападения испанцев в их отсутствие. О них больше ничего не было слышно, но ходили слухи, что, потерпев кораблекрушение, два буканьера были захвачены индейцами, убиты и съедены.

Выйдя из Бока-дель-Торо, расположенного примерно в тридцати лигах от Чагреса, Сехмелин и его спутники прибыли в страну очень страшных индейцев браво. Эти люди были известны как воинственные каннибалы, жестокие и очень вероломные. Они были искусными лучниками и могли выпускать свои стрелы, как парфяне, даже при полном отступлении. У них были топоры и копья, и они носили металлические украшения, звон которых вдохновлял их на подвиги. Они носили черепаховые панцири в качестве щитов, которые закрывали все их тело, и их следовало опасаться, когда их было мало и они были полностью побеждены, потому что тогда они бросались на врага, как дикие кошки, и думали только об уничтожении жизни врага, не обращая внимания на свою собственную. Морган, который, судя по всему, готовился к созданию обширной империи буканьеров, часто клялся полностью уничтожить этот народ, который убил столько потерпевших кораблекрушение людей и так часто срывал его планы. Ни один из историков буканьеров, кажется, никогда не задумывался о том, что эти дикари, какими бы грубыми они ни были, сражались как патриоты, защищая свою страну. Мы поем о Телле и восторгаемся Уоллесом, но у нас нет никакого интереса к герою без бріджей!

Сначала эти индейцы были дружелюбны к буканьерам, которые продавали им железо в обмен на еду, но в один роковой случай, во время дебоша буканьеров, возникла ссора, и несколько индейцев были убиты, а их жены увезены. С тех пор между этими двумя народами существовала непримиримая ненависть, а потерпеть крушение на берегу Браво было равносильно верной смерти. Достигнув мыса Диего (названного так, как и многие другие точки суши, по имени старого искателя приключений), Сехмелин был вынужден из-за голода питаться крокодильими яйцами, которые были найдены закопанными в песок. Встретившись здесь с несколькими французскими авантюристами, все они удалились в соседнее место, где поймали черепаху и засолили ее для плавания.

Поднявшись на реку за провизией, они застали врасплох и убили двух индейцев, у одного из которых была борода-футляр из черепахового панциря, а у другого - из битого золота: последнего они приняли за вождя. Отойдя отсюда и встретив встречные ветры, которые отогнали их от Ямайки, они снова вернулись в Чагрес, и их преследовал корабль испанской постройки, который, как они опасались, был послан из Картахены для восстановления форта.

Они тщетно пытались спастись и уже убрали палубы, готовясь сражаться до последнего, когда враг поднял красный флаг и оказался одним из кораблей их товарищей, отброшенных назад *бизом*, или северо-восточным ветром. Потеряв из-за этого два дня хода - больше, чем можно было восстановить за две недели, - они вернулись в Бока-дель-Торо за провизией и морскими коровами, а затем перешли в Бока-дель-Драго. Здешние острова, как они знали, были обитаемы, так как аромат фруктов доносился до них морским ветром. Однажды рыбаки преследовали двух индейцев на каноэ, которое они тут же вытащили на берег и унесли с собой в лес. Эта лодка, весившая более 2000 фунтов и требовавшая 11 человек, чтобы спустить ее на воду, была сделана из дикого кедра, грубо обтесанного; будучи проворными, дикари оба ускользнули от буканьеров. Лоцман, часто бывавший в тех краях, рассказал им, что за несколько лет до того, как эскадра буканьеров прибыла в эти места, люди отправились на каноэ ловить жужжащих птиц, которые роились вокруг цветущих деревьев на побережье. Их заметили несколько индейцев, спрятавшихся на деревьях, и, спрыгнув в море, унесли лодки и людей, прежде чем их спутники успели прийти на помощь. Адмирал немедленно высадил 800 человек, чтобы спасти пленников, но индейцев собралось так много, что им пришлось поспешно отступить к своим кораблям.

На следующий день буканьеры прибыли в Рио-де-Зуэру, но испанцы все разбежались, не оставив провизии; поэтому они набили свои лодки подорожниками и две недели плыли вдоль берега, чтобы найти удобное место для каботажа, так как судно стало настолько дырявым, что рабы и люди были вынуждены день и ночь работать у насосов. Прибыв в порт, названный Блевелтским заливом по имени буканьера, который часто там останавливался, половина команды занялась разгрузкой и разгрузкой судна на берегу, а половина - охотой в лесу, по-прежнему опасаясь индейцев, хотя ни одного из них они пока не видели.

Охотники подстрелили несколько дикобразов огромных размеров, а также множество обезьян и фазанов. Мужчины получали огромное удовольствие от этой погони. Они смеялись, видя, как самки несут своих малышей на спине, совсем как негритянки, и восхищались любовью и верностью, которую некоторые из них проявляли, когда их друзья были ранены, и радовались, когда они забрасывали преследователей фруктами и валежником. Мужчинам приходилось стрелять в пятнадцать-шестнадцать особей, чтобы добыть трех-четыре, поскольку даже мертвые они цеплялись за деревья и оставались так несколько дней, висая на передних лапах или хвостах. Когда один из них был ранен, остальные сбивались вокруг него и клали лапы на рану, чтобы остановить поток крови, а другие собирали мох с деревьев, чтобы перевязать место ранения, или, собрав некоторые целебные травы, жевали их и прикладывали в качестве припарки. Если убивали мать, то молодые не покидали тело, пока их не отрывали.

Но этим развлечениям скоро пришел конец. Индейцы вышли на их след. Они охотились уже восемь дней. Наступил рассвет девятого дня, и рыбаки и охотники готовили свои сети и ружья, чтобы отправиться в море и в лес. Рабы на берегу обжигали раковины, чтобы получить известь, которая служила вместо смолы для судов, а женщины черпали воду в колодцах, вырытых на берегу. Некоторые из них мыли посуду, другие шили, так как встали раньше обычного. Пока остальные ходили к колодцам, одна из них задержалась, чтобы собрать фрукты, которые росли у берега. Вдруг она увидела индейцев, бегущих с того места, где она оставила своих спутников, и побежала к палаткам с криком: "Индейцы, индейцы, христиане, индейцы пришли". Прибежав к оружию, буканьеры обнаружили, что три их женщины-рабыни лежат мертвыми на дереве, пронзенные четырнадцатью или пятнадцатью стрелами с кремневыми наконечниками. Эти дротики были около восьми футов длиной и толщиной с большой палец человека; на одном конце был деревянный крюк, привязанный веревкой, на другом - футляр с несколькими маленькими камнями. Обыскав лес, не нашли ни следов индейцев, ни каноэ, и буканьеры, опасаясь, что их окружают и одолеют, выгрузили все свои пожитки и отплыли в великой спешке и страхе.

Вскоре они прибыли к мысу Грасиас а Диос и обрадовались, что снова оказались среди дружелюбных индейцев; в порту, куда часто заходили суда буканьеров, самые грубые моряки благодарили Бога за то, что он избавил их от стольких опасностей и привел в место убежища. Индейцы снабдили их всем необходимым и отнеслись к ним дружелюбно. За старый нож или топор мужчины покупали индианку, которая снабжала их едой. Эти люди часто уходили в море с буканьерами и, пробыв там несколько лет, возвращались домой, хорошо зная французский и английский языки. Их использовали в качестве рыбаков, а также для ловли черепах и маниту, причем один индеец мог прокормить судно из 100 человек. Команда *Сехмелин* имела на борту двух моряков, которые могли говорить на индейском языке, и они были необычайно хорошо приняты.

Этот народ насчитывал не более 1700 человек, включая нескольких негров-рабов, которые выплыли на берег с затонувшего судна, убив испанскую команду, и, по незнанию навигации, посадили судно на мель. Некоторые из них обрабатывали землю, а другие бродили по

окрестностям, охотясь и ловя рыбу. Они носили мало одежды, кроме шляпы из пальмовых листьев и короткого фартука, сделанного из коры какого-то дерева. Их оружием были копья, заостренные зубами крокодила. Они верили в Высшее Существо и, как причудливо говорит Эсквемелинг, "не верили в дьявола и не служили ему, как многие другие народы Америки, и поэтому не так сильно мучились от него, как другие народы". Их пищей были в основном фрукты и рыба. Они готовили приятные и опьяняющие напитки из подорожника и семян пальмы, и на банкетах каждый гость должен был опорожнить четырехчашевый калабаш, наполненный ачиоком, как назывался этот пальмовый напиток, - просто закуску к последующему пиршеству. Их ачиок был густым, как каша. Когда они влюблялись, то пронзали себя стрелами, чтобы доказать свою искренность. Когда юноша хотел жениться на девушке, первым вопросом отца невесты к влюбленному было, умеет ли он делать стрелы или прясть нить, которой их связывают. Если он отвечал утвердительно, отец звал калабаш с ачиоком, и он сам, невеста и жених вкушали этот напиток. Когда одна из этих выносливых женщин рожала, она вставала, шла к ближайшему ручью, мыла и пеленала ребенка и занималась своими обычными делами. Когда умирал муж, жена хоронила его со всеми копьями, фартуками и украшениями для ушей и в течение пятнадцати лун после этого (год) ежедневно приносила на могилу мясо и питье. Некоторые авторы утверждают, что дьявол посещает могилы и уносит эти подношения к манам; но Эсквемелинг говорит, что он знает обратное, поскольку часто уносил еду, которая всегда была самого лучшего и лучшего сорта. В конце года преобладал необычный обычай. Вдова должна была вскрыть могилу и вынуть все кости; она скребла, мыла и сушила их на солнце; затем клала их в мешок и в течение целого года должна была носить их на спине днем и спать на них ночью. В конце года она вешала мешок на косяк своей двери, а если не была хозяйкой дома, то на дверь ближайшей родственницы. Вдова не могла выйти замуж до тех пор, пока не завершится эта мучительная церемония, и если индианка выходила замуж за пирата, преобладал тот же обычай. Негры сохранили привычки своих стран.

Освежившись в этом дружелюбном краю, буканьеры направились к острову Лос-Пинос и, прибыв туда через пятнадцать дней, отремонтировали свое судно, ставшее теперь опасно дырявым. Половина команды занималась каботажем, а половина - рыбной ловлей, и с помощью сопровождавших их индейцев с мыса Грасиас они убили и засолили достаточное количество дикого скота и черепах, чтобы восстановить корабль. За шесть часов они смогли наловить рыбы, достаточной для тысячи человек. "Такое изобилие провизии, - говорит Эсквемелинг, - заставило нас забыть о тех страданиях, которые мы пережили в последнее время, и мы снова стали называть друг друга по имени *"брат"*, которое было принято у нас, но было забыто за время наших страданий". Они пировали здесь обильно, не опасаясь врагов, потому что немногие испанцы, жившие на острове, были дружелюбны, и прошлые опасности стали лишь мечтами на расстоянии. Единственное, что их теперь беспокоило, - это крокодилы, которые кишели на острове и, когда были голодны, пожирали людей.

Однажды буканьер и его раб-негр, охотившиеся в лесу, подверглись нападению одного из этих чудовищ. С невероятной ловкостью оно вцепилось в ногу англичанина и повалило его на землю. Негр убежал. Охотник, крепкий и мужественный человек, выхватил нож и после отчаянной схватки вонзил его в сердце крокодила, а затем, устав от боя и ослабев от потери крови, упал без чувств рядом с ним. Негр, вернувшись, скорее из любопытства, чем из сострадания, посмотреть, чем закончился поединок, поднял своего хозяина на спину и принес его на берег моря, удаленный на целую лигу, где посадил его в каноэ и поднял на борт. После этого ни один буканьер не осмеливался ходить в лес в одиночку, но на следующий день, выйдя в море целым отрядом, они убивали всех чудовищ, которых могли встретить. Каждую ночь эти животные подбирались к бортам судна и пытались забраться

наверх, привлеченные, вероятно, запахом пищи. Одно из них, схваченное железным крюком, вместо того чтобы нырять или плавать, стало взбираться по трапу корабля, пока его не убили ударами пик и топоров. Пробыв здесь некоторое время, они отплыли на Ямайку и прибыли туда через несколько дней после успешного плавания, став первыми искателями приключений, прибывшими туда из Панамы со времен Моргана.

В 1673 году, когда война между французами и голландцами еще продолжалась, жители французских вест-индских колоний снарядили флот для нападения на голландские поселения в Кюрасоа, привлекая всех буканьеров, которых можно было склонить присоединиться к белому флагу, либо из надежды на грабеж, либо из ненависти к голландцам. М. Д'Ожерон, губернатор Тортуги, организатор этого вторжения, возглавил флот на большом судне, названном в его честь, построенном им самим, и укомплектованном 500 отборными авантюристами. Его несчастливая звезда привела их к несчастью. Новый фрегат налетел на скалы у островов Гуаданильяс и разбился на тысячу кусков во время шторма недалеко от Порто-Рико. Находясь в это время совсем близко от суши, губернатор и все его люди благополучно доплыли до берега. На следующий день, обнаружив испанцев, они подверглись нападению большого отряда, который решил, что они пришли специально, чтобы разграбить острова, как это делали раньше буканьеры. Вся страна, встревоженная, поднялась на борьбу. Потерпевшие кораблекрушение люди были окружены превосходящей по численности армией, которая, обнаружив, что они почти без оружия, отказалась дать им четверть, убила большую часть без пощады, а оставшихся в плен. Связав их веревками по двое, они погнали их через лес в открытую кампанию. На все расспросы о судьбе своего командира, которого они не могли отличить от остальных, они отвечали, что он утонул вместе с обломками. Д'Ожерон, следуя этому обману с французской смекалкой, вел себя как полубезумный болванчик, отвлекая испанских солдат своими трюками и мимикой, и был единственным буканьером, которому они позволили уйти на свободу. Воины у своих костров давали ему объедки от своих блюд и вознаграждали его большей едой, чем его товарищей.

Среди пленников был и французский хирург, который в прошлом оказал испанцам некоторую услугу, и ему тоже позволили выйти на свободу. Д'Ожерон согласился с ним попытаться бежать во что бы то ни стало, и после зрелого размышления они оба согласовали план, и им удалось благополучно скрыться в лесу и добраться до берега моря. Они решили попытаться построить каноэ, хотя у них не было никаких инструментов, кроме топора. К вечеру они добрались до берега моря, к своей великой радости, и поймали на пляже несколько раковин рыбы из косяка, который налетел на песок в погоне за добычей. Огонь для жарки они добыли, потеряв две палки друг о друга по индейской моде. На следующее утро рано утром они начали рубить и заготавливать древесину для строительства каноэ, на котором им предстояло бежать в Веракрус. Пока они трудились, они заметили вдалеке большую лодку, в которой, как они предположили, находился враг, направлявшийся прямо к ним. Отступив в лес, они обнаружили, что, как только лодка коснулась земли, в ней находились всего два бедных рыбака. Этих ничего не подозревающих людей они решили по возможности одолеть и захватить лодку. Когда мулат вышел на берег в одиночку, с калабашем на спине, чтобы набрать воды, они убили его ударом топора, а затем зарубили испанца, который, встревоженный звуками голосов, тщетно пытался оттолкнуться от берега. Наполнив калабаши мертвецов, они отплыли, предусмотрительно унеся тела в морскую глубину, чтобы скрыть от испанцев их смерть.

Они сразу же взяли курс на Порто-Рико, а перешли на Испаньолу. Вскоре попутный ветер привел их к Самане, где они обнаружили группу своих людей. Оставив хирурга собирать людей на Самане, д'Ожерон отправился на Тортугу, чтобы собрать суда и экипажи для

возвращения и доставки своих товарищей, а также отомстить за свое несчастье. В итоге он отплыл с 300 людьми и принял все меры предосторожности, чтобы испанцы не узнали о его приходе: он использовал только нижние паруса, чтобы мачты не поднимались над горизонтом. Несмотря на это, испанцы, осведомленные о его приближении, разместили конные отряды на берегу в различных удобных для нападения точках.

Д'Ожерон высадил своих людей под выстрелы из своих больших пушек, которые загнали всадников в лес, где, как он не подозревал, в засаде сидела пехота. Увлеченные преследованием, его люди, считавшие победу своей, оказались зажаты со всех сторон. Лишь немногим удалось добраться до кораблей. Жестокие от страха испанцы отрубали конечности убитых и уносили их домой в качестве трофеев. Они зажгли на берегу костры в знак неповиновения отступающему флоту.

С первыми пленными обращались еще хуже, чем раньше. Некоторых из них отправили в Гаванну, где они работали на укреплениях весь день, а ночью их заковывали в цепи, как диких зверей, чтобы предотвратить их отчаянные попытки к бегству. Многих отправили в Кадис, оттуда они бежали через Пиренеи во Францию и, собравшись вместе, как заклятые члены общего братства, вернулись на первом же корабле на Тортугу.

Эти же люди через некоторое время снарядили небольшой флот под командованием сеньора Мобенона, который разграбил Тринидад, выкупил остров за 10 000 штук восьмерки и оттуда направился к Каракасу.

В 1676 году буканьеры сражались с голландцами и помогли французам вернуть Кайенну, захваченную вице-адмиралом Бинксом. После этого завоевания М. д'Эстре атаковал Тобаго, но был отбит, потеряв 150 человек убитыми и 200 ранеными. Его корабль *Glorieux* с семьюдесятью орудиями был взорван, а два других сели на мель; несколько голландских судов, однако, были сожжены.

Д'Эстре, вернувшись в Брест, получил приказ вернуться в Тобаго с двадцатью парусными военными судами, а также большим количеством мелких судов. 1500 человек были высажены на берег и, подойдя к укрепленному месту под названием Ле-Корт, призвали геера Бинкса сдаться. Французы начали атаку, забросав крепость огненными шарами; третья граната упала на рассыпанный порох на дорожке, ведущей к магазину, и взорвала его. Геер Бинкс и все его офицеры, кроме одного, были убиты. 500 французов немедленно ворвались в крепость, убив всех, кроме 300 человек, которые были отправлены пленными во Францию. Затем д'Эстре уничтожил все форты и дома на острове и уплыл.

В 1678 году тот же граф д'Эстре собрал 1200 буканьеров с Испаньолы и двадцать военных судов, кроме пожарных кораблей, чтобы захватить Кюрасоа, который можно было взять с помощью 300 буканьеров и трех судов. Однако этот флот был потерян на островах д'Авес, о чем мы расскажем в путешествии Дампира.

В 1678 году капитан Кук нагрузил свое судно дровами в Кампичи и, бросив якорь у острова Рубиа на пути в Тобаго, был захвачен тремя испанскими военными, которые оставили команду на берегу и забрали корабль и груз. Они пролежали там недолго, прежде чем прибыл испанский шлюп из шестнадцати человек, нагруженный какао и тарелками, и дал им возможность сбежать и отомстить. Взяв мушкеты у голландского губернатора, они с помощью шести своих людей захватили шлюп, когда тот подошел к берегу, а затем высадились на него и захватили более крупное судно, оставив пленников связанными на

берегу, чтобы наблюдать за боем, который должен был решить их судьбу. Два человека управляли судном, еще двое заряжали пушки, а двое других стреляли по врагу так быстро, как только могли попасть в кормовые порты. Испанцы некоторое время упорно сопротивлялись, но, увидев, что их священник и капитан застрелены, бросили оружие за борт и стали просить четверти. Буканьеры дали голландскому губернатору хорошее вознаграждение, возместив ущерб за оружие, и разделили между собой пластины стоимостью около 4000 фунтов стерлингов. Прибыв на Ямайку, они сожгли приз и отправились в Англию.

В год Господа нашего 1679 флот буканьеров из пяти судов под командованием капитанов Коксена, Эссекса, Аллистона, Роуза и Шарпа отплыл из Порт-Ройяла и направился к острову Пайнс, потеряв два судна на своем пути у островов Замбаллос. Они встретили французский корабль, чья комиссия была выдана всего на три месяца, и с ликованием показали его капитану свою поддельную комиссию на три года, купленную всего за десять кусков восьмерки.

ГЛАВА IV. КРУИЗЫ САКИНСА И ШАРПА.

Высадка в Дарьене - Марш-бросок по суше - Взятие Санта-Марии - Плавание в Панаму - Рингроуз терпит крушение - Неудача экспедиции - Прогнана испанским флотом - Коксен обвинен в трусости - Шарп избран командиром - Грабеж Хилло и - Взятие Ла-Серены - Взятие Овна - Спасен с трудом - Заговор рабов - Высадка на Антигуа - Возвращение в Англию - Суд над Шарпом - Убийство французского корабля в Даунсе и возвращение на Ямайку.

О плаваниях Сокинса и Шарпа рассказывается в путешествиях Рингроуза, который присутствовал при всех их подвигах. В это время буканьеры расширили свое поле деятельности и перешли с юга в северную часть Тихого океана. Все побережье Южной Америки с обеих сторон постигла участь вест-индских островов. Следующим объектом их спекуляций стали золотые рудники Перу.

Флот, во второй раз захвативший Порто-Бельо, встретился в Бока-дель-Торо. Затем была сформирована новая экспедиция, чтобы следовать за капитаном Борнано, французским командиром, который недавно напал на Чепо, в Токамору, большое и очень богатое место, куда индейцы Дарьена предложили провести его, несмотря на поздний договор с испанцами.

Сначала корабли разошлись по бухтам и ручьям, чтобы заняться каретником и соленой черепахой, а затем вновь собрались у Водяного ключа. Флот состоял из девяти судов с 22 пушками и 458 людьми в следующем порядке:-капитан Коксен, корабль в 80 тонн, с 8 пушками, и 197 человек; капитан Харрис, 150 тонн, 5 пушек, и 107 человек; капитан Борнано, 90 тонн, 6 пушек, и 86 человек; капитан Сокинс, 16 тонн, 1 пушка, и 35 человек; капитан Шарп, 25 тонн, 2 пушки и 40 человек; капитан Кук, 35 тонн и 43 человека; капитан Аллестон, 18 тонн и 24 человека; капитан Роу, 20 тонн, и 25 человек; капитан Маккет, 14 тонн и 20 человек.

Экспедиция отплыла 26 марта 1679 года. Первым местом, где они остановились, были острова Земблас, где они торговали с дружелюбными индейцами, которые приносили фрукты и оленину в обмен на бусы, иглы, ножи и топоры. Эти индейцы были совершенно голыми, но богато украшены золотыми и серебряными пластинами в форме полумесяца и золотыми кольцами в носу, которые они должны были поднимать, когда пили. Как правило, они были раскрашены черными и красными полосами, но были красивой расой и часто не уступали европейцам в красоте. Моряки верили, что ночью они видят лучше, чем днем.

Индейцы отговорили капитанов от похода на Токамору и согласились проводить их до окрестностей Панамы. Путь к Токаморе, по их словам, был гористым и необитаемым и пролегал через дикие места, где нельзя было достать провизию. В связи с этим изменением плана Роу и Борнано, все экипажи которых были французами, разделились, не желая рисковать долгим походом по суше, и остались у Зембласа, а Андраас, индейский вождь, повел остальные суда к Золотому острову, расположенному немного западнее устья великой реки Дарьен. Там семь оставшихся судов встретились 3 апреля 1680 года.

Здесь они решили последовать совету индейцев и напасть на город Санта-Мария, расположенный на одноименной реке, которая впадает в Южное море у залива Сан-Мигель. Его гарнизон составляли 400 солдат, и отсюда золото, собранное в соседних горах, везли в Панаму, куда они могли отправиться, если не найдут достаточно в Санта-Марии.

5 апреля они высадили 331 человека, оставив капитанов Аллестона и Маккета охранять корабли в их отсутствие. Каждый человек нес с собой три или четыре "бабки" (лепешки), доверяя рекам для питья. Капитан Шарп, шедший во главе отряда, был еще слаб после перенесенной болезни. Его рота несла красный флаг и связку белых и зеленых лент. Второе подразделение, возглавляемое капитаном Ричардом Сокинсом, имело красный флаг, перевязанный желтой лентой. Капитан Питер Харрис, с третьим и четвертым дивизионами, имел два зеленых флага; капитан Джон Коксен - два красных флага; а капитан Эдмунд Кук нес красные цвета, полосатые с желтым, с рукой и мечом для устройства. Все люди имели при себе фитили, пистолеты и палаши.

Проводники-индейцы провели их через лес и залив на две лиги вверх по лесистой долине, по хорошей дороге, где то тут, то там попадались старые плантации. У реки, которая тогда почти пересохла, они построили хижины для отдыха. Другой индейский вождь, человек "большого рода", которого звали Капитан Антонио, обещал стать их вождем, как только умрет его ребенок, который в то время был болен, что, по его расчетам, должно было произойти на следующий день. Этот индеец предостерег их от лежания в траве, где было полно больших змей.

Разбив несколько камней, вымытых из гор, мужчины обнаружили, что они блестят, как золото; но, несмотря на это, несколько человек устали и вернулись на корабли, оставив только 327 матросов и шесть индейцев-проводников.

На следующий день они поднялись на очень крутой холм и обнаружили у его подножия реку, на которой, по словам Андрааса, была построена Санта-Мария. Около полудня они поднялись на другую, более высокую гору, по столь перпендикулярной и узкой тропе, что по ней мог пройти только один человек. Пройдя восемнадцать миль, они остановились на ночь на берегу той же реки, причем обе ночи шел сильный дождь. На следующий день они перешли реку вброд, преодолевая крутое течение то по колено, то до середины. В полдень они достигли индейской деревни, рядом с которой жил король Дарьена. Дома были аккуратно построены из капустного дерева, с крышами из дикого тростника, крытыми пальмито королевским, и окружены дорожками из подорожника; верхних этажей у них не

было. Король, королева и семья пришли к ним в королевских одеждах. Как и большинство дикарей, он был весь в украшениях и нагоде, в золоте и грязи. Его корона была сделана из сплетенного белого тростника, обшитого красным шелком. В середине находилась тонкая пластинка из золота, несколько бусин и страусовых перьев; в каждом ухе - золотое кольцо, а в носу - полумесяц из того же металла. Его халат был из тонкого белого хлопка, а в руке он держал длинное яркое копье, острое как нож. На королеве было несколько красных покрывал, а две ее замужние дочери и маленький ребенок были увешаны разноцветными бусами и покрыты полосками тряпок. Женщины казались "свободными, легкими и резвыми", но скромными и боялись своих мужей. Король дал морякам по три подорожника и несколько сахарных тростников для сосания, но после такого царственного благодеяния не преминул продать свои запасы, как и его подданные, которые оказались очень хитрыми торговцами, покупая ножи, булавки и иглы. Отдохнув здесь один день, капитан Сокинс был назначен руководить обреченной надеждой восьмидесяти человек. Их путь все еще лежал вдоль реки, и то тут, то там им попадались дома. Индейцы, стоя у дверей, дарили каждому спелый подорожник или корень кассавы или пересчитывали их, бросая по зернышку проса за каждого проходящего. Ночью они остановились на отдых в некоторых туземных домах.

На следующий день Шарп, Коксен, Кук и девяносто человек отправились на четырнадцать каноэ, чтобы проверить, насколько судоходен этот поток, с ними был капитан Андраас, а два индейца в каждом каноэ служили проводниками. Но вода оказалась более утомительной, чем суша; ведь на расстоянии каждого броска камня им приходилось выходить из лодок и перетаскивать их через песок, камни или поваленные деревья, а иногда и через косы. В ту ночь они построили шалаши на берегу, изнемогая от усталости.

Следующий день повторил прошлый: ночью к ним подошел тигр, но они не осмелились стрелять, боясь потревожить испанцев. Следующий день был еще хуже, чем предыдущий, и их люди взбунтовались и стали подозревать индейцев, которые, как они думали, разделили отряд, чтобы предать их. На четвертый день, отдохнув на "пляжной точке земли", где другой рукав соединялся с рекой, они присоединились к своим спутникам, которых они послали на поиски своих индейцев, встревоженных их отсутствием. Этой ночью они приготовили свое оружие к бою. На утро они снова вышли на берег, всего шестьдесят восемь каноэ и 327 англичан с пятьюдесятью индейцами-проводниками. Они сделали себе весла, выбросили индейские шесты и стали грести со всей скоростью, встретив несколько лодок, груженных подорожниками. Около полуночи они подошли к Санта-Марии на расстояние полумили и высадились на берег. Грязь была так глубока, что им пришлось положить весла и подниматься, держась за сучья деревьев; затем, прорубив путь через лес, они устроились там на ночь, надеясь застать испанцев врасплох.

На рассвете, к их разочарованию, их разбудили выстрелы из мушкета и удары барабана. Испанцы уже приготовили свинец для их приема, а золото отослали в Панаму. Едва они вышли на равнину, как враги натолкнулись на большой частокол высотой в двенадцать футов и начали быстро и метко стрелять. Авангард, подбежав, снес часть укрепления, ворвался внутрь и взял их в плен, всего 280 человек. Несколько англичан были ранены, но из пятидесяти человек, возглавлявших атаку, не было убито ни одного. Еще 200 испанцев находились в шахтах, вывозя золото - шахты были самыми богатыми в западном мире. Двадцать шесть испанцев были убиты в форте, шестнадцать ранены, но губернатор, священник и главные люди спаслись бегством. Город оказался всего лишь несколькими тростниковыми домами, построенными для сдерживания индейцев, которые часто восставали. За несколько дней до этого на корабле в Панаму было отправлено три фунта золота, и такое же количество отправлялось два или три раза в год.

Во время боя индейцы, испугавшись свиста пуль, спрятались в лощине; когда все закончилось, они вошли туда, с большой храбростью пронзая пленников копьями и уложив около двадцати человек в лесу, пока не вмешались буканьеры. В городе индейцы нашли старшую дочь дарьенского короля, которую увез один из гарнизона и которая была от него беременна. Чтобы не отдавать ее на милость индейцев, этот человек предложил провести их в Панаму, где они надеялись захватить все богатства Потоси и Перу. Сокинс на каноэ тщетно пытался догнать губернатора и его офицеров, и вместо того, чтобы вернуться с пустыми руками, решил отправиться в Панаму, чтобы удовлетворить то, что Рингроуз называет "их голодным аппетитом к золоту и богатствам".

Командиром был выбран капитан Коксен, а добычу и пленных отправили обратно на корабли под охраной двенадцати человек. Индейцы, получив в награду иголки и бусы, тоже вернулись, все, кроме короля. Капитан Андраас, капитан Антонио и сын короля, король Золотая Шапка (*bonete d'oro*), как называли его испанцы, решили идти дальше, желая увидеть Панаму разграбленной и предлагая помочь им с большим количеством людей. Испанский проводник заявил, что приведет их не только в город, но даже к самой двери опочивальни губернатора Панамы, и что они должны взять его за руку, захватить его и весь город, прежде чем испанцы их обнаружат.

Пробыв два дня в Санта-Марии, они 17 апреля 1680 года отплыли в Панаму.

На тридцати пяти каноэ и пирагуа, которые они нашли стоящими на якоре, они спустились вниз по реке до залива Белона, где должны были войти в Южное море и обогнуть его до Панамы. По требованию индейского короля форт, церковь и город были сожжены. Испанские пленники, опасаясь смерти от рук дикарей, если их оставят, собрали несколько берестяных бревен и дырявых каноэ, хотя буканьеры с трудом могли найти для себя лодки, и отправились с ними.

Рингроуз и еще четверо мужчин сели в самое тяжелое и медленное каноэ и, запутавшись между отмелями длиной в две мили, вынуждены были ждать высокой воды, так как лодка была слишком тяжелой, чтобы грести против течения, и вскоре остались позади. Ночью, когда вода снова спала, они воткнули весло в реку и, несмотря на хлещущий дождь, проспали всю ночь по очереди в каноэ. На следующее утро, проплыв две лиги, они нагнали своих спутников, набравших воды в индейской хижине - больше в шести днях пути не было. Поспешив с калабашами к пруду, расположенному в четверти мили от них, они вернулись к своим лодкам и обнаружили, что остальные снова ушли и пропали из виду. "Такова, - морализирует Рингроуз, - особенность этих диких людей, что они ничуть не заботятся о том, кого потерять из своей компании или оставить позади". Теперь мы были еще более встревожены, чем раньше, опасаясь, как бы нас не постигло то же несчастье, которое мы так недавно пережили".

Они гребли за ними изо всех сил, но тщетно, заблудились среди бесчисленных островов в устье реки, но наконец, с большим трудом, добрались до Бокка-Чика, желанного прохода. Но хотя они и видели дверь, пройти через нее не смогли: "молодой поток" с силой набросился на них - хотя он был всего в камне от берега и не шире лиги. Тогда в отчаянии они выбрались на берег, привязав веревку к дереву, почти скрытому приливом, который шел на глубине четырех саженей.

Как только наступил отлив, они поплыли к острову в полутора лигах от устья реки, в заливе Сан-Мигель, подвергаясь большой опасности из-за волн: длина их лодки составляла двадцать футов, а ширина - не более полутора футов. Здесь они остановились на ночлег, промокнув насквозь под непрекращающимся и стремительным дождем, не имея воды для

питья и не в силах разжечь костер, "ибо потеря нашей компании и опасности, которым мы подвергались, - говорит Рингроуз, - сделали эту ночь самой печальной из всех, что я когда-либо испытывал". Никто не спал в эту утомительную ночь, потому что с одной стороны их окружало огромное море, а с другой - могучая сила испанцев. Все они были без обуви, а их одежда промокла насквозь. Они не видели ничего, кроме моря, гор и скал.

С рассветом они проплыли мимо нескольких островов к Пойнт-Сент-Лоранс, один человек непрерывно работал на тюках. Когда они проходили мимо одного из этих островов, огромное море опрокинуло их лодку, но они выбрались на берег, спасаясь вплавь, и каноэ рухнуло рядом с ними. Оружие, закрепленное на дне лодки, замки, оббитые воском, как картонные коробки, и пороховые рожки остались невредимыми, но хлеб и свежая вода были либо испорчены, либо потеряны. Тщательно вытирая и чистя оружие, ведь мушкет для буканьера - как жена и ребенок для него, они увидели другое каноэ, выброшенное на берег немного с подветренной стороны. Это оказались шестеро испанских пленников, сбежавших на старой пирagua, которая разлетелась на куски; английская лодка, сделанная из дерева толщиной в шесть дюймов, осталась невредимой. Общая беда делает всех людей друзьями, и англичане с испанцами сели вместе и дружно поджарили мясо на одном огне. Затем они собрались на совет, два или три часа обсуждали, как поступить, и все, кроме Рингроуза, были за то, чтобы вернуться и жить с индейцами, если они не смогут добраться до кораблей, лежащих в северном море. После долгих уговоров Рингроуз убедил их потерпеть еще один день, и, как раз когда они заканчивали свои дебаты, человек, стоявший на стрёме, закричал, что видит индейцев. Преследуемые в лесу двумя буканьерами, они обнаружили, что это один из участников экспедиции, прибывший вместе с семьей другими в большом каноэ. Они были рады их видеть и, к своей радости, заявили, что, находясь в одном каноэ, они смогут обогнать лодки в течение дня. Увидев испанцев (они называли их дрочерами), они бы предали их смерти, если бы не вмешательство Рингроуза, так как его люди стояли в стороне. Затем они настояли на том, чтобы оставить одного из них в качестве раба. Рингроуз, все еще опасаясь за их жизнь, дал пятерым испанцам свое собственное каноэ и велел им спасаться. Теперь в большом каноэ, с хорошим парусом, при свежем и сильном ветре, они смело отправились в путь, с бесконечной радостью и душевным комфортом, гладкий и легкий путь и приятная, свежая рябь моря наполняли их надеждой и радостью; но в тот же вечер стало очень темно, и пошел сильный дождь. Вдруг на противоположном берегу континента показались два костра, и индейцы, решив, что это лагерь их народа, закричали: "Капитан Антонио, капитан Андраас", - и понеслись к берегу так быстро, как только могли тянуть. Однако едва каноэ скрылось за волнами, как из леса выскочили шестьдесят испанцев, вооруженных дубинками, и, вытащив лодку на сушу, взяли в плен всю команду. Рингроуз схватил свое оружие и приготовился к сопротивлению, но четыре или пять врагов повалили его на землю. Индейцы, перепрыгнув через борт, проворно скрылись в лесу. Рингроуз заговорил со своими похитителями на французском и английском языках, не получив никакого ответа. Обратившись к незнакомцам на латыни, он выяснил, что это испанские пленники из Санта-Марии, которых освободили из опасения, что они могут сбежать, когда приблизятся к Панаме, и сообщить городу о приближении буканьеров. Англичан с радостными криками отвели в хижину из сучьев, где их осмотрел испанский капитан, намеревавшийся отомстить им за нанесенные городу обиды. В этот критический момент вошли испанцы, которых освободил Рингроуз, и рассказали, как они были освобождены от индейцев. Услышав это, испанский капитан поднялся и, обняв Рингроуза, сказал: "Англичане были хорошими людьми и очень дружелюбными врагами, а индейцы - жуликами и вероломным народом". Затем он заставил его сесть и поесть вместе с ним и согласился за доброту, которую тот оказал своим соотечественникам, отдать ему и всем его людям, и даже индейцам, если они смогут их найти, их жизни и свободы, которые в противном случае были бы потеряны.

Наконец, дав им каноэ, благородный враг велел им отправиться в путь во имя Бога, молясь, чтобы они были столь же удачливы, сколь и великодушны. Всю ту ночь они плыли по опасному и железному берегу, не решаясь высадиться на берег.

На следующее утро, после нескольких часов плавания, гребли и гребли, они увидели каноэ, внезапно направившееся к ним. Это была одна из английских лодок, принявшая их за испанских пирагуа. Они сразу же провели их в глубокую бухту, укрытую скалами, где остальные стояли на якоре. Все они были рады видеть Рингроуза и его людей, так как считали их погибшими. Затем они со всей скоростью направились к холмистому острову, расположенному примерно в семи лигах от них, и застали там старика, который стоял на посту и наблюдал за происходящим. Дорога к хижине была очень крутой, и буканьеры окружили старика, который увидел их только тогда, когда они уже вошли в его подорожник. Их очень воодушевило его заявление, что никаких вестей об их прибытии до сих пор не дошло до Панамы. В сумерках две лодки застали врасплох небольшой барк, который подошел и бросил якорь у острова. Экипаж уже восемь дней отсутствовал в городе, высадив солдат на соседнем берегу, чтобы обуздать и отогнать индейцев. Экипажи небольших каноэ собрались на этом судне в количестве 137 человек, вместе с капитаном Куком и капитаном Шарпом, которого Рингроуз называет "морским художником и доблестным командиром".

На следующее утро, гребя весь день по мелководу, они преследовали барк, который капитан Харрис захватил после острого спора, взяв на борт призовую команду из тридцати человек. Во время этой погони суда разбежались, и воссоединились только на следующий день у острова Чепильо, заранее условленного места встречи. Они снова преследовали барк, но уже с меньшим успехом, а каноэ капитана Коксена упустило приз из-за поднявшегося бриза: один человек был убит, другой ранен, и, что было хуже всего, судно не только спаслось, но и подняло тревогу в Панаме. В Чепильо они взяли в плен четырнадцать негров и мулатов, а также добыли двух жирных свиней, много подорожника и немного хорошей воды. Полагая, что атаковать Панаму теперь бесполезно, буканьеры решили поспешить к городу, чтобы хотя бы застать врасплох часть кораблей. К их лодкам добавился еще один пирагуа, который они нашли лежащим у Чепильо. Перед отплытием капитаны по непонятным для Рингроуза причинам приняли жестокое решение позволить индейцам убить всех испанских пленников у них на глазах - дикари давно жаждали их крови. Но по удивительному стечению обстоятельств пленники, хотя и не имели оружия, пробились внезапным броском сквозь все индейские копья и стрелы и невредимыми скрылись в лесу, к ужасу как белых, так и черных дикарей.

Пробыв в Чепильо всего несколько часов, лодки отчалили в четыре часа вечера, намереваясь достичь Панамы, до которой было всего семь лиг, до следующего утра. На следующий день (в день Святого Георгия), еще до восхода солнца, они прибыли в Панаму, "город", - говорит Рингроуз, - "с которого открывается очень приятный вид на море". Они могли видеть все корабли города, стоящие на якоре у острова Перико, расположенного в двух лигах от них, где были построены склады. Сейчас там стояли на якоре пять больших кораблей и три небольших армадильи (маленькие военные корабли). Эта флотилия, спешно укомплектованная для защиты города, как только увидела буканьеров, снялась с якоря, взяла под паруса и сразу же направилась на них, прямо против ветра и с такой скоростью, что грозила сбить их с ног. На корабле испанского адмирала было девяносто бискайцев, ловких моряков и крепких солдат. Все они были добровольцами и вышли показать свою доблесть под командованием дона Хасинто де Бараоны, верховного адмирала этих морей. Во втором отряде было семьдесят семь негров, возглавляемых храбрым старым андалузцем доном Франсиско де Перальта. В третьем, всего 228 человек, было шестьдесят пять мулатов

под командованием дона Диего де Карабаксаля. Испанцы получили строгий приказ не давать передышки.

К тому же, как ни странно, лишь несколько лодок буканьеров смогли подойти вовремя. В первых пяти каноэ, которые подошли, оставив тяжелые пирagua позади, было всего тридцать семь человек, да и те устали грести под ветром и пытаться подойти к противнику с подветренной стороны. Меньшая пирagua, подошедшая с еще тридцатью двумя людьми, составила в общей сложности шестьдесят буканьеров, включая короля Дариена, участвовавших в этом дерзком сопротивлении превосходящей силе.

Судно Карабаксаля, пройдя между каноэ Сокинса и Рингроуза, открыло огонь по обоим, ранив четырех человек на первом и одного на втором, но, медленно набирая ход, испанец дорого заплатил за свой проход: первый же ответный залп убил несколько человек на его палубе. Почти не успев перезарядиться, адмирал прошел мимо, но второй залп буканьеров полностью вывел из строя их гигантского антагониста, убив человека у руля; корабль налетел на ветер, и его паруса поникли. Теперь он падал, как хромой слон, на милость охотников; каноэ, подтягиваясь под корму, непрерывно стреляли по палубе, убивая всех, кто осмеливался прикоснуться к штурвалу, и разрывая грот и грот-брас. Сокинс, чье каноэ было выведено из строя, вошел в пирagua, чтобы встретиться с Перальтой, оставив четыре каноэ преследовать адмирала. Между Сокинсом и Перальтой, лежавшими рядом друг с другом, завязалась отчаянная борьба: каждый экипаж пытался высадиться на берег и стрелял так быстро, как только мог. Тем временем первое судно взяло галс и пришло на помощь адмиралу, но каноэ, видя опасность быть выбитыми с кормы адмирала и дать ему возможность восстать, отправили двух своих людей (Спрингера и Рингроуза) на встречу с Перальтой. Адмирал стоял на квартердеке и махал платком в знак того, что капитаны должны немедленно прийти к нему на помощь. Каноэ преследовали Перальту и взяли бы его на абордаж, если бы он не отдал им руль и не скрылся.

С громким криком оставшиеся лодки вцепились в руль адмирала и дали ослепительный залп, который убил адмирала и старшего лоцмана. Две трети испанцев были убиты, многие ранены, и все они были подавлены кровавой расправой под выстрелами буканьеров, кричали о четверти, которую им уже несколько раз предлагали, и сразу же сдались. Капитан Коксен взошел на борт приза, взяв с собой капитана Харриса, который был ранен в обе ноги, когда возглавлял абордажную команду. Они погрузили на борт всех остальных раненых и, укомплектовав два каноэ, поспешили на помощь Сокинсу, которого уже трижды отбивал Перальта.

Подойдя к нему вплотную и дав полный залп, они ожидали ответного, как вдруг с палубы вырвался вулкан огня, и все испанцы, находившиеся за мачтой, взлетели на воздух или в море. Пока отважный капитан, прыгнув за борт, помогал утопающим, несмотря на дождь дробы и боль от собственных ожогов, на носу взорвалась еще одна банка с порохом. Под прикрытием дыма и неразберихи Сокинс взошел на борт и захватил корабль, или, по крайней мере, все, что от него осталось. Рингроуз говорит, что это было жалкое зрелище: не ни одного человека, который был бы либо убит, либо тяжело ранен, либо ослеп, либо ужасно обожжен порохом. В некоторых случаях сквозь почерневшие от пороха раны, где плоть была содрана до костей, виднелись белые пятна. У адмирала осталось двадцать пять человек из восьмидесяти шести, и из этих двадцати пяти только восемь могли теперь носить оружие.

Кровь ручьями стекала по палубе, каждый канат и доска были измазаны запёкшейся кровью.

Перальта, столь же благоразумный, сколь и храбрый, пытался всеми возможными доводами, забыв о собственных ранах и гибели своих людей, убедить буканьеров не нападать на оставшиеся в гавани суда. Только на самом большом, по его словам, было 350 человек, а остальные хорошо защищались. Но умирающий матрос, подняв голову с палубы, возразил ему и сказал, что на борту нет ни одного человека, а все экипажи размещены на броненосцах. Поверив скорее в предсмертную измену, чем в живую верность, буканьеры тут же направились к острову, и обнаружили, что корабли пустынные. Самый большой, *La Santissima Trinidad*, был подожжен: команда, потеряв передний парус, пробила его днище. Капитаны быстро потушили пожар и, устранив течь, превратили свой приз в плавучий госпиталь. Они обнаружили, что в этом отчаянном морском сражении, начавшемся через час после восхода солнца и закончившемся в полдень, у них было восемнадцать человек убитых и двадцать два раненых (только двое из них умерли). Оказалось, что третье судно, убегая, встретилось с двумя другими, но даже с таким подкреплением отказалось сражаться.

Их храбрый пленник Перальта, когда все было кончено, разразился многократными похвалами их мужеству, которое было так созвучно его собственному. Он сказал: "Вы, англичане, самые доблестные люди на свете, всегда желаете сражаться в открытую, в то время как все другие народы изобретают все мыслимые способы, чтобы забаррикадироваться и сражаться как можно ближе". "Несмотря на все это, - добавляет Рингроуз, - мы убили больше наших врагов, чем они нас". Через два дня после битвы буканьеры похоронили капитана Харриса, храброго англичанина из графства Кент, смерть которого очень оплакивали на флоте.

Новый город Панама, построенный на четыре мили восточнее того, который сжег Морган, после этого события трижды уничтожался огнем. Несколько человек все еще жили вокруг собора в старом городе. Новый город был больше старого, построен в основном из кирпича и камня и защищался гарнизоном из 300 солдат и 1000 ополченцев. Впоследствии они узнали, что войска тогда отсутствовали, и если бы они высадились, а не напали на флот, то могли бы занять это место, поскольку все лучшие стрелки находились на борту адмиральского судна.

На пяти судах, захваченных в Перико, было много трофеев. *Тринидада* (400 тонн) была нагружена вином, сахаром, сладостями, шкурами и мылом. Второе судно (300 тонн), частично груженное железными слитками, одним из самых богатых товаров, ввозимых в Южное море, было сожжено буканьерами, поскольку испанцы не хотели его выкупать. Третье судно, 180 тонн, груженное сахаром, было отдано капитану Куку; четвертое, старое судно (60 тонн), груженное мукой, было сожжено как бесполезное со всем своим грузом. Пятое, 50-тонное, с пирагуа, досталось капитану Коксену. Две армадиллы, на которых сохранились такелаж и паруса, и барк, груженный домашней птицей, также были сожжены.

Капитан Коксен, возмущенный обвинениями в трусости, выдвинутыми против него в ходе последних действий, решил вернуться к кораблям в северных морях вместе с семьюдесятью людьми, которые помогали ему в избрании. Вместе с ним вернулись индийский король, дон Андраас и дон Антонио. Король оставил своего сына и племянника на попечение капитана Сокинса, который теперь был главнокомандующим, и пожелал ему не щадить испанцев. Через несколько дней после этого капитан Шарп вернулся с королевских островов, захватив испанское судно и сжег свое. Команда капитана Харриса также захватила судно и, разобрав свое, пустила пленников по дну, а вскоре после захвата птицеловного судна с самыми жалкими испанцами поступили точно так же.

Пробыв в Панаме десять дней, флот направился к острову Тавога, где обнаружил деревню из 100 домов, совершенно безлюдную, многие из которых были сожжены по неосторожности пьяного матроса. Панамские купцы прибыли сюда, чтобы продать товары буканьеров и купить награбленное с их собственных судов, отдав за каждого негра 200 кусков восьмерки. Пробыв здесь восемь дней, они захватили судно из Труксильо, груженное деньгами для оплаты гарнизона Панамы, а в трюме находилось 2000 кувшинов вина и пятьдесят кувшинов пороха. Судно с мукой, пришедшее оттуда же, сообщило им, что через несколько дней придет корабль, груженный еще 100 000 кусков восьмерки.

На послание президента, посланного несколькими купцами спросить, зачем они прибыли в эти края, капитан Сокинс ответил, что прибыл, чтобы помочь королю Дарьена, истинному владыке страны, и требует выкуп в размере 500 кусков восьмерки за каждого матроса и 1000 за командира. Он также должен был пообещать не беспокоить индейцев, которые были естественными хозяевами этой земли. Узнав от гонцов, что в городе находится некий священник, ныне епископ Панамы, а ранее Санта-Марты, Сокинс, помня, что был его пленником при взятии этого города пять лет назад, послал ему в подарок два куска сахара. На следующий день епископ в ответ послал ему золотое кольцо. В то же время президент прислал еще одно письмо, желая увидеть свою комиссию, чтобы знать, какой власти жаловаться. Сокинс ответил, что пока все его люди не собрались вместе, но когда они соберутся, то придут в Панаму и принесут свои комиссии на дулах своих ружей, и тогда он должен будет прочитать их так ясно, как только позволит ему пламя пороха.

В связи с тем, что люди стали бунтовать, требуя свежего мяса, Сокинс был вынужден отказаться от надежды захватить богатое судно из Перу и отправиться к острову Отоке, чтобы купить птиц и свиней, потеряв при этом два барка, один с семьей, а другой с пятнадцатью людьми. Находясь у жемчужного промысла Кайбоа, Сокинс и Шарп совершили неудачное нападение с шестидесятью людьми на город Пуэбла-Нуэва. Их переправил вверх по реке на каноэ пленный негр. В миле ниже города были высажены большие деревья, чтобы перегородить ручей, а перед городом были возведены три мощные крепостные стены. Сокинс, яростно взбежав на откосные валы, был застрелен, а его люди отброшены к своим лодкам: два человека были убиты и трое ранены при отступлении, которое было проведено в довольно хорошем порядке. Однако вскоре после этого они захватили судно, груженное индиго, и сожгли два других. Этот капитан Сокинс, по словам Рингроуза, был таким же доблестным и мужественным, как и все остальные, и, наряду с капитаном Шарпом, самым любимым. Его смерть была оплакана и послужила поводом для новой сухопутной экспедиции. Сдав свой последний приз капитану Куку, Шарп забрал свое судно и отдал его шестидесяти трем мужчинам, пожелавшим вернуться домой. Они взяли с собой всех индейцев, чтобы те служили проводниками по суше.

Прежде чем они отправились в путь, Шарп, собрав полный совет на борту *"Тринидада"*, предложил застраховать на 1000 фунтов всех, кто выполнит план Сокинса и отправится домой Магеллановым проливом, но никто не остался. Сам Рингроуз признает, что должен был уйти с ними, но побоялся индейцев, а также долгого и опасного путешествия в сезон дождей.

В Кайбоа люди набирали воду и рубили дрова, убивали аллигаторов, солили олени и черепах. Здесь с Рингроузом произошли два "замечательных события". Во-первых, он съел устрицу такого размера, что счел нужным разрезать ее на четыре большие порции: во-вторых, когда он мылся в пруду, на него упало несколько капель с дерева мансанилья, и эти капли вспыхнули красным извержением, которое продолжалось неделю. Здесь Шарп сжег один из своих призов ради железной работы и принял капитана Кука, чьи люди

взбунтовались, на борт своего корабля, назначив вместо него командиром Джона Кокса, жителя Новой Англии.

Теперь Шарп решил пристать к острову Горгона, а затем отправиться в Гуаякиль, где капитан Хуан, капитан денежного судна "Тавога", заверил их, что они могут выбросить серебро и нагрузиться золотом. Они выбрали Горгону, потому что из-за вечных дождей испанцы редко там появлялись. Моряки, проигравшие свои деньги в азартные игры, были нетерпеливы к этим задержкам и заявили, что теперь испанцы выиграют время, и все побережье будет встревожено и перейдет в оборону. Но более богатые люди, желая отдохнуть, решили отправиться на Горгону.

На этом острове они выловили грот-мачту, стреляли в китов, убивали обезьян, змей и черепах для еды, но, испытывая недостаток в провизии, поймали большого ленивца и убили змею толщиной в четырнадцать дюймов и длиной в двенадцать футов. Во время швартовки здесь умер от злокачественной опухоли Джозеф Габриэль, чилиец, укравший дочь индийского короля. Он был очень верным и раскрыл множество заговоров и заговоров среди заключенных, предполагавших побег и убийства.

Теперь Шарп отказался от замысла напасть на Гуаякиль и решил атаковать Арику, место, где хранится вся плита Потоси. Старик, который много служил у испанцев, пообещал им 2000 фунтов стерлингов за человека.

После двухнедельного плавания они прибыли на остров Плате, названный так потому, что Дрейк разделил там добычу между своими людьми. Испанцы рассказывали, что в армаду галеонов он взял двенадцать тонн пластин и что у каждого из его сорока пяти человек было шестнадцать чаш, полных отчеканенных денег - его корабли были так полны, что им пришлось выбросить большую часть за борт. В соседней бухте Манта во времена Кромвеля лимское судно, груженное тридцатью миллионами долларов, направлявшееся в подарок Карлу I, было потеряно из-за того, что находилось слишком близко к берегу. Когда они ловили коз на этом острове, на котором до сих пор стоит крест первого испанского первооткрывателя, к ним присоединился капитан Кокс, которого они потеряли за две недели до этого, как они опасались, безвозвратно. За день они убили и засолили на этом острове сто козлов, а один человек за несколько часов в одной маленькой бухте перевернул семнадцать черепах. Перальта поздравил их с тем, что за две недели они ушли так далеко на ветер, как испанские капитаны за три месяца, поскольку они смело держались так далеко от берега.

Проходя мимо Гуаякиля, они заметили испанское судно и пустились в погоню. Когда пленный индеец по-испански приказал им спустить паруса, враги ответили, что сначала спустят англичанину, и ответили своими аркебузами на мушкеты буканьеров, пока одна пуля не убила человека у руля, а другая не перебила грот-фалды, и они не закричали, прося четверть. На борту было тридцать пять человек, в том числе двадцать четыре испанца и несколько знатных особ. Брат капитана, после смерти дона Хасинто де Барахона в Панаме, был адмиралом армады. Во время боя такелаж буканьеров был сильно изрезан, два человека были ранены, кроме того, один матрос был застрелен в результате несчастного случая. Капитан, судя по всему, в порыве бравады поклялся атаковать их флот, если сможет встретить его. Испанец, очень "вежливый и кроткий джентльмен", сообщил им, что губернатор Лимы, узнав об их визите в Панаму, собрал пять кораблей и 750 матросов, а еще два судна и 400 солдат, предоставленных вице-королем, готовятся к отплытию. Паташе с двадцатью четырьмя пушками также лежал в Кальяо, готовый вывезти королевскую тарелку

из Арики. В Гуаякиле они построили два форта и набрали 850 человек всех цветов кожи. В тот же день англичане сняли с якоря свой новый приз и потопили его.

Подсчитав награбленное, они обнаружили, что у них теперь 3 276 штук восьмерки, которые сразу же были поделены. В тот же день они наказали испанского монаха, который был капелланом на последнем призе, и, расстреляв его на палубе, выбросили за борт, пока он не умер. "Такие жестокости, - говорит Рингроуз, - хоть и вызывали у меня отвращение, но здесь я был вынужден держать язык за зубами и не противоречить им, так как не имел власти перечить им". Теперь пленники признались, что убили лодку с людьми буканьеров, заблудившуюся возле Кайбоа, и узнали от единственного выжившего о планах на Гуаякиль.

Судно капитана Кокса было настолько медленным, что требовало буксировки, и они потопили его, так что теперь на одном дне находилось 140 мужчин и мальчиков и пятьдесят пять пленников. Находясь подветренной стороной к Тумбесу, Перальта рассказал им легенду о священнике, который однажды высадился там лицом к лицу с 10 000 индейцев, уставившихся на его поднятый крест. Когда он вышел из лодки на берег, прежде чем вода успела стереть его следы, из леса навстречу ему вышли два льва и два тигра, но когда он осторожно положил крест им на спины, они упали и поклонились ему, после чего все индейцы вышли вперед и крестились.

Ночью, когда они проходили мимо Паиты, они заметили парус и пустились в погоню, следуя за ним по огням, которые он показывал по неосторожности. Скудость провизии еще больше усилила их преследование, и, подойдя к испанцу, он мгновенно спустил все паруса и сдался. Буканьеры бросили кости, кто первым должен подняться на борт, и жребий пал на вахту у правого борта. На судне было пятьдесят пачек какао, много шелка-сырца и индийской ткани, а также множество тюков нитяных чулок. Приз был разграблен и разобран, пленников отправили на нем в плавание, снабдив лишь передним парусом, водой и небольшим количеством муки. Главных пленников, таких как дон Томас де Аргандона, командир гуаякильского судна, его друзья дон Кристоваль и дон Бальтазар, знатные господа, капитан Перальта, Морено, лоцман, и двенадцать рабов, чтобы выполнять тяжелую работу, все еще держали. На следующий день моряк, раненный при захвате судна Гуаякиля, умер и был похоронен с церемонией: три французских залпа прозвучали, когда тело спускали в глубину.

Следующей экспедицией было нападение на Арику со 112 людьми, сначала они отправили пять лодок, чтобы захватить несколько рыбаков на реке Хуан Диас, которых они могли бы использовать в качестве шпионов.

К своему большому огорчению, они обнаружили, что высадка на берег невозможна, а все побережье вооружено. Конные войска покрывали невысокие холмы вокруг бухты, а неподалеку от них стояли на якоре шесть кораблей. Отказавшись от этого проекта, эти неутомимые мародеры (скорее пираты, чем настоящие буканьеры) отправили четыре каноэ и пятьдесят человек, чтобы разграбить город Хилло. На берегу англичан встретили несколько всадников, которые после нескольких залпов обратились в бегство. Подойдя к городу, они пробили себе путь через небольшое укрепление из глины и мешков с песком и взяли город. Умиравший индеец, раненный во время стычки, рассказал им, что жители города получили известие из Лимы за девять дней до этого и ожидали их прихода. В городе они нашли смолу, вино, масло и муку, и шестьдесят самых способных людей были отправлены на разведку в прилегающую долину. Они обнаружили, что она прекрасно засажена фиговыми, лимонными, лаймовыми, оливковыми и апельсиновыми деревьями, а в четырех милях вверх по ней находился сахарный завод, большая часть сахара была вывезена. Испанцы, наблюдавшие за ними с холмов, забросали их камнями, но спрятались, когда в ответ

раздался мушкетный выстрел. Капитан Кокс и голландский переводчик были отправлены с флагом перемирия к испанцам, те согласились дать восемьдесят быков в качестве выкупа за мельницу, а капитану Шарпу было отправлено сообщение, чтобы он не трогал погонщиков волов, когда они придут. Услышав, что шестнадцать волов уже прибыли в порт, люди, вопреки мнению Рингроуза, вернулись на корабли, груженные сахаром, и обнаружили, что вся история с прибытием волов была простой уловкой. Обратившись к испанцам, они пообещали, что скот прибудет этой ночью, но в конце концов заявили, что ветер настолько сильный, что они не могут перегнать стада. Разгневанные этой задержкой, буканьеры, набравшие воды, отправили 100 человек вверх по долине и сожгли дом, мельницу и тростник, унесли сахар, разбили кувшины с маслом и разбили медные колеса. У берега на них напал отряд из 300 всадников, которые застали их врасплох, но не раньше, чем они побросали сахар и взялись за оружие.

Остальное расскажет Рингроуз: "Мы, будучи в хорошем строю и порядке, - говорит он, - честно предложили им сражение в бухте; но когда мы выдвинулись им навстречу, они отступили и направились к горам, чтобы окружить нас и отнять у нас скалы, если это будет возможно. Тогда, поняв их намерения, мы вернулись назад и овладели упомянутыми скалами, а также нижним городом, как сами испанцы овладели верхним городом (на расстоянии полумили от нижнего), холмами и лесами, примыкающими к нему. Всадники теперь владели этими кварталами, и мы могли видеть, насколько хватало глаз, все больше и больше людей, прибегающих к ним, так что их силы ежечасно увеличивались до значительного числа. Мы стреляли друг в друга до тех пор, пока могли видеть, и пока позволял день. Но тем временем мы заметили, что некоторые из них выехали на сторожевой холм и часто смотрят в сторону моря. Это дало нам повод опасаться, что в ту сторону движется еще больше сил и войск, которых они ожидали каждую минуту. Тогда, чтобы не проделать еще больший путь, чем прежде, мы решили высадиться тихо, в темноте ночи". Они взяли с собой большой сундук сахара (семь фунтов с половиной на каждого человека), тридцать кувшинов масла и много фруктов, диких и культурных. Судя по всему, на следующее утро они решили, что враг тоже бежал ночью, так как было видно всего пятьдесят человек. Пленники, увидев в сумерках комету, рассказали англичанам, что множество подобных явлений предшествовало прибытию буканьеров в Южное море. Их храбрый пленник, капитан Перальта, в это время начал проявлять признаки сумасшествия: его разум был потрясен постоянными лишениями и отчаянием от долгого заключения.

Затем буканьеры высадили 100 человек, надеясь захватить врасплох город Ла-Серена. И здесь испанцы проявили бдительность, и им пришлось прорваться через 100 всадников, чтобы достичь города, убив трех офицеров и ранив четырех человек. В городе было семь больших церквей и множество богатых купеческих домов, окруженных садами. Жители бежали, унеся или закопав все свои сокровища, а пленный чилиец рассказал, что испанцы убили большую часть своих негров и даже рабов-чилийцев, опасаясь, что они взбунтуются и присоединятся к буканьерам. Отряд из сорока человек с чилийским проводником тщетно рыскал по лесу, пытаясь найти пленников для проводников. Испанцы, послав флаг перемирия, согласились заплатить за город 95 000 кусков восьмерки в качестве выкупа; но, не донеся его, подожгли. Воспользовавшись землетрясением, испанцы открыли шлюзы и затопили улицы. Каждый дом, по словам Рингроуза, был подожжен отдельно, чтобы сделать пожар полным. Затем на корабли были отправлены два отряда, нагруженные добычей, которые по пути разбили засаду из 250 испанских лошадей. Во время их отсутствия была предпринята дерзкая попытка сжечь их корабль. Враг нанял человека, который проплыл под кормой корабля на лошадиной шкуре, надутой как пузырь. Затем он набил паклю и серу между килем и кормовым столбом и поджег руль. Люди, встревоженные дымом, бегали вверх

и вниз, не зная, где может быть огонь, и полагая, что это сделали пленники, чтобы сбежать. Наконец источник зла был обнаружен, и пламя потушили. Перед отплытием буканьеры отпустили всех пленников, не зная, что с ними делать, и опасаясь, что они взбунтуются или, возможно, попытаются сжечь корабль.

Достигнув острова Хуан-Фернандес, они отпраздновали праздник Рождества, выпустив три залпа дробы и убив за один день шестьдесят коз. Берег был так густо покрыт тюленями, что им пришлось застрелить нескольких, чтобы высадиться на берег. Затем они наполнили 200 кувшинов с водой и едва не заблудились в месте под названием "Ложная дикая гавань", где убили несколько морских львов. Свои постели они сделали из папоротника. Именно на этом острове, как сообщил им лоцман, пять лет прожил брошенный моряк (Александр Селькирк).

Теперь, посреди бурь и опасностей, все люди были охвачены мятежом. Одни выступали за то, чтобы вернуться в Англию или на плантации и вернуться Магеллановым проливом, другие - за то, чтобы подольше оставаться в этих морях. Все согласились сместить капитана Шарпа и избрать Джона Уотлинга, старого капера, "и крепкого моряка". Следующее воскресенье было первым, говорит Рингроуз, которое соблюдалось по общему согласию после смерти Сокинса, который выбрасывал кости за борт, если находил их в этот день в употреблении.

Хуан Фернандес изобиловал капустными пальмами и строительным лесом. Рыба кишела в таких количествах, что ее можно было ловить голым крючком, причем один матрос за несколько часов наловил столько, что хватило бы на всю команду. В бухте виднелись отмели длиной в милю. Охотники, занятые ловлей рыбы, отстрелом козлов и рубкой леса, внезапно подняли тревогу: к острову приближались три испанских корабля, и, сорвав тросы, буканьеры поспешно вышли в море. В суматохе Уильям, индеец Москито, которого в то время не могли найти, остался позади, чтобы перенести трудности, которые за несколько дней до этого, возможно, слышал от лоцмана знаменитый Александр Селькирк (прототип Робинзона Крузо).

Три испанских судна оказались: "*Эль Санто Кристо*" (800 тонн) с двенадцатью пушками, "*Сан Франциско*" (600 тонн) с десятью пушками и третье судно (350 тонн). Как только они появились в поле зрения, они вывесили "кровавые флаги", и буканьеры, ничуть не испугавшись, сделали то же самое. Англичане, держась под ветром, не желали сражаться, так как испанцы держались вместе, а их новый командир Уотлинг показал слабое сердце. В конце концов троица ушла, радуясь, что осталась невредимой.

Решив нанести второй визит в Арику, двадцать пять человек и два каноэ были отправлены за проводниками с острова Икеке. На берегу материка они нашли хижину, построенную из костей кита, крест и несколько разбитых кувшинов.

Они привезли с острова, который сначала не смогли обнаружить, двух старых белых мужчин и двух индейцев. Как выяснилось, жители Арики приезжали сюда за глиной, а туземцы были вынуждены привозить всю воду с материка. Индейцы не носили одежды и жевали листья, которые окрашивали их зубы в зеленый цвет. Один из старых пленников, которого допрашивали, был застрелен по приказу командира, который посчитал, что он лжет, хотя, как выяснилось впоследствии, он не говорил ничего, кроме правды. Шарп был обеспокоен и недоволен этим жестоким и необдуманном приказом и, взяв воду и вымыв руки, сказал: "Господа, я чист от крови этого старика и гарантирую вам жаркий день за эту жестокость, когда бы мы ни вступили в бой в Арике". Другой пленник рассказал, что он был начальником пятидесяти рабов, принадлежавших губернатору города. Эти рабы ловили рыбу и продавали

ее в сушеном виде во внутренних городах. В гавани стояли три чилийских корабля и барк, а в городе - укрепление из двенадцати пушек. По его словам, жители уже узнали из Кокимбо об их прибытии, вывезли и закопали свои сокровища. Кроме того, по его словам, вокруг города были возведены крепостные стены, а на каждой улице - баррикады.

Не обращая внимания на эти предупреждения, буканьеры на следующий день отправились в путь на шлюпке и четырех каноэ, гребли и плыли всю ночь, надеясь застать Арику врасплох. На рассвете они спрятались под скалами, опасаясь быть замеченными, а ночью снова пустились в плавание. В воскресенье (30 января) 1680 года - "священной памяти короля Карла Мученика" - они высадились среди скал в четырех милях к югу от города, девяносто два человека сошли на берег, остальные остались защищать лодки. По сигналу было решено, что при одном дыме они должны подойти к гавани на одном каноэ, но если будет два дыма, то они должны "увести всех, оставив только пятнадцать человек с лодками". Поднявшись на крутой холм, они не увидели испанцев и надеялись, что сюрприз удался; но когда они спускались с другой стороны, три всадника, находившиеся на смотровом холме, проскакали вниз на полной скорости и встревожили город. Сорок человек, атаковавших форт с ручными гранатами, увидев, что их товарищи одолели, побежали вниз в долину, чтобы присоединиться к ним. "Здесь бой был очень отчаянным, и они убили и ранили еще двух наших людей из своих укреплений, прежде чем мы смогли настичь их. Но ярость наша росла вместе с ранами, мы все равно продвигались вперед и в конце концов выбили врага из всех и заполнили трупами все улицы города. Неприятель несколько раз отступал от одного укрепления к другому, но у нас не было достаточного количества людей, чтобы занять все захваченные места. Так что не успевали мы выбить их из одного места, как они приходили другим путем и снова занимали его с новыми силами и свежими людьми". Так говорит Рингроуз.

Неосмотрительно перегрузив себя пленными, они обнаружили, что в этом месте находилось 400 солдат из Лимы, 200 вооруженных горожан и 300 человек, составлявших гарнизон форта. Оказавшись почти хозяевами этого места, англичане послали потребовать сдачи форта и, не получив ответа, перешли в наступление. Несколько раз отбитые, буканьеры наконец взобрались на вершину соседнего дома и открыли огонь по крепости; но, будучи вновь окруженными врагом, они были вынуждены остановиться. Численность и мощь врага росли с каждым часом, и, почти одолев его, англичане были вынуждены отступить к госпиталю, где хирурги выхаживали раненых. Капитан Уотлинг и оба квартирмейстера были убиты, а многие получили увечья. Остальное пусть расскажет Рингроуз.

"Итак, теперь, когда враг сплотился против нас и бил нас с места на место, мы находились в очень растерянном состоянии и скорее погибли бы все, чем избежали кровопролития того дня. Теперь мы убедились в правдивости слов капитана Шарпа, прекрасно понимая, что день был слишком жарким для нас, после того как мы с такой жестокостью хладнокровно убили старого индейца-метиса.

"Окруженные со всех сторон трудностями, в большом беспорядке, не имея никого, кто мог бы отдать приказ, что оставалось делать? Мы были рады увидеть нашего старого доброго командира, капитана Бартоломею Шарпа, и очень убедительно просили его посочувствовать нашему положению и спасти нас. Прошло немало времени, прежде чем он обратил внимание на нашу просьбу, так сильно он был недоволен прежним мятежом наших людей против него, который произошел по наущению мистера Кука.

"Но мистер Шарп - человек непоколебимой храбрости и прекрасного поведения, не боящийся смотреть в лицо оскорбительному врагу, и человек, знающий теорию и практику

навигации не хуже многих. После этого, по нашей убедительной просьбе и ходатайству, он снова принял на себя главнокомандование и начал раздавать приказы для нашей безопасности. Он хотел бы вызвать наших хирургов, но они, напившись, пока мы штурмовали форт, не пошли с нами, когда их позвали. Они убили и забрали двадцать восемь человек из нашего числа, кроме восемнадцати, которых мы привели с собой и которые были отчаянно ранены. В это время мы все были крайне слабы от недостатка воды и еды, которых у нас не было весь тот день. Кроме того, мы почти задохнулись от городской пыли, так сильно поднятой их пушками, что мы едва могли видеть друг друга. Они выбили нас из города, затем последовали за нами в саванну, продолжая атаковать так быстро, как только могли. Но когда они увидели, что мы воспряли духом, снова решив погибнуть один за другим, они побежали от нас в город и укрылись под своими крепостными стенами. Таким образом, мы отступили в таком порядке, какой только можно было соблюсти в этом смятении. Но их всадники следовали за нами, когда мы отступали, и стреляли по нам всю дорогу, хотя и не приближались к нашим пушкам, так как их пушки были дальше наших и стреляли в нас более чем на треть. Для большей безопасности мы заняли берег моря, и когда враги увидели это, они устремились к холмам, скатывая с них большие камни и целые скалы, чтобы уничтожить нас. Тем временем жители города осмотрели наших хирургов и других людей, которых они взяли в плен. Они передали им наши знаки, которые мы оставили нашим лодкам, находившимся позади нас, так что они немедленно раздули два костра, которые были замечены каноэ. Это была самая большая из наших опасностей; ведь если бы мы в тот же миг не подошли к берегу моря, наши лодки ушли бы, они уже были под парусом, и мы неминуемо погибли бы все до единого человека. Таким образом, мы отошли от берега и взошли на борт около десяти вечера, пробыв весь день в кровавой схватке с врагом".

Буканьеры, потерпевшие жестокое поражение, некоторое время курсировали за пределами порта, надеясь отомстить за три корабля, но не решились. Арика Рингроуз описывает как квадратное место, с замком в одном углу. Высота домов составляла всего одиннадцать футов, а построены они были из земли. Это было место посадки всех минералов, отправляемых в Лиму. Из английских пленников выжило только десять человек. Испанцы потеряли более семидесяти человек, в три раза больше было раненых, а из сорока пяти союзников из Хилло живыми вернулись только двое.

Разделив пластины, они обнаружили, что на каждого человека приходится только тридцать семь кусков по восемь. Высадившись в Гуаско, они захватили 500 кувшинов воды, увели 120 овец, 80 коз и 200 бушелей муки. В Хило они застали жителей города спящими и услышали ложное сообщение о том, что 5000 англичан взяли Панаму. Они унесли с собой восемнадцать кувшинов вина и несколько новых фиг, а поднявшись на сахарный завод, который они уже посещали, нагрузили семь мулов патокой и сахаром. Горожане сказали им, что владелец мельницы подал на них в суд за то, что они нанесли ему больший ущерб, чем буканьеры.

Через несколько дней после этого вспыхнул еще один мятеж, и сорок семь человек, отказавшись служить дальше под началом капитана Шарпа, высадились у острова Плейт с пятью рабами-индейцами, которые служить проводниками. Возле острова Чика они захватили два испанских судна, одно из которых было тем самым кораблем, который они ранее захватили в Панаме. Здесь они узнали, что некоторые из их сухопутных партий захватили хороший корабль в Порто-Бельо. Захватив в этом месте нескольких испанских корабельщиков, они в течение двух недель занимались переделкой их судна, а затем отпустили их на свободу вместе с другими пленниками, отдав им один из своих призов, а на другом разместив шесть человек и двух рабов.

На совете они договорились взять курс на Гольфо-Дольче, там завести свои суда и плыть по экватору. Они высадились в Гольфо-Дольче и, любезно обойдясь с некоторыми индейцами, которых они взяли в плен, купили у них мед и дорожный хлеб. Здесь они узнали, что испанцы, вероломно захватив сорок дарьенских вождей, принудили туземцев к миру. Оказавшись здесь, они вскоре захватили богатый приз - судно *"Сан-Педро"*, направлявшееся из Труксильо в Панаму, доверху нагруженное 37 000 штук восьмерки в сундуках и мешках, а также пластинами. Это было то же самое судно, которое они захватили годом ранее, и теперь оно стало их призом во второй раз за четырнадцать месяцев. Экипаж состоял из сорока человек, кроме монахов и купцов. Забрав часть груза какао, они срубили мачты и пустили судно в плавание со всеми старыми рабами в качестве *"награды за хорошую службу"*, взяв новых из приза. Франциско, негра, который пытался бежать, приплыв на берег в Гольфо-Дольче, они оставили в плену в наказание за неповиновение. Из этого приза каждый буканьер получил 234 штуки восьмерки, много оставалось для будущего раздела. С этого судна они узнали, что новый вице-король Перу, прибывший в Панаму, не решился отправиться в Лиму на своем корабле с двадцатью пятью пушками, а ждал армаду в качестве конвоя. Через несколько дней они захватили пакетбот, курсировавший между Лимой и Панамой. Монах и пять негров спаслись на берегу, но две белые женщины были схвачены. Порывшись в лодке, они не нашли ничего ценного, кроме письма, в котором сообщалось об отплытии вице-короля с четырьмя кораблями. После этого пленников и лодку отпустили. "В ту неделю, - рассказывает Рингроуз, - мы простояли в море всю ночь напролет, большинство наших людей были без сознания".

На следующий день они захватили испанское судно, которое поначалу напугало их своими размерами. Залпы буканьеров вскоре загнали испанцев в трюм и заставили их просить четверти, убив капитана с первого выстрела и ранив боцмана. Капитан Шарп и двенадцать человек первыми поднялись на борт. Это оказалось судно *"Эль Санто Росарио"* под командованием дона Диего Лопеса, направлявшееся из Кальяо в Панаму. Экипаж насчитывал сорок человек. Корабль был доверху нагружен пластинами и монетными деньгами, а также 620 кувшинами с вином и бренди. У мыса Пассао Шарп потопил захваченный в Никои барк, сохранив его такелаж, и, выведя из строя последний приз, отправил на нем пленников, оставив лишь одного человека по имени Франциско, который называл себя лучшим лоцманом в этих морях. Затем они разделили добычу, которая составила девяносто четыре куска по восемь на человека. От этих пленников они узнали, что с их людьми, захваченными в Арике, любезно обращались в Кальяо. Из последней партии один попал в плен, а остальным пришлось пробиваться по суше через индейцев и испанцев. Также было объявлено, что десять буканьеров собираются войти в Южное море. В августе они снова высадились, чтобы убить коз на острове Плейт, где Рингроуз и Джеймс Чаппел, квартирмейстер, устроили дуэль на берегу, результат которой нам неизвестен. Вечером того же дня был раскрыт заговор рабов, в ходе которого они задумали убить всех своих хозяев, когда те будут в подпитии, не щадя никого. Зачинщик, Сан Джаго, пленник из Икеке, прыгнул за борт, когда заговор был раскрыт, и был застрелен капитаном. Остальные, напуганные его смертью, были прощены, и в ту же ночь, несмотря на опасность, устроили обычное дебоширство. От своего лоцмана они узнали, что судно из Лимы, направлявшееся в Гуаякиль, недавно выбросилось на берег в Санта-Кларе, потеряв 100 000 кусков восьмерки, которые должны были стать их призом. Они также узнали, что вице-король Перу обезглавил великого адмирала Понсе за то, что не уничтожил флот буканьеров в Горгоне.

Затем они направились к Паите, но обнаружили, что это место гарнизоново тремя конными и пешими ротами, хорошо вооруженными, из Пуиры, расположенной в двенадцати лигах вверх по стране. 150 мушкетеров и 400 улан заняли холм и леерное укрепление и

обстреливали каноэ. Если бы они позволили им высадиться на берег, то могли бы перебить их всех до единого человека. Обнаружив, что все побережье встревожено, они сразу же направились к Магелланову проливу. Остановившись у каких-то неизвестных островов, они почти склонились к тому, чтобы перезимовать там. Здесь они стреляли гусей, варили бульон из лимпетов, а одна из лодок захватила индейца и застрелила другого. Пленник был одет в тюленью шкуру и нес сеть для ловли пингвинов. Он был настолько силен, что мог открывать мидии пальцами, и его взяли в рабство, назвав Орсоном. Затем они приступили к разделу восьми сундуков с деньгами, которые еще не были распределены, и каждый получил по 322 куска из восьми. 7 декабря капитан Шарп получил сведения о заговоре с целью застрелить его во время празднования Рождества. Единственная мера предосторожности, которую он предпринял, - это сразу же разделить все имеющееся вино, полагая, что ни один трезвый человек не станет совершать столь подлый поступок. Каждому досталось по три кувшина. Холод стал настолько сильным, что у нескольких негров-рабов свело ноги, а некоторые умерли. День Рождества отметили убийством жирной свиноматки - это была первая плоть, которую мужчины ели с тех пор, как покинули остров Плата. К 16 января дни снова стали очень жаркими, а ночи - прохладными и росистыми. Утомленные путешествием, люди предложили по восемь кусков "каждому" тому, кто первым обнаружит землю. Вскоре на это указали птицы, а 28 января зоркий наблюдатель заметил Барбадос; но, услышав о мире, они не решились заходить туда из страха быть захваченными, а потому направились к Антигуа, сильно опасаясь фрегатов и избегая даже бристольского интервента, который был на подходе. Рингроуз говорит: "Здесь мне нелегко выразить ту безграничную радость, которую мы испытывали весь этот день, снова увидев своих соотечественников". Затем они освободили негра, сапожника, которого держали в плену и который был очень полезен во время плавания. Капитану Шарпу люди отдали в рабство мальчика-мулата в знак уважения всей компании к нему за то, что он благополучно провел их через столько опасных приключений. Затем они разделили последние посылки с деньгами и получили по двадцать четыре штуки по восемь на человека. Маленькая испанская шоковая собака, взятая в качестве приза, также была продана у мачты за сорок кусков по восемь, причем хозяин обещал, что все вырученные деньги пойдут на общий пир. Капитан Шарп купил собаку, заявив, что съест ее, если в ближайшее время они не получат разрешение на высадку. К этому добавилось еще 100 кусков по восемь, так как боцман, плотник и квартирмейстер поссорились из-за последнего дивиденда.

Достигнув Антигуа, Шарп отправил каноэ на берег, чтобы купить табак и другие необходимые вещи и попросить у губернатора разрешения высадиться на берег. В заключении книги Рингроуза рассказывается об остальном: "Местное дворянство и простой народ с большой готовностью и желанием приняли нас, но в среду, 1 февраля, губернатор категорически отказал нам во въезде, на что все дворяне были сильно обеспокоены, проявив к нам большую доброту; тогда мы договорились между собой отдать корабль тем из нашей компании, у кого не осталось денег из всех купленных в этом плавании, потеряв их во время игры, а сами сели на два корабля, идущих в Англию. Так я сам и еще тринадцать человек из нашей компании отправились на корабль капитана Роберта Портина под названием *"Лиссабонский торговец"*, отплыли из Ла-Антигуа 11 февраля и высадились в Англии 26 марта, anno 1682".

По прибытии в Англию капитана Шарпа судили за пиратство и оправдали. Он сразу же решил вернуться в Вест-Индию, но все торговые суда отказались везти его, боясь, что он подговорит их людей восстать против своего хозяина и сбежать с кораблем на каперство, как он уже делал раньше. Никакие обещания и уговоры не помогали, и казалось, что он обречен

оставаться пленником на острове, к которому не испытывал никакой сыновней привязанности.

Поэтому он решился на отчаянный план, достойный такого человека. Собрав немного денег, он купил за 20 фунтов стерлингов старую, полусгнившую лодку, стоявшую неподалеку от Лондон-Бриджа, и отправился в путь с шестнадцатью такими же бесстрашными, как и он сам, отчаянными головорезами, взяв с собой запас масла и сыра и две дюжины кусков соленой говядины. Плывя вниз по реке, он добрался до Даунса, где взял на бордаж и захватил французское судно, а его лодку потопил. Набегом на болото Ромни он снабдил себя скотом и уплыл, как и подобает смелому буканьеру, неизвестно куда, чтобы умереть.

ГЛАВА V. ПУТЕШЕСТВИЯ ДАМПИРА.

Уход капитана Шарпа - сухопутный поход через перешеек - присоединение к капитану Райту - крушение французского флота - возвращение в Англию - второе плавание с капитаном Куком - побережье Гвинеи - Хуан Фернандес - захват Амбаллы - захват Паиты - план Дампира по захвату рудников - нападение на галеон "Манилла" - капитан Лебедь - смерть неизвестна. Ван Хорн - захватывает галеоны - берет Веракрус - убит на дуэли Ле Граффом.

Дампир, один из самых мудрых и лучших английских путешественников, сам был буканьером. Сын фермера из Сомерсетшира, он рано вышел в море и стал вольным разбойником без особых угрызений совести, как раз в то время, когда братья с побережья опускались до уровня простых пиратов. "Нет мира за чертой" - таков был их ранний девиз; "Друзья для Бога и враги для всего человечества" - таков был поздний. Флаг, когда-то покрасневший от крови испанцев, теперь почернел от теней смерти и могилы.

Дампир был среди тех, кто покинул капитана Шарпа после страшного отпора в Арике. Его отряд состоял из сорока четырех англичан и двух индейцев москито, которые решили вновь пересечь Дарьенский перешеек и вернуться в северную часть Тихого океана. Они взяли с собой большое количество муки и шоколада, смешанного с сахаром, и дали взаимную страшную клятву, что если кто-либо из них утонет от усталости, то будет застрелен своими товарищами, а не позволит попасть в руки испанцев, которые не только подвергнут его ужасным пыткам, но и заставят предать своих товарищей.

Через две недели после отплытия кораблей они высадились в устье реки в заливе Святого Михаила, где, выгрузив провизию и оружие, затопили свои лодки, а пока готовились к путешествию вглубь страны, индейцы ловили рыбу и строили для них хижины, в которых они могли спать. На следующий день они вышли на индейскую тропу и достигли деревни, но, к своей тревоге, обнаружили, что испанцы поставили вооруженные корабли в устьях всех судоходных рек, чтобы перехватить их на обратном пути. Наняв проводника-индейца, они на следующий день добрались до дома туземца, но дикарь не дал им ни еды, ни информации. В любое другое время буканьеры тут же посадили бы его на дыбу или повесили на собственной двери, но они чувствовали, что здесь не место для гнева, ведь их жизни были в руках врага. Ни доллары, ни топоры, ни ножи не могли сдвинуть с места этого упрямого, пока один матрос не достал из сумки небесно-голубой подъяубник и не набросил его на голову жены индейца. Обрадованная подарком, она уговаривала мужа, пока он не дал им информацию и не нашел

проводника. Два дня шел сильный дождь, местность была трудной и утомительной, и не было ни одной тропы, которую мог бы обнаружить даже глаз индейца. Днем они ориентировались по рекам, а ночью - по звездам. Часто им приходилось переходить реки вброд по двадцать-тридцать раз за двенадцать часов. Дождь, холод, усталость и голод заставили их забыть даже об испанцах.

Через несколько дней они добрались до дома молодого испанского индейца, который жил с епископом Панамы и принял их любезно. Здесь, во время отдыха, чтобы просушить оружие и порох, их хирург, мистер Уофер, получил ожог колена от случайного взрыва. Протащив себя с болью еще день, он решил остаться с двумя или тремя другими. Он пробыл с индейцами пять месяцев, и опубликованный рассказ о его переживаниях существует до сих пор.

Сезон дождей, напугавший мистера Рингроуза, уже наступил, и гром и молнии были частыми и сильными. Долины и берега рек были переполнены, и буканьерам приходилось спать на деревьях или под их сенью, вместо того чтобы строить теплые и надежные хижины. В самый разгар бедствия рабы бежали и уносили с собой все, что могли. Дампир, единственной заботой которого было сохранить свой дневник, положил его в бамбук, закрыв с обоих концов воском. При переправе вброд одной из рек буканьер, который нес на спине 300 долларов, был снесен вниз по течению и утонул, но оставшиеся в живых были слишком безнадежны и утомлены, чтобы искать тело или золото.

Через восемнадцать дней англичане достигли реки Консепсьон и, взяв индейские каноэ, поплыли к Ле-Саундс-Ки, одному из островов Самбаллас, где встретились с буканьерами. Здесь они взошли на борт французского капера под командованием капитана Тристиана, отпустив своих индейских проводников с подарками в виде денег, бус и топоришков. В Спрингерс-Ки Тристиан присоединился к ним вместе с другими судами и напал бы на Панаму, если бы Дампир и его люди не помешали им. В течение недели совет обсуждал, какие города стоит разграбить от Тринидада до Веракруса. Французы и англичане никак не могли прийти к согласию, но в конце концов все отплыли к реке Карпентерс и пристали к острову Святого Андреаса. Корабли разделило штормом, и Дампир, невзлюбив своего французского командира, уговорил капитана Райта, англичанина, снарядить небольшое судно и отправиться в плавание за провизией вдоль побережья. Пока моряки стреляли пекари, оленей, попугаев, голубей, обезьян и птиц кувассоу, их индейцы mosquito добывали черепах для своих нужд.

По возвращении в Ле-Саундс-Ки к ним присоединился мистер Уофер, сбежавший от индейцев Дарьена, но он был так раскрашен и накрашен, что его долго не могли узнать. Индейский вождь предложил ему в жены свою дочь, и он спасся только тем, что притворился, будто отправился на поиски английских собак для охоты. Проезжая мимо Картахены, они с тоской посмотрели на монастырь, посвященный Деве Марии, расположенный на крутом холме за городом. В этом месте было накоплено огромное богатство, сюда часто приносили богатые подношения, и Богородица творила множество чудес. Любое несчастье, постигшее буканьера, приписывалось этой даме, и испанцы рассказывали, что она была за границей в ту ночь, когда *оксфордский* военный корабль взорвался у острова Вака, и что она вернулась домой вся мокрая, с испачканной и порванной одеждой.

Компания капитана Райта разграбила несколько мелких местечек в районе Рио-де-ла-Хаче и жемчужных промыслов Ранчерияс, а также захватила, после упорного боя, вооруженный корабль с двенадцатью пушками и сорока людьми, груженный сахаром, табаком и мармеладом, направлявшийся в Картахену из Сантьяго на Кубе. Голландский губернатор

Курасоа, ведущий большую торговлю с испанцами, не стал открыто покупать груз, но предложил, если он будет отправлен датчанам с острова Святого Фомы, приобрести его через его агентов. Отказавшись от этого, мореплаватели продали груз в другой голландской колонии, а затем отплыли к острову Авес, названному так из-за большого количества олуш и военных птиц. На коралловом рифе возле этого острова граф д'Эстре незадолго до этого потерял весь французский флот. Он сам первым выбежал на берег, и, выстрелив из пушек, чтобы предупредить остальных об опасности, они поспешили на ту же отмель, думая в темноте, что на него напал враг. Корабли держались вместе до следующего дня, и многие люди были спасены. Обычные моряки умерли от голода и усталости, но буканьеры, более выносливые и привыкшие к частым кораблекрушениям, сделали это спасение поводом для веселья и разврата. Как говорит Дампир, они, "привыкшие к подобным происшествиям, жили весело, и если бы они отправились на Ямайку с 30 фунтами в кармане, то не смогли бы веселиться больше; ведь они держали шайку в одиночку и следили, когда корабли разбивались, чтобы забрать товары, которые с них сходили, и, хотя многое разбивалось о скалы, все же множество вина и бренди переплывало через риф, где они ждали, чтобы забрать их". * * * "На борту одного из кораблей было около сорока французов, на котором был хороший запас спиртного, пока его нижняя часть не сломалась и не переплыла через риф, и его унесло в море, а все мужчины пили и пели, которые, будучи в подпитии, не обращали внимания на опасность, но впоследствии о них никогда не было слышно."

После этого кораблекрушения на Птичьем острове остался склад мачт и лонжеронов, и суда буканьеров стали приходить туда для ремонта и починки. Среди прочих там находился капитан Пан, француз. Двадцатипушечное голландское судно, посланное из Курасоа на поиски затонувших пушек, заметив капер, решило захватить его, прежде чем он начнет погружение. Пан, испугавшись превосходящих сил голландца, бросил свое судно и, высадив пушки, приготовился выставить редут. Пока он занимался этим, голландский шлюп вышел на дорогу, а ночью бросил якорь у противоположного конца острова. Ночью Пан с двумя каноэ высадился на судно и скрылся, оставив пустой корпус голландскому кораблю.

У этого острова люди Дампира сняли с мели свое самое большое судно, очистили сахарный приз и сняли с обломков две пушки. У острова Рокас мальтийский рыцарь, капитан французского тридцатипушечного корабля, купил десять тонн их сахара. Не сумев больше продать сахар в Пти-Гуаве, они отплыли на Бланко, необитаемый остров, заросший бурой древесиной и кишачий игуанами, которых можно было встретить в болотах, среди кустов и на деревьях. Их яйца ели буканьеры, а из плоти варили суп для своих больных.

Во время плавания по побережью Караккаса они высадились в некоторых бухтах и взяли семь или восемь тонн какао, а также три барки, груженные шкурами, бренди, глиняной посудой и европейскими товарами. Вернувшись в Рокас, они разделили добычу, и Дампир с девятнадцатью другими, сев на один из призов, достиг Виргинии в июле 1682 года.

Следующее путешествие Дампир совершил с креолом по имени Кук, который прибыл в Виргинию на французском судне, захваченном им хитростью в Пти-Гуаве. Он был квартирмейстером, или вторым помощником командира, у французского флибустьера по имени Ганди. По обычным законам буканьеров он стал капитаном большого испанского приза. Французские командиры того же флота, завидуя этому повышению, захватили корабль, разграбили команду английского приза и отправили их на берег. Тристан, другой французский капитан, забрал десять из них с собой в Пти-Гуавес. Кук и девять его товарищей, воспользовавшись днем, когда Тристан и многие его люди отсутствовали, одолели остальных членов команды, отправили их на берег и поплыли к острову А-ля-Ваш (). Здесь он набрал команду английских буканьеров и отправился в Виргинию, захватив по пути

два приза, один из которых был французским судном, груженным винами. Затем он продал вино и два корабля, а самый большой, "*Месть*", оснастил восемнадцатью пушками. Среди экипажа были Дампир, Вафер и Коули, все они написали рассказы о своих путешествиях. Они отплыли из Чесапика 23 августа 1683 года и захватили голландское судно, груженное вином и провизией. У мыса де Верд они столкнулись с ужасным штормом, который продолжался неделю. Пока судно под ветром и морем болталось на голых шестах, по приказу капитана его внезапно сломало, и оно бы затонуло, если бы не Дампир и еще один человек, которые, поднявшись на крышу и расправив лоскуты своих плащей, выправили корабль. На острове Сал моряки пировали языками фламинго. Эти птицы стояли в ряд вокруг прудов для кормления, так что напоминали новую кирпичную стену. Здесь же они купили амбру, которая, по словам Дампира, была у него в куске весом в 100 фунтов. В то время ее происхождение было неизвестно; сейчас считается, что это секречия кита. Губернатор и его двор на этом острове щеголяли в лохмотьях, их доходы были невелики и черпались в основном из соленых прудов, от которых остров и получил свое название. Выкопав колодцы, полив и убрав, они отправились в Майо за провизией, но им не разрешили высадиться, так как всего за неделю до этого капитан Бонд, пират из Бристоля, унес губернатора и некоторых его людей.

Направляясь к Магелланову проливу, они были отброшены к побережью Гвинеи и там с помощью хитрости захватили датский корабль. Капитан Кук, спрятав своих людей под палубой, подошел к датчанину как к слабому, безоружному торговому судну. Когда они подошли совсем близко, он громким голосом приказал положить штурвал в одну сторону, а рулевой по заранее обдуманному плану переложил его в другую и упал на борт датчанина, который был захвачен с потерей всего пяти человек. Корабль был вдвое больше их, имел тридцать шесть орудий, был оснащен и снабжен всем необходимым для длительного плавания.

Это судно они называли "*Восторг холостяка*", а "*Месть*" сразу же сожгли, чтобы она "не рассказывала сказок".

Во время частых смерчей у проливов, не имея свежего мяса, моряки ловили акул во время штиля и, сварив их мясо, тушили его с перцем и уксусом. Когда они достигли Фолклендских, или Себальд-де-Вейстских, островов, как их тогда называли, Дампир предложил капитану добраться до Хуана Фернандеса через мыс Горн, избегая проливов. Он опасался, что их люди, будучи каперами, своенравными и не слишком умелыми, не проявят достаточного внимания в столь трудном переходе, и, хотя, по его словам, они были более чем обычно послушны, он не мог рассчитывать на то, что в критические моменты они придут по первому зову. У этих островов они обнаружили, что море на милю вокруг красное от косяков мелких омаров в алых панцирях. Дампир не последовал совету, но, войдя в Южное море, они встретили лондонское судно "*Николас*", якобы предназначенное для торговли, но на самом деле являвшееся буканьером. Капитан поднялся на борт, рассказал о своих приключениях и снабдил их хлебом и говядиной. Они вместе добрались до Хуана Фернандеса и узнали от *Николаса* о лондонском судне под названием "*Сигнет*", которым командовал капитан Сван, плававший в этих широтах. Это был торговец, имевший лицензию герцога Йоркского, тогдашнего верховного адмирала Англии.

Экипаж обнаружил на острове индейца-москита, оставленного капитаном Уотлингом в экспедиции Луссана, поскольку тот охотился на коз, когда судно отплывало. Он был тепло встречен Дампиром, его земляком по имени Робин и несколькими старыми товарищами.

Робин, подбежав к нему, упал лицом к его ногам, а затем поднялся и обнял его. Они обнаружили, что он убил трех козлов и приготовил несколько капустных пальм, чтобы угостить своих гостей. Беседа, пишет Дампир, была нежной, торжественной и трогательной. Когда его покинули, у Уильяма не было с собой ничего, кроме ружья и ножа, пороха и дробы. Зазубрив нож на пилу, он разрезал ствол ружья на куски. Он раскалил их в огне и сделал из них копья, гарпуны, крючки и ножи. Он охотился на коз, ловил рыбу и убивал тюленей. Свою одежду он шил из шкур, ими же он выстилал свою хижину; ему удалось ускользнуть от поисков испанцев. На холмах и в травянистых долинах в изобилии водились дикие козы, изначально привезенные испанцами. Здесь было много воды и хорошей древесины, а бухты изобиловали тюленями и морскими львами, которые покрывали море на целую милю.

Пробыв здесь шестнадцать дней ради больных и страдающих цингой, получив воду и провизию, Кук направился к американскому побережью, отстояв от него на четырнадцать или пятнадцать лиг, чтобы не попасться на глаза испанцам. Хребты были синими и гористыми. Вскоре они захватили судно из Гуаякиля, груженное древесиной для Лимы, от команды которого узнали, что о их прибытии уже известно. Затем они бросили якорь у песчаного островка Лобос-де-ла-Мар и почистили свои корабли. Капитан Итон с корабля *"Николас"* предложил идти с ними в поход, и оба судна, набрав 108 способных людей, вскоре захватили еще один приз, а Итон - еще два, которые он преследовал. Они были нагружены мукой из Лимы для Панама, а на одном из них восемь тонн айвового мармелада. Пленники сообщили, что, узнав об их приближении, в одном из промежуточных портов было высажено 800 000 штук восьмерки. Далее они направились к Галапагосским островам, отказавшись от намерения посетить Труксильо, который, как они слышали, был недавно укреплен. На этих скалистых и бесплодных берегах они питались черепахами, голубями, рыбой и листьями маммийского дерева. У мыса Бланко капитан Кук умер и был похоронен на суше.

Захватив несколько испанских индейцев, посланных губернатором Панама в качестве шпионов, они использовали их как проводников и высадились на побережье в поисках скота. Здесь несколько человек были застигнуты врасплох полусотней вооруженных испанцев, и их лодка была сожжена. Опасные моряки перебрались на глубину по шею к изолированной скале у берега и оставались там в течение семи часов под пулями испанцев, пока их не сняли с корабля на лодке как раз в тот момент, когда поднялся прилив и стал их пожирать. Испанцы, затаившиеся в засаде, не сделали ни одной попытки оказать сопротивление.

Командиром был избран квартирмейстер Эдвард Дэвис, и, нарубив копья для рукояток весел, они направились к Риа-Лексе, ориентируясь на высокий вулкан, возвышающийся над городом и островом, образующим гавань. Но и здесь испанцы возвели укрепления и выставили часовых, и буканьеры отплыли к заливу Ампалла и острову Мангера. Дэвис захватил падре одной из деревень и двух индейских мальчиков и, отправившись в Ампалью, сообщил жителям, что он командует бискайским кораблем, посланным королем Испании очистить эти моря от пиратов, и что он прибыл туда, чтобы укрыться. Моряков хорошо приняли, угостили пирами и музыкой, и они все вместе отправились праздновать праздник при свете факелов в церкви. Здесь Дэвис надеялся держать их в клетке, пока не удастся выторговать выкуп, но нетерпение одного из его людей сорвало этот план. Толкнув зазевавшегося индейца, он поднял тревогу, все люди разбежались, а буканьеры, открыв огонь, убили одного из их вождей. Однако они остались добрыми друзьями, и вскоре эти самые индейцы помогли загрузить на корабль скот, принадлежащий женскому монастырю, расположенному на одном из островов залива. Уходя, Дэвис отдал им один из своих

призовых кораблей и некоторое количество муки, а также отпустил священника, который помог ему в его первой хитрости.

Экипажи рассорились, и Дэвис, претендовавший на самую большую долю общей добычи, покинул их, забрав с собой Дампира. Итон пристал к острову Кокос, закупил муку, взял воду и орехи какао. Дэвис высадился в Манте, деревне у мыса Святого Лоренцо, и захватил двух старух, чтобы получить информацию. Они узнали, что многие буканьеры недавно переправились через перешеек и идут вдоль побережья на каноэ и пирагуа. Вице-король не оставлял попыток остановить их: козы на необитаемых островах были уничтожены, провизия убрана с берега, а корабли даже сожжены, чтобы спасти их от врага. В Ла-Плате к Дэвису присоединился капитан Сван на "*Сигнете*", который стал вольным разбойником в целях самообороны. К нему присоединился Питер Харрис, командовавший небольшим барком и приходившийся племянником командиру буканьеров, убитому в морском бою у Панамы за три года до этого. Теперь они послали за Итоном, но из письма, полученного на randevу в Лобосе, узнали, что он уже отплыл в Ост-Индию. Пока корабли ремонтировались в Ла-Плате, небольшой барк, захваченный Дэвисом, после того как испанцы подожгли его, взял в плен испанца весом 400 тонн, груженного лесом, и принес весть о том, что вице-король готовит десять фрегатов, чтобы вытеснить их из моря. Капитан Сван в этот кризисный момент превратился в вольного разбойника и очистил свой корабль от товаров, продавая их в кредит всем буканьерам. Громоздкие тюки он выбросил за борт, шелка и муслины оставил себе, а железные прутья сохранил для балласта. В качестве компенсации за эти жертвы буканьеры согласились выделить десять долей от всей добычи для владельцев капитана Свана.

Очистив суда и оборудовав пожарный корабль, эскадра высадилась в Паите, но нашла его пустынным. Бросив якорь у этого места, они потребовали в качестве выкупа 300 кулей муки, 3000 фунтов сахара, двадцать пять кувшинов вина и 1000 воды, и, проплавав шесть дней и ничего не получив, в отместку сожгли город и отплыли. Впоследствии они обнаружили, что Итон был здесь незадолго до этого, высадив пленных и сжег корабль на дороге. Сжегши судно Харриса, оказавшееся непригодным для плавания, эскадра направилась к острову Лобос-дель-Тьерра и, испытывая недостаток в продовольствии, набрала тюленей, пингвинов и олушей, а их люди-москиты снабдили их черепахами, в то время как корабли были очищены и снабжены дровами, готовясь к нападению на Гуаякиль. Высадившись на каноэ, они захватили в бухте небольшое судно, груженное тканями из Кито, и два судна, полных негров. Одно из них они разобрали на части, а несколько рабов забрали с собой. Из-за разногласий между двумя экипажами экспедиция потерпела неудачу. Проплутав всю ночь в лесу и с большим трудом прорубив дорогу, они отказались от затеи, не сделав ни одного выстрела, когда оказались почти в миле от города, который, по их мнению, был встревожен и находился на чеку.

Теперь Дампир предложил схему, которая осуществима и грандиозна, как и любая из схем Рэли. Он заявил, что у них никогда не было большей возможности обогатиться. Его смелый план заключался в том, чтобы с 1000 негров, находящихся на трех призах, отправиться на золотые прииски Святой Марты. Индейцы сразу же присоединились бы к ним из-за своей ненависти к испанцам. Для провизии у них было 200 тонн муки, заложенных на Галапагосских островах; Северное море было открыто для них; тысячи буканьеров присоединились бы к ним со всех концов Вест-Индии; объединившись, они могли бы сравниться со всеми силами Перу и сразу же стать хозяевами западного побережья вплоть до Кито. Это золотое облако превратилось в туман. Буканьеры вернулись в Ла-Плату, разделили Кито и превратили гуаякильское судно в тендер для "*Лебеда*". Старые буканьеры Дэвиса теперь ссорились с новобранцами на "*Лебеде*", обвиняли их в трусости и в том, что

они отказались от покушения на Гуаякиль, и жаловались, что им приходится снабжать их мукой и черепахами, поскольку у них нет ни провизии, ни индейцев-рыбаков. Не в силах развестись, злополучная парочка принялась вместе атаковать Лавелию в Панамском заливе. По картам, найденным в призах, они проверили обманы и ошибки испанских и индейских пленников, которых они наняли в качестве лоцманов. Теперь их целью был поиск каноэ в реках, не посещенных испанцами, где их планы могли остаться нераскрытыми.

Таких рек было множество от экваториальной линии до залива Святого Михаила. В пяти днях пути от Ла-Платы они внезапно налетели на деревню Томако и захватили судно, груженное лесом, с испанским рыцарем, восемью матросами и каноэ с двенадцатью кувшинами старого вина. Лодка, плывшая вверх по реке Сант-Яго, посетила дом, принадлежавший одной из сеньоров Лимы, чьи слуги торговали с индейцами золотом, несколько унций которого были найдены в их калабашах, когда они убегали.

Затем суда-близнецы отправились к острову Галло, захватив по пути пакетбот из Лимы и выловив письма, которые испанцы выбросили за борт, прикрепив к бую. Из них они узнали, что губернатор Панамы торопит отплытие трехгодичного флота тарелок из Кальо в Панаму, где его будут перевозить на мулах через перешеек. Перехватить этот флот и стать миллионерами за один день было теперь их единственной мечтой. Они сразу же направили свои корабли к Жемчужным островам в Панамском заливе. Их силы состояли из двух кораблей, трех барков, пожарного судна и двух небольших тендеров. Возле необитаемого острова Горгона они захватили судно с мукой, а высадив большую часть пленных на Горгоне, направились в бухту, захватили небольшое судно с провизией и продолжили наблюдение, крейсируя вокруг города.

Прервав всякое сообщение между Панамой и островами в заливе, Дэвис предложил обмен пленными, выдав сорок монахов, от которых он был рад избавиться, за одного из группы Харриса и моряка, застигнутого врасплох во время охоты на одном из островов. Флот Лимы все еще медлил, и буканьеры бросили якорь у Тавоги, острова, изобилующего деревьями какао и мамми, и прекрасной водой. Примерно в это время они едва не попали в ловушку испанского корабля, отправленного к острову в полночь под предлогом тайной торговли. Зачинщиком этой затеи был капитан Бонд, английский пират, дезертировавший к врагу. Эскадра, которая в тревоге разбежалась, чтобы избежать огня корабля, как раз собиралась вновь и искала свои брошенные якоря, когда раздался крик, что флот вооруженных каноэ направляется прямо к ним через островной канал. Это были французские флибустьеры, о которых мы рассказывали в приключениях Равено де Люссана. После участия в морском сражении у Панамы и нападения на Леон и Риа-Лексу буканьеры снова разделились на небольшие партии. Дампир присоединился к Свону и Таунли, которые решили совершить плавание вдоль берегов Мексиканской страны рудников, а затем, проплыв до юго-западной точки Калифорнии, пересечь Тихий океан и вернуться в Англию через Индию. В Гуаталико, знаменитом своей взрывающейся скалой, они высадили своих больных на несколько дней, раздобыли провизию и, спустившись недалеко от Акапулько, остановили вереницу из шестидесяти груженных мулов и убили восемнадцать бурен, доставив весь скот в целости и сохранности на свои корабли.

Чтобы добыть провизию, Сван разграбил город Сент-Пекак на побережье Новой Галлии, где хранились большие запасы для рабов соседних рудников. Многих из них он увез в первый же день верхом на лошадях и на плечах своих людей. Такие визиты повторялись - отряд буканьеров удерживал город, пока испанцы не собрали силы. Капитан Сван предупредил об

этом своих людей, увещевая их, когда они шли к своим каноэ с грузом маиса, держаться вместе, но они предпочли следовать своим путем, каждый по одиночке, ведя свою лошадь или неся груз на плече. Они попали в засаду, которую устроили для них испанцы, и в количестве пятидесяти человек были застигнуты врасплох и безжалостно убиты. Испанцы, схватив оружие и нагруженных лошадей, бежали, прежде чем Сван, услышавший далекую стрельбу, смог прийти на помощь своим людям. Пятьдесят четыре англичанина и девять негров пали в этой схватке, которая стала самой жестокой из всех, с которыми буканьеры сталкивались в Южном море. Дампир рассказывает, что капитан Сван был предупрежден об этом бедствии астрологом, с которым он консультировался перед отплытием из Англии. Многие из людей тоже предчувствовали беду, и предыдущей ночью, когда они лежали в церкви Святого Пекака, их беспокоили частые стоны, которые не давали им уснуть.

Это несчастье заставило Свана отплыть от берега и причалить к мысу Сент-Лукас, южной точке Калифорнии, - в отместку за то, что он оставил своего лоцмана и пленников на необитаемом острове. Лежа здесь, Дампир излечился от водянки, будучи зарытым в горячий песок полностью, кроме головы. Все 150 человек теперь жили на коротких пайках маиса и рыбы, которую индейцы заготавливали впрок. Один прием пищи в день стал правилом, а продукты выдавались квартирмейстером с точностью до золота. Но даже в таком бедственном положении две собаки и две кошки получали свою ежедневную долю. Теперь они отправились в круиз по Филиппинам. За долгий путь в 7 302 мили они не увидели ни одного живого существа - ни птиц, ни рыб, ни насекомых, кроме одной одинокой стаи олуш. К концу плавания люди почти взбунтовались из-за нехватки еды и тайно решили убить и съесть своего капитана (Лебедя), а затем, в обычном порядке, всех, кто способствовал путешествию. На острове Гуалан, где находился испанский форт и гарнизон из тридцати человек, буканьеры торговали с туземцами, которые принимали их за испанцев из Акапулько.

Капитан Итон, посетивший остров до них по пути в Индию, по наущению испанцев разграбил и убил многих туземцев, а остальных вынудил эмигрировать. Во время торговли сюда прибыло судно из Акапулько и, получив сигнал от губернатора, обратилось в бегство, но в спешке налетело на отмель, откуда его с трудом удалось вызволить. Лебедь, которому теперь не терпелось заняться спокойной торговлей, отказался от преследования и спокойно продолжил свое плавание. На острове Минданао капитан Сван и тридцать шесть человек его команды, жаждавшие только грабежа, вскоре захватили испанское судно, направлявшееся в Маниллу. В конце концов капитан Сван утонул, пытаясь перебраться на голландское судно, лежавшее в реке. Утомленный подлыми грабежами команды, которая теперь превратилась в настоящих пиратов, Дампир оставил их у Никобарских островов и, сев на каноэ, добрался до Суматры и в конце концов отплыл в Англию.

Оставшиеся в Южном море буканьеры процветали и совершили множество успешных походов. В Лавелии Таунли захватил сокровища и товары, выгруженные с корабля из Лимы в прошлом году, за которыми так долго и тщетно следил Сван и за которые буканьеры сражались в Панамском заливе. Таунли умер от ран. Харрис последовал за Сваном через Тихий океан, а Найт, другой английский буканьер, пресытившись грабежом, вернулся домой, нагруженный испанским золотом; у мыса Корриентес они тщетно ждали корабль из Маниллы, великий приз, на который нацеливаются все искатели приключений. Вскоре после этого среди экипажей вспыхнула злокачественная лихорадка, многие покинули эскадру и вернулись в Панаму, забрав с собой индейцев Дарьена, но оставив индейцев Москито на корабле "*Сигнет*".

Дэвис отплыл из Гуаякиля, чтобы зайти на Галапагосские острова, которые были в южной части Тихого океана тем же, чем Тортуга была в северной, - гаванью и убежищем буканьеров. Возвращаясь мимо мыса Горн, Дэвис открыл остров Пасхи и оставил на Хуане Фернандесе пять своих людей и пять негров-рабов. Эти люди были раздеты за игорным столом и не хотели возвращаться с пустыми руками. В конце концов "*Холостяцкая услада*" обогнула мыс Горн, и он достиг Вест-Индии как раз вовремя, чтобы воспользоваться помилованием, объявленным королевским указом.

Дампир добрался до Англии в 1691 году и, опубликовав свои путешествия, был отправлен в 1691 году Вильгельмом III в плавание с целью открытия Новой Голландии и потерпел крушение у острова Вознесения. В правление королевы Анны, во время войны за наследство, он командовал двумя каперами и крейсировал против испанцев в Южном море. Его задачами были захват испанских тарелочных судов, идущих из Буэнос-Айреса на , подстерегание золотого судна, идущего из Болдивии в Лиму, и захват галеона "Манилла". У Хуана Фернандеса он семь часов сражался с французским судном буканьеров, но разошелся, так и не добившись захвата. Так сильны были в нем старые флибустьерские привычки, что, по его признанию, он с неохотой нападал на любое судно, не принадлежащее испанцам. Прежде чем они достигли нужной широты, отплыло судно "Болдивия".

Капитан Страдлинг, командир его спутника, расстался с компанией. Сюрприз Санта-Марии в Панамском заливе не удался, но Дампир взял несколько небольших призов. Во время стоянки в заливе Никоя его старший помощник Джон Клиппертон поднял мятеж и, захватив свой тендер с боеприпасами и запасами, вышел в море. Еще худшее разочарование ждало командира: у форта де Нариды он неожиданно наткнулся на галеон "Манилья" и нанес ему несколько широких ударов, прежде чем тот смог освободиться для боя. Но даже в таком невыгодном положении двадцатичетырехфунтовые орудия испанцев вскоре заставили замолчать пять -фунтовых орудий Дампира, пробили гнилые доски его судна, "*Святого Георгия*", и вынудили его отчалить - команда галеона вчетверо превышала команду англичан.

Дампир, унывая и изнемогая от плавания, посадил тридцать четыре человека на призовую бригантину в семьдесят тонн и назначил командиром одного из них по имени Фаннел. Разрешив им отплыть в Индию, он с двадцатью девятью людьми вернулся в Перу и разграбил город Пуна. Судно больше не годилось для плавания, они бросили его в Лобос-де-ла-Мар и на испанской бригантине пересекли Тихий океан. В Индии Дампир, у которого некоторые дезертиры украли комиссионные, был заключен в тюрьму голландцами. Когда он наконец добрался до Англии, то обнаружил, что Фаннел вернулся и опубликовал сведения о своем плавании в Вест-Индию. Несколько его людей, проигравших свои деньги в азартные игры, остались с Дэвисом на корабле *Bachelor's Delight*.

Предполагается, что теперь он впал в крайнюю нищету, так как в 1708 году мы видим его в качестве лоцмана на двух бристольских каперах, которые обогнули земной шар и были столь же успешны, сколь и неудачливы. В Хуан-Фернандесе командир Вудс Роджерс взял на борт знаменитого Александра Селькирка, брошенного здесь четыре года назад мятежным супругом Дампира, капитаном Страдлингом, и, по совету путешественника, бедный изгой был назначен вторым помощником *герцога*. В Гуаякиле, где Дампир командовал артиллерией, им досталась добыча на сумму 21 000 фунтов стерлингов, а также 27 000 долларов в качестве выкупа за город. У мыса Лукас они захватили богатый манильский корабль, груженный товарами и содержащий 12 000 фунтов стерлингов в золоте и серебре. Они также столкнулись с большим манильским галеоном, но были отбиты после тяжелого боя, потеряв двадцать пять человек. После двухмесячного плавания они достигли Гуалана и получили провизию, бросив якорь под испанскими цветами. Посетив Батавию, они долго

ждали на мысе флот, направляющийся домой, и в июле 1711 года вошли в Тексель на пяти с двадцатью парусами, голландскими и английскими, а в октябре отплыли вверх по Темзе с добычей, оцененной в 150 000 фунтов стерлингов. О великом Дампире мы больше ничего не слышали, и само место его захоронения неизвестно.

Ван Хорн был обычным голландским моряком, который, благодаря благоразумию своей нации, скопил 200 долларов, вступил в партнерство с приятелем, отложившим такую же сумму, и, отправившись во Францию, получил каперское поручение и оборудовал рыболовное судно с командой из тридцати человек. Сначала он плавал как голландец, затем купил в Остенде большое судно и, подняв французский флаг, начал войну со всеми народами. Французский суд приказал мсье д'Эстре задержать этого Летучего голландца, чьи полномочия уже истекли, и для этой цели был послан корабль; но поскольку командир не имел приказа идти на крайние меры, а Ван Хорн был намерен не уходить живым, ему удалось бежать. Совершенно неустрашимый, он направился в Пуэрто-Рико, вошел в бухту, трубя в трубы, и, сойдя на берег, сообщил губернатору, что пришел предложить свои услуги по сопровождению галеонов, которые в то время были готовы к отплытию. Губернатор принял предложение, и Ван Хорн отплыл вместе с ними, но вскоре к нему присоединились товарищи-буканьеры, и он повернул на добычу, захватил самое богатое, потопил несколько других и преследовал остальных. Так началась карьера этого искателя приключений. Его последующая жизнь была достойна такого начала.

Ван Хорн был безмерно богат. Обычно он носил нитку жемчуга необычайной величины и большой рубин великой красоты. Его вдова впоследствии жила в Остенде.

В 1683 году Ван Хорн, который всю жизнь сражался под французскими знаменами, хотя и не очень щепетильно относился к тому, какой нации принадлежит судно, и был богат, отправившись в Сен-Доминго для продажи негров, был конфискован испанским губернатором. Неуправляемые страсти буканьера не могли смириться с таким оскорблением, как рыцарь смирился бы с ударом. Гордость буканьера жаждала мести; скупость буканьера жаждала возмездия. Решив отомстить, разгневанный голландец поспешил в Петит-Гавес, взял у губернатора Тортуги поручение и сразу же набрал 300 самых храбрых буканьеров, решив напасть на Вера-Крус. Среди его команды было несколько ведущих вождей буканьеров. Граммон, недавно потерявший свой корабль у острова Авес, в прошлом командир, теперь был простым добровольцем. Таковы превратности жизни буканьеров. Там же находился и Лоранс де Графф. Он был голландцем, как и Ван Хорн, но один прибыл из Остенде, а другой - из Дорта. Среди менее знаменитых были Годфруа и Жонке. Вскоре их число выросло до 1200 отборных мужчин на шести судах под командованием Ван Хорна и де Граффа, у которых было по фрегату в пятьдесят пушек, а у остальных - простые барки. Их общей целью был Веракрус, средоточие всех богатств Новой Испании, и им не требовалось другого стимула, чтобы побудить их к быстроте и единству.

От испанских пленников они узнали, что в Веракрусе ежечасно ожидают два больших судна, груженных какао, с Caraccas. Предводители буканьеров тут же оснастили два своих самых больших корабля по испанскому образцу и, подняв испанский флаг, смело направили их в гавань, словно только что вернувшиеся мирные, но вооруженные торговцы из долгого и успешного плавания. Это был канун Успения, толпы моряков и горожан выстроились вдоль набережных, и ожидающее население приветствовало богатых торговцев, когда они величественным шагом входили в гавань. Однако более зоркие глаза вскоре заметили, что суда Каракка продвигаются очень медленно, хотя ветер был попутным, и их подозрения усилились почти до того, как буканьеры успели войти в порт. Некоторые даже побежали доложить губернатору, что все не так, но дон Луис де Кордова сказал им, что их опасения

были глупыми: два судна, которые он знал по безошибочным признакам, были теми, которых он ожидал; тот же ответ он передал командиру форта в Сен-Жан-д'Ульоа, который также послал его с просьбой быть начеку.

Около полуночи французы под покровом темноты высадились в старом городе, примерно трех лигах к западу от современного города. Они легко добрались до места и застали губернатора в его постели. Дремлющие часовые были повержены, и небольшая крепость с двенадцатью пушками оказалась в руках их людей. На каждом углу были расставлены пикеты. Неожиданность была настолько полной, что когда на рассвете зазвонил набат, дозорные, встревоженные выстрелами из мушкета, обнаружили, что город уже связан по рукам и ногам. По первому звону колокола гарнизон выбежал из казарм и выстроился под своими знаменами, но увидел, что французы уже во всеоружии стоят на главных улицах. Они были окружены и беспомощны. Когда наступил день, никто не смел показываться, потому что всех, кто выбегал с оружием, мгновенно убивали. У каждой двери на главных улицах были расставлены часовые, рядом с ними стояли бочки с порохом, готовые по малейшему сигналу опасности выстрелить в поезд, соединяющий одну улицу с другой. Мы полагаем, что именно по этому случаю Ван Хорн заставил монаха войти в собор, который проповедовал народу о тщете мирских богатств и необходимости отказаться от них в пользу грабителя. Затем буканьеры загнали всех испанцев в дома, а женщин и детей загнали в церкви. Там они оставались, теснясь друг к другу, плача и голодая, в течение трех дней, пока их враги собирали добычу. Буканьеры, оказавшись в безопасности, как обычно, предались разврату и обжорству - некоторые умерли от неумеренного чревоугодия. К счастью для этих несчастных, епископ города, оказавшийся в это время неподалеку от Веракруса, начал переговоры о выкупе. Он был определен в два миллиона пиастров, часть которых была выплачена в тот же день - буканьеры отказались от оставшегося миллиона, поскольку вице-король уже приближался к городу во главе большого отряда. Теперь голландца и его отряд подстерегали опасности. Около одиннадцати часов утра наблюдатель на башне Святой Екатерины сообщил, что к городу приближается флот из четырнадцати парусов.

Буканьеры, встревоженные, бросились к оружию. Французы, пораженные этим известием, опасаясь оказаться между двух огней, приняли решение о немедленном отступлении. Горожане, напуганные перспективой расправы со своими разъяренными и отчаявшимися врагами, опасались опасности не меньше, чем сами буканьеры. Ван Хорн быстро собрал все пластины и кохиню, а также более ценные и портативные трофеи и с нетерпением ждал выкупа, который был уже почти готов. Однако он так и не был получен, потому что погонщики мулов, услышав стрельбу, остановились, пока флот не подошел на расстояние видимости. Буканьерам нельзя было терять время, и они компенсировали это тем, что перевезли 1500 рабов на свои суда, которые были пришвартованы в нескольких лигах от них, в Грихалуке, безопасном месте.

Ночь они провели в большом беспорядке, постоянно опасаясь нападения испанского флота, который в то же время поздравлял себя с тем, что достиг Веракруса целым и невредимым. Опасность, грозившая буканьерам, действительно еще не миновала, ведь у них не было ни воды, ни достаточного количества провизии, а на борту находилось около полутора тысяч пленников. По поводу этих заложников вожди разошлись во мнениях, и слова разгорелись с новой силой. Два вождя подрались, и Ван Хорн получил от де Граффа удар мечом по руке. Несколько экипажей подхватили ссору своих капитанов, и дело дошло бы до драки, если бы де Графф не разделил добычу и сразу же не отплыл. Ван Хорн последовал за ним, но умер во время плавания: на ране, которая сначала была совсем незначительной, образовалась

гангрена. По словам Шарлевуа, его очень любили его люди, хотя он имел привычку рубить любого матроса, который, по его мнению, дрогнет перед его пушками. Он оставил свой фрегат Граммону, который после страшных страданий добрался до Сен-Доминго, потеряв три четверти пленных из-за голода - его паташе был изгнан и захвачен испанцами. Судно де Граффа также потерпело крушение, но команда один за другим добралась до Сен-Доминго, где, несмотря на плохой прием губернатора, их ждало гостеприимство жителей, которые жаждали сокровища Вера-Круса. Губернатор, месье де Франкесной, не имея ни крепости, ни гарнизона и подвергаясь набегам испанцев, не мог оказать никакого сопротивления этим диким беженцам, которые однажды, узнав, что он намерен захватить часть добычи Вера-Круса, окружили его дом в количестве 120 человек и угрожали его жизни. В это время ожидалось всеобщее восстание французов.

Уже в следующем году губернатор Картахены, узнав, что Мишель ле Баск и Жонке крейсируют возле его порта, отправил против них два судна: одно из 48 пушек и 300 человек, другое - из 40 пушек и 250 человек, с небольшим барком в качестве приманки. Вождь буканьеров командовал судном в 30 пушек и 200 человек каждый. Они схватились с испанцами, удерживали их в течение полутора часов, обстреливали палубы из мушкетов, пытались ручными гранатами и ракетами и в конце концов с триумфом унесли их. Все испанцы, которые не были убиты, были отправлены на берег с запиской губернатору, в которой благодарили его за то, что он прислал им два таких хороших судна, поскольку их собственные уже давно не годятся для службы. Кроме того, они обещали ждать пятнадцать дней у Карфагена любое другое судно, от которого он захочет избавиться, если он пришлет на нем деньги, в которых они очень нуждались.

КОНЕЦ ТОМА. II.

ЛОНДОН: СЕРКОМБ И ДЖЕК, 16 ВЕЛИКАЯ ВИНДМИЛЛ-СТРИТ.